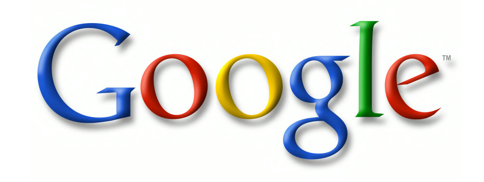

SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG·
VE
RI
TAS
CHRISTO ET ECCLESIÆ

ВИЛЕНСКІЕ ОЧЕРКИ

1863—1865 гг.

(МУРАВЬЕВСКОЕ ВРЕМЯ)

А. Н. МОСОЛОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13
1898

ВИЛЕНСКІЕ ОЧЕРКИ

1863—1865 гг.

(МУРАВЬЕВСКОЕ ВРЕМЯ)

А. Н. МОСОЛОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13
1898

Дозволено цензурою 9-го сентября 1898 г. С.-Петербургъ.

Открытіе въ Вильнѣ, сооружаемаго по всенародной подпискѣ, памятника графу М. Н. Муравьеву дало мнѣ мысль выпустить отдѣльнымъ изданіемъ мои «Виленскіе очерки 1863—1865 гг.», впервые появившіеся въ послѣднихъ книжкахъ «Русской Старины» 1883 года. Этимъ трудомъ, посвященнымъ выясненію незабвенной личности великаго устроителя Западнаго края, я надѣюсь хотя въ малой мѣрѣ выполнить предъ его памятью нравственный долгъ, лежавшій въ теченіи тридцати лѣтъ на мнѣ, какъ на близкомъ день за день свидѣтелѣ его помысловъ, начинаній и дѣяній за послѣдніе знаменательные три года его жизни.

Въ 70-хъ годахъ я надѣялся, что полковникъ Кропотовъ, предпринявшій жизнеописаніе графа М. Н. Муравьева, воспользуется моею рукописью и моими бумагами, какъ матеріаломъ. Къ сожалѣнію, задавшись слишкомъ сложной программой и будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, полк. Кро-

потовъ успѣлъ выпустить только первый томъ своего труда, въ коемъ жизнь М. Н. Муравьева доведена лишь до 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія, т. е. до назначенія его гродненскимъ губернаторомъ. Мысль почтеннаго автора заключалась, повидимому, въ томъ, чтобы изобразить со всею подробностію, по документамъ, семейную и общественную среду, въ которой народилась и созрѣла могучая личность Муравьева—это олицетвореніе русскаго народнаго вождя, стойкаго, выдержаннаго, великой простоты въ жизни и въ пріемахъ дѣятельности, способнаго крѣпко и до конца совершить свой подвигъ съ единою вѣрою, что этого требуетъ благо отечества.

Цѣль историка достигнута удовлетворительно; но, вдавшись въ подробности, онъ не дошелъ въ своемъ жизнеописаніи до той эпохи, которая прославила имя Муравьева и сдѣлала его дорогимъ сердцу русскому. Появившіяся съ того времени въ печати воспоминанія разныхъ лицъ, хотя и проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на муравьевское время, касаются главнымъ образомъ тѣхъ сторонъ его дѣятельности, которая отразилась ближайшимъ образомъ на ихъ составителяхъ; не говорю уже о тѣхъ сомнительнаго происхожденія анекдотахъ и легендахъ, которые циркулируютъ до сего времени въ обществѣ. Такимъ образомъ наиболѣе цѣннымъ

матеріаломъ для уразумѣнія содѣяннаго Муравьевымъ подвига остаются его записки, продиктованныя мнѣ въ промежутокъ времени со 2 января по 4 апрѣля 1866 года.

Во время ихъ обработки, я задался цѣлью дополнить эти записки описаніемъ того, что происходило въ непосредственной близости М. Н. Муравьева, тѣхъ чувствъ и мыслей, которыми была проникнута созданная имъ и окружавшая его среда, и вообще дать цѣльное представленіе объ этой поворотной эпохѣ въ русской исторіи, важность которой мы всѣ тогда такъ ясно сознавали.

Вскорѣ послѣ кончины графа М. Н. Муравьева, послѣдовавшей 30 августа 1866 г., мои «Виленскіе очерки» были окончены, а къ веснѣ слѣдующаго года пересмотрѣны и приготовлены къ печати; но увидѣли свѣтъ едва черезъ 16 лѣтъ, и то благодаря настойчивости покойнаго М. И. Семевскаго, напечатавшаго ихъ безъ моего согласія, вслѣдъ за появленіемъ въ печати записокъ графа М. Н. Муравьева.

Не много осталось въ живыхъ изъ числа лицъ, упомянутыхъ въ моихъ запискахъ; немногимъ изъ близкихъ сотрудниковъ Муравьева доведется увидѣть образъ его, изваянный изъ бронзы въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ. Можно, однако, быть увѣреннымъ, что всѣ они сошли со сцены съ

глубокимъ сознаніемъ величія его заслугъ предъ отечествомъ. Всѣ они знали, что въ дѣлѣ возрожденія Западнаго края Россіи, въ дѣлѣ поворота русской государственной политики въ сторону ея историческихъ устоевъ, графъ М. Н. Муравьевъ былъ не одинъ; но онъ былъ первымъ, у кого слово воплотилось въ дѣло.

Предлагаемые очерки составлены мною въ исходѣ 1866 года, въ видѣ личныхъ воспоминаній за время службы моей въ Вильнѣ, при бывшемъ генералъ-губернаторѣ Сѣверо-Западнаго края графѣ Муравьевѣ. Въ то время Вильна представляла самый оживленный центръ политической дѣятельности, на который было обращено общее вниманіе. Во время занятій при генералъ-губернаторѣ мнѣ довелось познакомиться почти со всѣми главнѣйшими дѣятелями и со всѣмъ ходомъ дѣлъ управленія, а потому и записки эти носятъ на себѣ отпечатокъ времени и представляютъ послѣдовательные очерки двухлѣтняго управленія графа Муравьева Сѣверо-Западнымъ краемъ. Отбросивъ по возможности все, что касалось лично меня и моихъ отношеній къ разнымъ лицамъ, я сохранилъ здѣсь все выдававшееся въ виленской дѣятельности за этотъ любопытный періодъ современной русской жизни.

Очерки мои обнимаютъ два года, а именно: съ 1-го мая 1863 г. (время назначенія генерала Му-

равьева генералъ-губернаторомъ) по май мѣсяцъ 1865 г. (время его увольненія) и раздѣляются на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ описаніе перваго года его управленія краемъ—собственно усмиреніе мятежа, раскрытіе революціонной организаціи и мѣры, временно принятыя до поѣздки его въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1864 г. и возвращенія оттуда черезъ мѣсяцъ. Съ этого времени начинается второй періодъ дѣятельности ген. Муравьева, въ которомъ мѣры временныя уступаютъ мѣсто болѣе прочнымъ реформамъ, усиленіе русскаго элемента и православія играетъ главную роль и «русское дѣло» въ Сѣверо-Западномъ краѣ—становится лозунгомъ его дѣятельности до отъѣзда его въ Петербургъ въ мартѣ 1865 г. и увольненія его отъ должности—этотъ періодъ времени описанъ во второй части настоящихъ записокъ.

Къ настоящему изданію прибавлена мною отдѣльная глава: «Послѣдній годъ жизни графа М. Н. Муравьева».

А. М.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1863—1864 гг.

I.

Положеніе Сѣверо-Западнаго края во время назначенія генерала Муравьева виленскимъ генералъ-губернаторомъ. — Признаки мятежа до 1863 года.—Приказъ о назначеніи ген. Муравьева въ Вильну.—Составъ его походной канцеляріи.—Пріемы генералъ-губернатора.—Отъѣздъ изъ Петербурга.—Посѣщеніе Динабургской крѣпости.—Полковникъ Павловъ о событіяхъ послѣдняго мятежа.—Вильна.

Когда генералъ Муравьевъ былъ назначенъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, весь Сѣверо-Западный край былъ объятъ мятежемъ. Многія сообщенія въ краѣ были прерваны — шоссе изъ Острова на Кіевъ было не безопасно отъ бродячихъ шаекъ. На желѣзную дорогу дѣлались нападенія. Служащіе въ краѣ всѣ почти были изъ поляковъ. Народъ въ страхѣ безмолствовалъ. Все русское жило, притая дыханіе; большая часть мѣстныхъ жителей была увѣрена, что дѣло Россіи въ западныхъ губерніяхъ проиграно. Самыя наглыя демон-

страціи производились открыто повсюду; лица, не желавшія носить политическій трауръ, подвергались всякаго рода ругательствамъ и оскорбленіямъ.

Всѣ признаки мятежа въ Сѣверо-Западномъ краѣ обнаружились гораздо ранѣе 1863 года. Край этотъ съ самаго присоединенія его къ Россіи жилъ постоянно польскою жизнью. Варшава давала всему сигналъ и начавшіеся съ 1861 года въ Царствѣ Польскомъ безпорядки отозвались съ необыкновенною силою въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ.

Еще въ 1862 году, во время дворянскихъ выборовъ, происходившихъ въ Подольской губерніи, заявлены были тамошнимъ дворянствомъ желаніе и необходимость присоединить Подольскую губернію къ Царству Польскому. Съ этою цѣлью былъ составленъ извѣстный адресъ Государю, въ которомъ выражалось, что край этотъ по языку, религіи и историческимъ преданіямъ—край польскій, съ Россіею общаго ничего не имѣетъ и потому, для предоставленія ему возможности правильнаго развитія, необходимо присоединить его къ Польшѣ.

Примѣру подольскаго дворянства послѣдовало минское—здѣсь руководилъ этимъ дѣломъ губернскій предводитель Лаппа, умѣвшій въ то же время снискать вниманіе правительства. Многіе русскіе изъ ополяченныхъ подписались подъ протоколомъ,

въ которомъ заявлено о необходимости просить Государя присоединить Минскую губернію, по тѣмъ же почти причинамъ, какія выставлены въ подольскомъ адресѣ, къ Царству Польскому. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ Минской губерніи на 168,000 католиковъ въ 60-хъ годахъ было 740,000 православныхъ. Дерзость минскаго дворянства дошла до того, что когда ему объявлено было высочайшее неудовольствіе, оно положило только занести объ этомъ въ протоколъ и заявить въ немъ, что предположеніе дворянства не состоялось лишь по недопущенію высшаго правительства.

Въ Вильнѣ, съ 1861 года, демонстраціи всякаго рода происходили въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и едва ли не каждый день. Распорядительницей по ношенію патріотическаго траура была богатая виленская помѣщица Матильда Бучинская, завѣдывавшая разными благотворительными заведеніями и обращавшая свои благодѣянія въ средства для достиженія политическихъ цѣлей. Виленскій уѣздный предводитель дворянства и въ особенности жена его были тоже двигателями всякаго рода демонстрацій: они устроили въ окрестностяхъ Вильны, въ предмѣстьи Бельмонтъ, лѣтомъ 1861 г., народное гулянье, съ польскимъ національнымъ характеромъ. По ихъ приглашенію на праздникъ этотъ съѣхались всѣ городскія знатныя дамы и танцо-

вали съ простолюдинами и ремесленниками польскіе танцы. Все это дѣлалось въ видахъ сближенія съ народомъ для предстоящаго возстанія. Народу сулились великія милости; по краю разбрасывались всюду, даже по полямъ, тысячи прокламацій; между тѣмъ, при малѣйшемъ противодѣйствіи со стороны крестьянъ, помѣщики требовали военныхъ экзекуцій для того только, чтобъ возстановить народъ противъ правительства.

Для Литвы явился вскорѣ свой маркизъ Веліопольскій—это былъ гродненскій губернскій предводитель дворянства, гр. Старженскій. Онъ тоже представлялъ правительству свои мемуары и соображенія, также требовалъ автономіи занадныхъ губерній и присоединенія ихъ къ Польшѣ. Онъ успѣлъ вкрасться въ довѣренность многихъ высшихъ лицъ и хотя его благосклонно слушали, но требованій его не исполняли. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ, что правительство, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, будетъ вынуждено обратиться къ мѣстной аристократіи и что при этомъ ему будетъ поручено устройство края. Обнадеженный такимъ образомъ, въ началѣ 1863 г., когда правительство вынуждено было усмирять открытый мятежъ войсками, гр. Старженскій подалъ въ отставку, заявляя, что не считаетъ приличнымъ служить такому правительству, которое «само возбуждаетъ

рѣзню», и циркулярно сообщилъ объ этомъ всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства, приглашая ихъ послѣдовать его примѣру *).

Ночь на 11-е января 1863 г. была назначена въ Царствѣ Польскомъ и въ Литвѣ для общей рѣзни всѣхъ русскихъ войскъ и для начала возстанія на подобіе того, какъ это было въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ Царствѣ Польскомъ рѣзня совершалась почти повсемѣстно. Въ Западномъ же краѣ только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Гродненской губерніи. Вслѣдъ затѣмъ, все Царство Польское наводнилось мятежными шайками и нѣкоторыя изъ нихъ пробрались въ Гродненскую губернію.

Не смотря на постоянныя битвы и стычки нашихъ войскъ съ мятежниками, въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1863 г. весь край былъ уже объятъ мятежемъ. Въ Ковенской и Гродненской губерніяхъ мятежники распоряжались какъ у себя дома; шайки ихъ бродили подъ стѣнами Вильны; въ Минской губерніи дѣйствовали Свѣнторжецкій и Траугутъ; изъ Петербурга была отправлена въ Литву 2-я гвардейская пѣхотная дивизія, но войскъ

*) Лишь по прибытіи графа Муравьева въ Вильну, гр. Старженскій былъ арестованъ, судимъ военнымъ судомъ и, по выдержаніи одного года въ Бобруйской крѣпости, сосланъ въ отдаленныя губерніи.

было все-таки недостаточно. Вездѣ были стычки, газеты наполнялись реляціями.

Одновременно съ развитіемъ мятежа ополчилась на насъ и вся западная Европа, обвиняя насъ въ угнетеніи «несчастныхъ» поляковъ, и предлагая намъ посредничество, конгрессъ.

Всѣ иностранныя газеты были наполнены возгласами и сожалѣніями о полякахъ, мужественно гибнущихъ за отечество; насъ называли варварами и монголами и предлагали намъ убраться подальше на Востокъ, гдѣ наше истинное призваніе, и уступить мѣсто польской цивилизаціи. Выдумки были самыя дерзкія и циническія—и иностранные дворы: англійскій и французскій, отправивъ къ намъ свои требовательныя ноты, лишь воодушевили это движеніе и поддержали надежды поляковъ. За Франціей и Англіей поспѣшили протестовать и прочія государства.

Война казалась неизбѣжною. Принимались всѣ мѣры къ укрѣпленію Кронштадта. Въ публикѣ шелъ говоръ о недостаточности его укрѣпленій и о томъ, что въ скоромъ времени мы увидимъ передъ столицей враждебные флоты. Опасность положенія нашего въ западномъ краѣ только тогда вполнѣ обнаружилась, когда въ апрѣлѣ вдругъ загорѣлся мятежъ въ Могилевской губерніи (впрочемъ уничтоженный въ 10 дней самими крестьянами),

а въ Витебской губерніи, въ виду грозныхъ твердынь Динабурга, гр. Платеръ напалъ на транспортъ, шедшій съ оружіемъ, и разграбилъ его. Правда, тутъ былъ и естественный предѣлъ своевольству поляковъ. Въ Могилевской губерніи народъ перехваталъ мятежниковъ, а въ Витебской онъ дошелъ до крайняго съ ними ожесточенія... Ропотъ въ Петербургѣ былъ всеобщій; какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, всѣ подозрѣвались въ измѣнѣ; въ умахъ произошелъ сильный переломъ— не въ пользу поляковъ.

По мѣрѣ того, какъ взглядъ на польскій вопросъ сталъ проясняться, въ обществѣ происходила реакція и всѣ спѣшили громогласно отречься отъ сочувствія полякамъ. Первый сигналъ къ этому былъ поданъ петербургскимъ дворянствомъ на обыкновенныхъ выборахъ, происходившихъ въ февралѣ 1863 года. Дворянство представило Государю адресъ, проникнутый патріотическими чувствами и заявленіями всеобщей готовности ополчиться противъ враговъ Россіи. Дворянство постановило, на случай войны, жертвовать ежегодно до прекращенія ея $^{1}/_{10}$ часть своихъ доходовъ. Адресу этому откликнулась вся Россія. Отовсюду посыпались къ Государю адресы и многіе были присланы при депутаціяхъ съ заявленіемъ тѣхъ же чувствъ. Явленіе это было глубоко утѣшительно для вся-

каго русскаго. Всѣ почувствовали свою силу и эти заявленія остались не безъ вліянія на Европу и на наши къ ней отношенія. Тонъ ея сталъ менѣе требователенъ и не столько, кажется, ноты наши, какъ этотъ патріотическій гулъ вынудилъ враговъ нашихъ оставить насъ въ покоѣ.

Въ такое-то время, послѣ предварительныхъ совѣщаній, 1-го мая 1863 г. назначенъ былъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ членъ государственнаго совѣта, генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Ему подчинены были и губерніи Витебская и Могилевская, управлявшіяся на общемъ основаніи, и даны права командира отдѣльнаго корпуса въ военное время.

Еще за нѣсколько дней до назначенія М. Н. Муравьева въ приказѣ, (но когда Государь уже объявилъ ему свою волю), я получилъ приглашеніе явиться къ нему къ 11-ти часамъ утра.

Муравьевъ жилъ въ то время на Литейной, въ домѣ департамента удѣловъ. Уволенный за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ отъ званія предсѣдателя департамента удѣловъ, онъ оставался еще на прежней квартирѣ въ ожиданіи отдѣлки помѣщенія въ собственномъ своемъ домѣ. Когда я пришелъ, въ пріемной было уже человѣкъ 5 или 6; я ждалъ съ полчаса. Наконецъ дверь отворилась и быстрыми шагами вышелъ изъ нея Михаилъ Николаевичъ.

Сказавъ нѣсколько словъ съ стоявшими выше меня, онъ просилъ меня къ себѣ потолковать. Я вошелъ за нимъ въ огромнѣйшій кабинетъ, который былъ перегороженъ книжными шкафами. Онъ распрашивалъ меня очень подробно..., остался повидимому мной доволенъ и сказалъ, что зачислитъ въ свою канцелярію, но просилъ зайти черезъ нѣсколько дней, такъ какъ нѣтъ еще приказа о его назначеніи, а до того онъ не можетъ сдѣлать ничего положительнаго.

М. Н. Муравьевъ привѣтливо отпустилъ меня, но я долго не могъ освободиться отъ впечатлѣнія, которое онъ на меня произвелъ. Я все припоминалъ свои слова, боясь не сказалъ ли какой-нибудь глупости и вообще чего-нибудь лишняго,— такъ сильно было впечатлѣніе производимое своеобразной и могучей личностью Муравьева. Это не было обыкновенное чувство подчиненнаго передъ начальникомъ, ибо я не имѣлъ тогда ни малѣйшаго понятія о служебной зависимости и смотрѣлъ на все взглядомъ свѣтскаго человѣка.

Дня черезъ три, кажется, 4-го мая, я отправился снова на Литейную и снова очутился въ большой пріемной, гдѣ на этотъ разъ было уже болѣе ожидающихъ. Между прочими тутъ находились отставной генералъ-лейтенантъ Энгельгардтъ, назначаемый губернаторомъ въ Ковно, и флигель-адъю-

антъ полковникъ графъ Бобринскій *), только что назначенный наканунѣ губернаторомъ въ Гродно. Въ этотъ разъ мнѣ пришлось ждать долѣе и я увидѣлъ уже дежурнаго чиновника со спискомъ въ рукахъ. Наконецъ двери кабинета растворились и Михаилъ Николаевичъ тѣми же маленькими, но быстрыми шагами вышелъ къ намъ. Графу Бобринскому онъ сказалъ нѣсколько любезныхъ фразъ по французски и поздравилъ его съ назначеніемъ. Затѣмъ, быстро обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Ну, теперь, я уже приказалъ васъ зачислить. Принесите въ канцелярію ваши бумаги и начните заниматься». Я откланялся. Меня привели по другую сторону парадной лѣстницы въ маленькую комнатку, откуда постоянно выходили и входили какіе-то господа. У окна на креслѣ сидѣлъ извѣстный въ то время полковникъ Лебедевъ (бывшій редакторъ „Инвалида", авторъ многихъ статей, въ томъ числѣ и о тюрьмахъ; имъ написана монографія: «Гр. Петръ и Никита Панины»). Меня подвели къ нему, какъ къ начальнику, и просили любить меня и жаловать. Онъ очень былъ привѣтливъ, много шутилъ и нѣсколько меня пріободрилъ.

Канцелярія была цѣлый день полна народомъ;

*) Впослѣдствіи Министръ Путей Сообщенія. Скончался не у дѣлъ въ 1898 г.

изъ постоянныхъ чиновниковъ былъ собственно одинъ я. Всѣ прочіе были временные чиновники, прежде служившіе подъ начальствомъ М. Н. Муравьева и взятые лишь для кадра на первые дни. Тутъ сочинялись предписанія о введеніи военнаго положенія во всѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ Сѣверо-Западнаго края, объ устройствѣ сельскихъ карауловъ, объ учрежденіи разныхъ слѣдственныхъ коммисій. Дня черезъ три стали являться новые чиновники, все по два, командированные изъ разныхъ министерствъ. Такимъ образомъ насъ оказалось 10 или 12 человѣкъ. Писарей вовсе не было, на подобіе дипломатической канцеляріи. Дѣйствительно, всѣ бумаги здѣсь составляли важныя въ то время тайны; занимались и утромъ, и послѣ обѣда отъ 8 часовъ до поздней ночи. Дня за два до отъѣзда, уже часу въ 11-мъ вечера, велѣно было написать какую-то длинную инструкцію въ 10-ти экземплярахъ, такъ что пришлось всѣмъ писать подъ диктовку одного, чтобы поспѣть къ утру. Удовольствіе это продолжалось до 3-го часа ночи.

Однажды мнѣ пришлось быть дежурнымъ у генералъ-губернатора за отсутствіемъ адъютанта. Въ числѣ представлявшихся былъ виленскій губернскій предводитель дворянства, впослѣдствіи столь извѣстный, Домейко. Онъ просился въ отпускъ за границу; но генералъ-губернаторъ приказалъ

ему немедленно отправиться къ мѣсту служенія, такъ какъ въ такое бурное время всѣ должны быть на своихъ мѣстахъ. Послѣ 2-хъ часовъ Михаила Николаевича посѣщали министры и иныя высшія лица; вечеромъ — чиновники, отправлявшіеся въ край передовыми. Отсюда такимъ образомъ былъ назначенъ въ Могилевскую губернію командующимъ войсками кн. Яшвиль, бывшій командиръ лейбъ-гусарскаго полка.

За два дня до отъѣзда я увидѣлъ въ пріемной новое лицо съ бумагами: мнѣ сказали, что это камеръ-юнкеръ Рачинскій, начальникъ походной канцеляріи, т. е. и мой. Онъ только что принялъ должность отъ полковника Лебедева *). Перемѣна эта совершилась съ необыкновенною быстротою.

Генералъ-губернаторъ нѣсколько разъ ѣздилъ къ Государю съ докладами; но намъ еще не назначали дня отъѣзда, опасаясь огласить его, чтобы поляки, узнавъ о томъ, не повредили желѣзной дороги. Наконецъ 12-го мая, въ воскресенье, намъ было объявлено, что отъѣздъ назначенъ въ этотъ же день вечеромъ въ 10 часовъ.

Генералъ-губернаторъ ѣхалъ въ особомъ вагонѣ съ адъютантомъ и генералами Соболевскимъ и

---

*) Полковникъ П. С. Лебедевъ, оставшись въ Петербургѣ, прибылъ въ край лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Лашкаревымъ. Перваго я уже видѣлъ раза два, а послѣдняго лишь утромъ въ день отъѣзда, такъ какъ онъ только наканунѣ прибылъ изъ Москвы. Провожавшихъ генералъ-губернатора было множество: сочувствіе къ нему было большое, на него были устремлены всѣ взоры, на него всѣ надѣялись.

Въ одномъ поѣздѣ съ нами ѣхали еще два офицера генеральнаго штаба, *) назначенные въ его распоряженіе, и другія второстепенныя лица, поступившія на службу въ Сѣверо-Западный край.

Такимъ образомъ мы отправились въ Вильну 12-го мая 1863 г. въ 10 часовъ вечера. Генералъ-губернаторъ долженъ былъ на другой день рано утромъ остановиться въ Динабургѣ и съ нимъ изъ канцеляріи человѣкъ 6. Прочіе же, въ томъ числѣ и я, должны были прямо ѣхать въ Вильну и явиться тамъ за приказаніями.

Мы прибыли въ Динабургъ 13 мая рано утромъ часу въ 7-мъ. Здѣсь задній вагонъ, гдѣ находился генералъ-губернаторъ, былъ отдѣленъ и съ прицѣпленнымъ къ нему паровозомъ отправился заднимъ ходомъ чрезъ боковую линію въ самую крѣпость

---

*) Сколько помнится, однимъ изъ этихъ офицеровъ былъ В. В. Комаровъ, нынѣшній издатель газеты «Свѣтъ», другой былъ капитанъ Райковскій, впослѣдствіи сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Динабургъ, которая въ полутора верстѣ отъ станціи и куда проведены рельсы. Въ Динабургѣ генералъ-губернаторъ произнесъ сильную рѣчь къ представителямъ дворянства, принялъ рѣшительныя мѣры къ оборонѣ крѣпости на случай покушенія мятежниковъ и конфирмовалъ графа Платера, уже приговореннаго военнымъ судомъ къ разстрѣлянію. Эта казнь была первая съ прибытія нашего въ край и произошла дня через четыре по пріѣздѣ нашемъ въ Вильну.

Весь слѣдующій день пути я провелъ съ полковникомъ Александромъ Спиридоновичемъ Павловымъ, начальникомъ политической канцеляріи въ Вильнѣ, прибывшимъ въ Петербургъ тотчасъ по назначеніи Муравьева съ порученіемъ отъ бывшаго генералъ-губернатора, остававшагося въ Вильнѣ. Онъ разсказывалъ мнѣ вещи, о которыхъ я, да и всѣ петербургскіе не имѣли ни малѣйшаго понятія, и вещи весьма важныя о Западномъ краѣ. Онъ знакомилъ меня вкратцѣ съ исторіей управленія тѣмъ краемъ послѣ мятежа 1831 г., съ личностями правителей и главныхъ при нихъ дѣятелей. Между прочимъ онъ разсказалъ въ подробности о разбитіи шайки Сѣраковскаго въ Поневѣжскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи и о взятіи его въ плѣнъ генераломъ Ганецкимъ съ Финляндскимъ полкомъ.

Молодецкое дѣло при Медейкѣ происходило,

сколько помню, три дня, около 25-го апрѣля. Сѣраковскій, капитанъ генеральнаго штаба, извѣстный своими статьями объ уголовныхъ наказаніяхъ, отправлялся въ мартѣ мѣсяцѣ 1863 г. за границу, кажется, даже съ казеннымъ порученіемъ. Онъ оставался довольно долго въ Вильнѣ, гостя у генералъ-губернатора, всѣхъ посѣщалъ, всѣ его благосклонно принимали, а въ началѣ апрѣля онъ поѣхалъ далѣе. Но изъ Ковно повернулъ въ Вилкомірскій уѣздъ, гдѣ въ самое короткое время образовалъ шайку до 800 чел. Онъ шелъ безпрепятственно чрезъ Поневѣжскій уѣздъ и намѣревался вторгнуться съ 10,000 чел. польскаго войска въ Курляндію, гдѣ полагалъ поднять все населеніе. Безъ сомнѣнія, это былъ бредъ его фантазіи, въ который однако польская часть населенія слѣпо вѣрила. Дѣйствительно, онъ присоединилъ къ своему отряду шайку Колышки въ 400 человѣкъ и ожидалъ шедшую къ нему на соединеніе колонну или толпу, человѣкъ въ 600, ксендза Мацкевича, впослѣдствіи столь извѣстнаго упорными партизанскими дѣйствіями. Высланный изъ Вильны отрядъ генерала Ганецкаго, *) съ частью Финляндскаго

*) И. С. Ганецкому провидѣніе судило нанести рѣшительный ударъ туркамъ при паденіи Плевны. Онъ скончался въ 80-хъ годахъ въ должности Коменданта Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ. Покойный Иванъ Степановичъ былъ очень

полка, перерѣзалъ путь Сѣраковскому. Въ первый день дѣло ограничилось перестрѣлкой, на второй шайка его была совершенно разбита, самъ онъ раненъ пулей въ спину и укрылся съ Колышко, адъютантомъ своимъ Косаковскимъ, докторами и еще нѣсколькими лицами изъ свиты на сосѣдней мызѣ. Въ этотъ же день ксендзъ Мацкевичъ, уже подходившій съ своею шайкою къ мѣсту боя, услыхавъ сильный огонь, счелъ за благо удалиться и оставить своихъ товарищей. Съ тѣхъ поръ съ перемѣннымъ успѣхомъ онъ бродилъ по всей Жмуди до декабря мѣсяца 1863 г. и, неоднократно разбиваемый, долго ускользалъ отъ преслѣдованія.

На третій день боя были разсѣяны отдѣльныя части этихъ большихъ шаекъ, а самъ Сѣраковскій съ Колышко и штабомъ захвачены на мызѣ поручикомъ Вангасомъ и доставлены въ Вильну. Здѣсь Сѣраковскій содержался въ госпиталѣ св.

любимъ М. Н. Муравьевымъ за его простое, богатырское сердце. Мнѣ вспоминается какъ однажды, послѣ торжественнаго пріема большой депутаціи отъ крестьянъ Августовской губерніи, М. Н. Муравьевъ, чувствуя утомленіе отъ обращенной къ нимъ рѣчи и замѣчая, что депутаты еще не достаточно прониклись значеніемъ слышаннаго, обратился къ вошедшему въ залъ И. С. Ганецкому съ дружескимъ привѣтомъ: «Иванъ Степановичъ, поговорите съ ними полчаса». Ганецкому достаточно было пяти минутъ, чтобы наэлектризовать и толпу безмолвныхъ крестьянъ и всѣхъ предстоявшихъ.

Якова, страдая раною и упорствуя въ показаніяхъ подъ предлогомъ болѣзни, видимо однако проходившей.

Мы пріѣхали въ Вильну ввечеру 13-го мая. Всюду слышался еврейскій говоръ и крикъ. Прежде всего насъ поразили необыкновенно узкія улицы, которыя при вечернемъ слабомъ освѣщеніи казались еще уже; въ большей части улицъ двумъ экипажамъ только и можно, что разъѣхаться. Многіе изъ насъ остановились въ прекрасной, лишь съ 1-го мая открытой, гостиницѣ «Европа», сдѣлавшейся въ скоромъ времени какъ-бы клубомъ вновь прибывающаго русскаго общества. Тамъ я нашелъ прекрасный, чистый номеръ со всѣми удобствами, ярко освѣщенную столовую и хорошій ужинъ. Въ нее сошли тотчасъ же и офицеры генеральнаго штаба, о которыхъ я уже упоминалъ, и многіе другіе чиновники; здѣсь и завязалось наше общее сближеніе.

II.

Первыя впечатлѣнія, производимыя Вильной.—Городъ и окрестности.—Прибытіе ген. Муравьева въ Вильну.—Общій пріемъ.—Пріемъ православнаго духовенства.—Пріемъ римско-католическаго духовенства.—Первые дни и главные сотрудники генералъ-губернатора.—Распредѣленіе привезенныхъ чиновниковъ.—Дѣла политическаго отдѣленія.—Небольшой кружокъ русскихъ, собиравшихся въ Европейской гостинницѣ.—Первыя казни.—Воспрещеніе траура.—Полицейскія мѣры.—Казнь Колышко и Сѣраковскаго.—Перемѣна характера въ преслѣдованіи мятежниковъ.—Ссылка еписк. Красинскаго въ Вятку.

Во время прогулки моей по городу, я увидѣлъ впервые общій трауръ; вообще въ городѣ царило какое-то молчаніе; замѣтно было тревожное ожиданіе жителей; никто не зналъ что-то будетъ завтра, что скажетъ новый начальникъ края.

Къ 4-мъ часамъ прибылъ по желѣзной дорогѣ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и прямо отправился во «дворецъ», гдѣ былъ привѣтливо принятъ генералъ-адъютантомъ Назимовымъ, у ко-

тораго и обѣдалъ со всѣмъ своимъ штабомъ. Михаилъ Николаевичъ пріѣхалъ безъ семьи и остановился во дворцѣ на верху, гдѣ были почти однѣ парадныя комнаты и церковь; изъ жилыхъ же тутъ были только небольшой кабинетъ, спальня и уборная для генералъ-губернатора, да еще одна большая комната у самаго входа для секретаря. Въ этотъ день я не видѣлъ генералъ-губернатора. Онъ призвалъ къ себѣ правителя канцеляріи и долго съ нимъ бесѣдовалъ и диктовалъ приближеннымъ разныя депеши и инструкціи.

На слѣдующій день, 15-го мая, рано утромъ, всѣ власти и представители всѣхъ сословій собрались въ большой залѣ генералъ-губернаторскаго дворца. Когда я подходилъ къ нему ранѣе другихъ, изъ воротъ выѣхала карета, окруженная 4-мя казаками. Въ ней сидѣли новый и бывшій генералъ-губернаторы, они отправлялись къ митрополиту и въ православный соборъ.

Во дворцѣ собрались уже всѣ наши пріѣзжіе. Рядомъ съ пріемной залой была другая, гдѣ устроилась походная канцелярія. Стѣны этой комнаты были пусты; по срединѣ стояли два огромныхъ стола, вокругъ которыхъ уже расположились чиновники съ бумагами; тутъ же стояли двѣ желѣзныя кровати, на полу валялись чемоданы, словомъ, все было по походному; посторонніе сю-

да не приходили, а состоящіе при генералъ-губернаторѣ знакомились здѣсь между собою. Черезъ часъ возвратился генералъ-губернаторъ и въ залахъ все заколыхалось и пронесся гулъ. Наконецъ онъ появился изъ внутреннихъ комнатъ и все стихло. Онъ ласково привѣтствовалъ военныхъ и гвардію, собравшихся въ большой гостинной рядомъ съ залою, и передалъ имъ благодарность Государя. Пройдя въ залъ и обращаясь къ гражданскимъ чинамъ, изъ коихъ большая часть были поляки, онъ строго напомнилъ имъ ихъ обязанности, высказалъ свой взглядъ на управленіе и требовалъ, чтобы всѣ лица, несогласныя съ его взглядомъ на дѣло, немедленно выходили въ отставку. Желающихъ, безъ сомнѣнія, не оказалось. Римско-католическое духовенство на этотъ разъ было оставлено безъ всякаго вниманія; дворянство недовѣрчиво его слушало, какъ бы выражая сомнѣніе въ успѣхѣ его дѣла; еврейское общество являло неописанную радость, что было слишкомъ неестественно.

Общее впечатлѣніе, произведенное генералъ-губернаторомъ, было самое сильное. Всѣ увидѣли предъ собой человѣка твердаго и проницательнаго; тутъ уже не приходилось шутить и надо было переходить въ тотъ или другой лагерь; но всѣ еще

ждали за словами дѣйствій и онѣ не заставили себя долго ждать.

По уходѣ представлявшихся, посѣтилъ генералъ-губернатора высокопреосвященный Іосифъ, митрополитъ литовскій, остававшійся въ особой комнатѣ около получасу; вслѣдъ за отъѣздомъ его, принято было въ особой аудіенціи высшее православное духовенство. Генералъ-губернаторъ много говорилъ о значеніи его въ этомъ краѣ, ободрилъ его и обѣщалъ во всемъ содѣйствіе и огражденіе, требуя въ свою очередь усиленной дѣятельности и полнаго самоотверженія. Затѣмъ все утро прошло въ пріемахъ разныхъ высшихъ лицъ, въ ознакомленіи съ ними. Аудіенціи продолжались до 5-ти часовъ. Вечеромъ канцелярія работала до 2-хъ час. ночи, а въ городѣ говорили о новомъ генералъ-губернаторѣ.

На слѣдующій день было принято Михаиломъ Николаевичемъ римско-католическое духовенство, во главѣ котораго стоялъ виленскій епископъ Красинскій, отличавшійся нерасположеніемъ къ правительству и сочувствіемъ къ мятежу. Епископъ чрезвычайно много говорилъ, смѣялся надъ мятежемъ и называлъ усмиреніе его охотой за повстанцами. Генералъ-губернаторъ строго ему замѣтилъ неточность его выраженій и объяснилъ ему необходимость, чтобы римско-католическое духо-

венство, пользующееся такимъ огромнымъ вліяніемъ въ краѣ, подало примѣръ преданности законному правительству и чтобы онъ, стоящій во главѣ духовенства, принялъ чрезвычайныя мѣры къ удержанію его отъ мятежа и къ увѣщанію римско-католической паствы своей. На это епископъ улыбнулся и высказалъ, что онъ не можетъ унять неудовольствій, охватившихъ край, но что подчиненное ему духовенство вполнѣ благонадежно; тогда генералъ-губернаторъ нашелся вынужденнымъ представить ему нѣсколько случаевъ, совершенно несогласныхъ съ этимъ заявленіемъ, и напомнить, что политическія тюрьмы не напрасно наполнены ксендзами.

— «Я не могу ручаться ни за чьи убѣжденія», возражалъ епископъ.

— «Но вы должны отвѣчать за вашихъ подчиненныхъ».

При этомъ генералъ-губернаторъ указалъ на прелата Бовкевича, котораго онъ зналъ еще 30 лѣтъ тому назадъ въ Гроднѣ, и высказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что есть люди, не принимавшіе, подобно ему, участія въ мятежѣ, но, что, конечно, такихъ между р.-к. духовными можно пересчитать. Римско-католическое духовенство вышло отъ генералъ-губернатора съ твердымъ намѣреніемъ упорствовать; но слова М. Н. Муравьева произвели

уже свое дѣйствіе на умы нѣкоторыхъ изъ второстепенныхъ представителей этого сословія.

Нѣсколько первыхъ дней прошло въ лихорадочной дѣятельности. Въ это время неутомимо работалъ генералъ Лашкаревъ, *) докладывавшій всѣ поступавшія бумаги въ качествѣ главнаго правителя дѣлъ (онъ занялъ во дворцѣ большую комнату близъ залы, о которой я упоминалъ). Генералъ Соболевскій писалъ инструкціи для устройства сельскихъ карауловъ, вооруженной стражи Рѣжицкихъ старообрядцевъ, ѣздилъ безпрестанно въ Динабургъ. Кавалергардскаго полка ротмистръ кн. Шаховской принялъ въ свое вѣдѣніе тайную полицію, обыски, городъ вообще. Аудиторъ Неѣловъ разсматривалъ залежавшіяся безъ конфирмацій слѣдственныя и военно-судныя дѣла; въ канцеляріи уже не было мѣста, насъ было до 12-ти чиновниковъ, прибавили еще военныхъ писарей—всѣ тутъ

*) Ген.-лейт. Николай Григорьевичъ Лашкаревъ былъ въ то время Директоромъ Константиновскаго Межеваго Института въ Москвѣ и, по желанію М. Н. Муравьева, командированъ въ его распоряженіе на первое время. Н. Г. отличался ровнымъ и покойнымъ характеромъ, чуждымъ всякаго властолюбія и всего показнаго. Онъ какъ-то непримѣтно совершилъ свой подвигъ и когда замѣтилъ, что М. Н. можетъ обойтись и безъ него, возвратился въ концѣ 1863 г. на свой постъ въ Москву, оставивъ по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. Скончался 1 августа 1898 г.

занимались. Наконецъ черезъ нѣсколько дней сдѣлано было намъ распредѣленіе: въ особой канцеляріи оставили двухъ только чиновниковъ, остальныхъ же отправили въ общую (постоянную) канцелярію, а меня съ тремя какими-то господами въ политическое отдѣленіе, подъ начальство полковника Павлова, ѣхавшаго со мной по желѣзной дорогѣ.

Я сталъ по порядку перечитывать всѣ дѣла отдѣленія съ 1861 г. Каждое почти дѣло раскрывало передо мной новый міръ. Польская интрига представлялась въ самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формахъ. Тамъ, между прочимъ, были слѣдующія замѣчательныя дѣла: 1) о дворянскихъ выборахъ въ Минской губерніи, 2) о графѣ Старженскомъ (гродненскомъ предводителѣ дворянства) и 3) о безпорядкахъ въ губерніяхъ. Послѣднее состояло изъ донесеній, которыя, начиная съ 1861 г., стали получаться отъ исправниковъ, жандармскихъ офицеровъ и губернаторовъ о революціонныхъ проявленіяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ; донесенія эти по каждой губерніи сшивались особо и составляютъ любопытные документы; вы видите, какъ туча растетъ, какъ она приближается, вамъ чуется что-то недоброе, и вотъ вдругъ разомъ посыпались отовсюду грозныя вѣсти: тамъ грабежъ, тамъ повѣсили священника, тамъ неистовствуетъ

огромное скопище мятежниковъ... рядъ донесеній прекращается и по каждому изъ нихъ возбуждается особое важное дѣло.

Черезъ недѣлю мнѣ было поручено одно занятіе: составить краткое извлеченіе изъ донесеній о разныхъ убійствахъ, совершенныхъ мятежниками.

Выписка заключала первоначально 32 жертвы; но въ теченіе мѣсяца, который я пробылъ въ политическомъ отдѣленіи, списокъ этотъ утроился, а къ осени онъ достигъ громадной цифры шести сотъ (600) жертвъ.

Утро вездѣ проходило тогда за занятіями; обѣдали мы всѣ за общимъ столомъ въ гостинницѣ «Европа», а въ 7 час. всѣ отправлялись въ Ботаническій садъ, гдѣ играла музыка. Мы составили изъ себя небольшой тѣсный кружокъ. Тутъ душою общества сдѣлался Левъ Саввичъ Маковъ *). Онъ былъ присланъ вмѣстѣ съ Влад. Дм. Левшинымъ еще при генералѣ Назимовѣ, въ концѣ марта, для приведенія въ дѣйствіе указовъ 1-го марта объ обязательномъ выкупѣ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской, и отъ 9-го апрѣля, объ устройствѣ повѣрочныхъ коммисій. Вотъ

*) Впослѣдствіи Правитель Канцеляріи Министра Внутр. Дѣлъ, а затѣмъ Министръ Вн. Дѣлъ. Скончался 28 февраля 1883 года.

начало обширной крестьянской реформы во всемъ Западномъ краѣ. До мая мѣсяца 1863 г., за разгоравшимся мятежемъ, г. Маковъ былъ лишь зрителемъ картины; съ прибытіемъ новаго генералъ-губернатора онъ сталъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ; я очень съ нимъ тогда сблизился и наслаждался его умною, живою и своеобразною рѣчью. Грустно было тогда у каждаго изъ насъ на сердцѣ; онъ оживлялъ насъ и группировалъ вокругъ себя; всѣ въ этомъ обществѣ дѣлались самыми пріятными и добрыми товарищами; всѣ вновь прибывавшіе молодые люди изъ хорошаго общества невольно примыкали къ нашему кружку и такимъ образомъ составилось въ Вильнѣ первое независимое вполнѣ русское общество; впослѣдствіи оно разрослось и распалось на группы; но тогда до выѣзда нашего изъ Вильны оставалось въ тѣсномъ сближеніи.

20-го мая, въ 10 часу утра, сидя у себя дома, я былъ пораженъ отдаленнымъ звукомъ барабана и трубы; звукъ этотъ все приближался и съ нимъ росъ гулъ толпы. Всѣ всполошились и бросились къ окнамъ: по узкой Доминиканской (нынѣ Благовѣщенской) улицѣ приближалась процессія: вели на казнь ксендза Ишору. Впереди ѣхали жандармы и казаки; далѣе, окруженный солдатами, бодро шелъ высокій, молодой ксендзъ пріятной

наружности; рожки уныло играли; рядомъ съ осужденнымъ шелъ духовникъ, а за процессіею и вокругъ нея кипѣла необозримая толпа народа. Женщины всѣ еще были въ черномъ и громко рыдали. Поляки не хотѣли вѣрить, что правительство наше рѣшится на казнь и даже самого Ишору увѣрили, говорятъ, въ томъ, что казнь будетъ лишь примѣрная. Но когда раздался залпъ, ужасъ былъ общій. Слышно было, что до 20 т. народу собралось на обширное поле Лукишки, гдѣ это происходило, и на возвышенностяхъ, вокругъ лежащихъ.

Въ этотъ день въ городѣ было мрачно; русскіе и поляки, при встрѣчѣ, косо другъ на друга посматривали. Вина казненнаго состояла въ чтеніи возмутительнаго манифеста народу, собравшемуся въ костелѣ. Подобное чтеніе, какъ впослѣдствіи обнаружилось, происходило почти повсемѣстно въ краѣ, въ одинъ и тотъ же день, кажется 20-го января. Умыселъ и заговоръ были изъ этого ясны. Ишора былъ задержанъ изъ первыхъ и потому на него палъ жребій. Чрезъ 2 дня происходила новая казнь: разстрѣляны были старый ксендзъ Земацкій и молодой шляхтичъ Лясковскій. Я видѣлъ тоже какъ они шли на казнь. Но казнь эта не произвела уже на жителей такого впечатлѣнія, какъ первая.

Въ концѣ мая 1863 г. издано было воспрещеніе

носить трауръ и революціонные знаки; за ослушаніе назначенъ былъ штрафъ, и служащіе обязаны за женъ своихъ подписками. Все это было исполнено быстро, полиціи былъ уже данъ толчекъ и въ первое время взыскано было мало штрафовъ—ихъ взыскивалось гораздо болѣе впослѣдствіи, когда, при разныхъ удобныхъ случаяхъ, были дѣланы поляками неудачныя попытки поставить на своемъ. До сихъ поръ презрѣніе къ русской власти было общее; тутъ стало понятно, что борьба трудна.

Одно было стѣснительное условіе для жизни, какъ послѣдствіе военнаго положенія: вечеромъ послѣ 9-ти часовъ всѣ пѣшеходы должны были имѣть при себѣ зажженые фонари, что въ свѣтлыя іюньскія ночи выходило очень странно. Кромѣ того нельзя было выѣзжать за городскую черту безъ особаго билета. Окрестности Вильны скоро были очищены; лишь только кто-нибудь выходилъ изъ города въ шайку, съ домовладѣльца или хозяина взыскивался штрафъ. Эта мѣра многихъ остановила.

Такъ протекалъ іюнь мѣсяцъ; два событія особенно въ немъ ярки, именно: казнь Колышко въ началѣ мѣсяца, а черезъ недѣлю казнь Сѣраковскаго. Первый былъ молодой человѣкъ 22 лѣтъ, дворянинъ Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи;

родители его, кажется, эмигрировали и онъ воспитывался въ Генуэзской польской школѣ (основанной генераломъ Высоцкимъ), гдѣ отличался своими способностями; характера былъ смѣлаго, съ твердою волею, что называется сорви-голова; онъ сталъ во главѣ одной изъ трехъ главныхъ шаекъ, образовавшихся на Жмуди, и былъ разбитъ по соединеніи съ отрядомъ Сѣраковскаго. Во время казни онъ выказалъ много твердости. Сѣраковскій же чрезвычайно растерялся, когда ему пришли объявить о предстоящей участи. Онъ все какъ-то надѣялся на прежнія свои заслуги и на заступничество изъ Петербурга.

Надо замѣтить, что Сѣраковскій былъ сильно раненъ и долго не могли его допрашивать; но когда рана его почти совсѣмъ зажила, онъ отклонялъ допросы подъ предлогомъ чрезмѣрной слабости.

Казнь его совершилась лишь два мѣсяца спустя послѣ его задержанія, между тѣмъ, какъ въ преступленіи его не было никакого сомнѣнія, а на допросахъ отвѣты его были самые короткіе и ничего незначущіе; однако и онъ тоже показалъ, что взятъ въ мятежъ силою!

Во время казни онъ обнаружилъ необыкновенное малодушіе; бранился, кричалъ и даже ударилъ палача. Объ этомъ тогда было писано въ газетахъ.

Между тѣмъ уже впослѣдствіи я отыскалъ во французской иллюстраціи того времени его портретъ съ краткою біографіею, въ которой сказано, что онъ, проиженный пулею въ грудь, погибъ на полѣ брани за свое отечество.

Въ теченіе іюля 1863 г. принимались дѣятельныя мѣры къ очищенію лѣсовъ отъ мятежниковъ; всякія реляціи о громкихъ баталіяхъ навлекали на начальствующихъ лицъ неудовольствіе генералъ-губернатора, ибо доказывали только плохое ихъ смотрѣніе; поэтому характеръ преслѣдованія шаекъ измѣнился; прежде смотрѣли на это какъ на войну, какъ на экспедиціи противъ горцевъ, съ цѣлью схватить отличія; а на мятежниковъ, надо сознаться, наши офицеры смотрѣли какъ на воюющую сторону, восторгались ихъ начальниками и одному изъ нихъ за храбрость противъ насъ выхлопотали прощеніе.

Отнынѣ войска должны были преслѣдовать шайки до полнаго истребленія и до совершеннаго водворенія въ извѣстномъ районѣ спокойствія и военно-полицейскаго управленія, согласно инструкціи начальника края, изданной 24 мая. Весь іюнь ее приводили дружно въ исполненіе. Въ уѣзды назначены новые военные начальники съ болѣе серьезнымъ взглядомъ на дѣло. Многіе были назначены изъ гвардіи. Повсюду стали учреждаться

сельскіе вооруженные караулы; но можно сказать, что лишь въ іюлѣ 1863 г. жители края нѣсколько вздохнули.

Въ концѣ іюня прибыла изъ Петербурга 1-я гвардейская пѣхотная дивизія (полки: Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій и Гатчинскій) на смѣну 2-й дивизіи, а такъ какъ между вновоприбывшими офицерами у насъ было болѣе старыхъ товарищей и знакомыхъ, то слѣдующій мѣсяцъ общество наше особенно оживилось. Генералъ-губернаторъ сдѣлалъ смотръ Павловскому и Московскому полкамъ на площадкѣ дворца, передъ возвращеніемъ ихъ въ Петербургъ. Впервые по пріѣздѣ его увидѣли въ народѣ и энтузіазмъ войска былъ огромный.

Къ этому же времени слѣдуетъ отнести еще одно и притомъ важное событіе: высылку епископа Красинскаго въ Вятку.

Послѣ того какъ генералъ-губернаторъ, при личномъ съ нимъ свиданіи, передалъ ему свой взглядъ на возстаніе и требовалъ его содѣйствія, епископъ рѣшился не принимать никакихъ мѣръ, что и сдѣлалось всѣмъ извѣстно; вслѣдствіе этого генералъ-губернаторъ обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ изложилъ весьма категорически обязанности римско-католическаго духовнаго начальства при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ, прося

немедленно принять мѣры къ удержанію какъ духовенства, такъ и паствы отъ мятежа, напоминая въ письмѣ, что согласно 12 § инструкціи для военно-гражданскаго управленія краемъ одинаковой отвѣтственности съ нарушителями порядка подвергаются и тѣ, которые своимъ несмотрѣніемъ тому способствуютъ. Письмо это было въ то же время распубликовано.

Вмѣсто отвѣта епископъ сказался больнымъ и чрезъ прелата Бовкевича на усмотрѣніе генералъ-губернатора былъ представленъ проектъ увѣщанія къ народу, своею уклончивостью болѣе походившій на революціонное воззваніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ епископъ, желая уклониться отъ отвѣтственности и устрашенный энергическими мѣрами, принимаемыми правительствомъ къ водворенію порядка, испросилъ себѣ увольненіе, вслѣдствіе отчаяннаго будто бы состоянія здоровья, на нѣсколько мѣсяцевъ на креммернскія минеральныя воды въ Лифляндію. Получивъ желаемый отпускъ, епископъ, наканунѣ отказавшійся, по причинѣ болѣзни, принять присланнаго къ нему отъ начальника края гражданскаго губернатора съ требованіемъ передачи управленія епархіею на время отсутствія, вдругъ выздоровѣлъ и сталъ разъѣзжать по городу и легкомысленпо высказывать свою радость и свои надежды. Все это немедленно раз-

неслось и генералъ-губернаторъ рѣшился разъ навсегда удалить его изъ края.

Когда Красинскій отправлялся изъ Вильны, огромная толпа народа тѣснилась вокругъ станціи желѣзной дороги. Въ одинъ поѣздъ съ епископомъ сѣлъ и жандармскій офицеръ, снабженный открытымъ предписаніемъ, бумагами къ попутнымъ губернаторамъ и значительными средствами для пути. До Динабурга никто ничего не зналъ; но, пріѣхавъ туда (здѣсь пассажиры пересаживаются на линію, идущую въ Ригу), по выходѣ изъ вагоновъ епископа и его свиты (духовникъ, докторъ и двое слугъ), они были встрѣчены мѣстнымъ военнымъ начальникомъ, который между тѣмъ былъ увѣдомленъ по телеграфу, и помянутымъ жандармскимъ офицеромъ, объявившими епископу распоряженіе начальства. Онъ повиновался безъ особаго смущенія и спросилъ только куда его повезутъ; получивъ въ отвѣтъ, что его велѣно доставить въ Псковъ, онъ видимо успокоился; одинъ докторъ былъ въ отчаяніи,—онъ вовсе не располагалъ туда удаляться; но приказано было, лишь по пріѣздѣ туда, объявить епископу о дальнѣйшемъ слѣдованіи къ мѣсту назначенія, а спутникамъ его предложить или слѣдовать за нимъ на собственный счетъ, или вернуться въ Вильну. Докторъ, разумѣется, поспѣшилъ воспользоваться этимъ предло-

женіемъ; остальные отправились далѣе; велѣно было везти епископа въ Новгородъ по шоссе, чтобъ миновать Петербургъ, и не останавливаться долго въ Москвѣ. Во всѣ города, по пути слѣдованія до Вятки, дано было знать губернаторамъ и они принимали мѣры къ скорѣйшему и удобнѣйшему его отправленію; для епископа же окончательное мѣсто ссылки оставалось тайною до Казани.

Вездѣ по пути онъ имѣлъ отдыхъ и для него нанималась карета. Епископъ прожилъ въ Вяткѣ до 1883 г. и затѣмъ отпущенъ за границу, гдѣ и скончался.

Высылка его произвела сильное впечатлѣніе на все населеніе.

III.

Ежедневные пріемы.—Чиновники, прибывшіе отовсюду.—Первая мысль объ адресѣ виленскаго дворянства.—Празднованіе 22-го и 27-го іюля.—Представленіе адреса.—Покушеніе на жизнь Домейко. — Розыски. — Кинжальщики.—Ихъ казнь.—Поимка преступника.—Казнь его и сообщниковъ.—Полковой праздникъ Преображенскаго полка.—Августовская депутація.—Подчиненіе Августовской губерніи генералу Муравьеву.—Управленіе ею.—Общее сочувствіе къ дѣйствіямъ генерала Муравьева.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ прибылъ въ Вильну безъ семьи, съ нѣсколькими приближенными, и до іюля мѣсяца дѣятельность его была лихорадочная. Онъ занимался съ 7¹/₂ часовъ до 5-ти и затѣмъ, отдохнувъ немного послѣ обѣда, съ 8-ми часовъ принимался за дѣла и занятія продолжались до поздней ночи и, не смотря на это, въ дежурной комнатѣ близъ его кабинета всегда было нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ доклада, и неоднократно нѣкоторые изъ докладчи-

ковъ съ менѣе спѣшными дѣлами уходили, не дождавшись очереди. Комнаты дворца были похожи на бивакъ вокругъ ставки главнокомандующаго.

Занимаясь первый мѣсяцъ въ политическомъ отдѣленіи (помѣщавшемся во флигелѣ у дворца), я однако почти всякій день заходилъ во дворецъ, въ особую канцелярію, и вмѣстѣ съ прочими появлялся въ большой малиновой комнатѣ, гдѣ генералъ-губернаторъ дѣлалъ ежедневные пріемы. Михаилъ Николаевичъ слушалъ внимательно, говорилъ мало, но всегда выразительно, не громко и не возвышая голоса; пріемъ продолжался рѣдко болѣе получаса.

Обойдя всѣхъ представлявшихся, генералъ-губернаторъ обращался на возвратномъ пути въ кабинетъ къ нашей толпѣ, какъ тогда выражались: состоящихъ при и по (такъ какъ всѣ мы не имѣли опредѣленныхъ мѣстъ, а были зачислены или въ его распоряженіе, или по канцеляріи, при управленіи, при генералъ-губернаторѣ и т. п.). Жаждущихъ мѣстъ было множество. Тутъ были и камергеры, и генералы, и гвардейцы, всѣ зачисленные въ своихъ частяхъ и командированные въ распоряженіе генерала Муравьева. Такъ какъ должности сначала открывались медленно, то толпа этихъ состоящихъ при и по все увеличивалась. Не долго впрочемъ это продолжалось и по мѣрѣ

того какъ генералъ-губернаторъ освоивался съ управленіемъ и сталъ удалять неблагонадежныхъ чиновниковъ (что дѣлалось весьма разборчиво), на мѣста ихъ опредѣлялись вновь прибывшіе. Нѣкоторымъ изъ нихъ давались тутъ же маленькія командировки и порученія для ознакомленія съ ними; но такъ какъ на всѣхъ дѣла не хватало, то, оставивъ лишь нѣкоторую часть ихъ для постепеннаго замѣщенія открывающихся вакансій, остальныхъ, согласно требованіямъ губернаторовъ, раскомандировали въ ихъ распоряженіе для назначенія на должности по ихъ усмотрѣнію. Надо отдать справедливость, что рвеніе этихъ господъ къ службѣ было огромное, каждый ѣхалъ сюда или для проложенія себѣ дороги, или для поправленія прежнихъ служебныхъ ошибокъ и неудачъ; изъ числа ихъ многіе оказались впослѣдствіи прекрасными и весьма способными мировыми посредниками, членами повѣрочныхъ коммисій и военными начальниками, равно и на прочихъ должностяхъ и лишь весьма малое число оказалось вовсе никуда негодными, которыхъ мало-по-малу спровадили во-свояси. Впослѣдствіи назначенія на должности по мировымъ учрежденіямъ дѣлались уже по предварительнымъ сношеніямъ и особымъ вызовамъ; и только высшіе изъ прибывающихъ чиновниковъ оставлялись на время при главномъ управленіи для

ознакомленія съ ходомъ дѣлъ и съ руководящимъ направленіемъ; всѣ же мелкіе чиновники, прибывавшіе изъ разныхъ губерній, прямо отсылались къ одному изъ губернаторовъ, гдѣ встрѣчалась надобность, гдѣ открывалось болѣе вакансій, соображаясь по возможности съ желаніемъ пріѣхавшаго.

Я описываю нашъ чиновничій фаланстеръ, какъ одно изъ весьма оригинальныхъ служебныхъ явленій; дамскаго общества вовсе тогда не было; съ поляками мы ничего не имѣли общаго; польскія дамы чуждались насъ, равно какъ и мы ихъ; мѣстные русскіе чиновники смотрѣли на насъ тоже недовѣрчиво и даже непріязненно; пріѣзжавшіе большею частью не привозили съ собою семействъ до упроченія на должности, такъ что образъ жизни всѣ почти вели одинаковый, впрочемъ довольно скромный и, сообразно со средствами и потребностями, посѣщали однѣ и тѣ же мѣста.

Въ то время какъ происходили эти передвиженія въ нашемъ маленькомъ чиновничьемъ мірѣ, готовилось одно важное событіе, имѣвшее вліяніе на переломъ мятежа.

Виленскому дворянству была подана мысль о представленіи всеподданнѣйшаго адреса, въ коемъ оно сознало бы свои заблужденія и просило помилованія; главною цѣлью этого было уясненіе партіи, расположенной къ правительству, такъ какъ

всякій подписавшій адресъ, въ случаѣ открытія его виновности, становился вдвойнѣ виновнымъ, а всякій благомыслящій стремился бы, подписавъ свое имя, увеличить ту партію, изъ которой онъ уже не могъ выступить. Дѣло это шло весьма медленно сначала, тѣмъ болѣе что самъ губернскій предводитель Домейко колебался и сомнѣвался въ его успѣхѣ, но къ нему наконецъ примкнули семейство графовъ Нлатеръ, помѣщикъ Снитко (православный) и нѣкоторые другіе. Со стороны правительства въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе тотъ же полковникъ Павловъ, много лѣтъ жившій въ этомъ краѣ и имѣвшій въ средѣ мѣстныхъ помѣщиковъ друзей и родныхъ. Генералъ-губернаторъ зорко слѣдилъ за этимъ дѣломъ и не давалъ ему проявиться, пока оно не созрѣетъ; такъ, дворянство желало представить адресъ 22-го іюля, въ день тезоименитства Государыни; но начальникъ края отклонилъ это до 27-го числа и въ эти пять дней число подписей подъ адресомъ удвоилось.

22-го іюля былъ первый оффиціально торжественный день, наступившій послѣ долго продолжавшейся упорной борьбы законнаго правительства съ мятежемъ и потому онъ отличался особеннымъ оживленіемъ. Къ 10-ти часамъ утра всѣ мѣстныя власти и представители всѣхъ сословій наполнили залы дворца и передъ началомъ обѣдни

генералъ-губернаторъ обошелъ присутствующихъ. Большая малиновая гостинная, гдѣ обыкновенно дѣлались пріемы, была наполнена гвардейцами: тутъ былъ весь Преображенскій полкъ, незадолго прибывшій, лейбъ-уланы и лейбъ-драгуны, собранные въ Вильну для возвращенія въ скоромъ времени въ столицу. Караулъ у дворца былъ Преображенскій. День былъ чудесный и окна дворца были открыты. Генералъ-губернаторъ былъ очень ласковъ съ гвардейцами и предупредилъ ихъ, что скоро пошлетъ въ экспедицію. Дворянамъ онъ сказалъ нѣсколько простыхъ, но сильныхъ и внушительныхъ словъ и заявилъ, что ему уже извѣстно ихъ намѣреніе, но онъ не можетъ еще допустить его исполненія, такъ какъ мало видитъ чистосердечнаго раскаянія, ибо для этого нужны дѣйствія, а не однѣ слова; евреямъ генералъ-губернаторъ не довѣрялъ, но всегда обращался къ нимъ съ нѣсколькими словами, напоминая о неусыпномъ исполненіи вѣрноподданническихъ обязанностей; римско-католическое духовенство было еще очень смущено недавними казнями ксендзовъ и высылкою своего епископа.

Послѣ пріема генералъ-губернаторъ пригласилъ всѣхъ представлявшихся послѣдовать за нимъ въ соборную церковь для слушанія литургіи и молебствія.

Давно уже нашъ православный соборъ не представлялъ такого блистательнаго зрѣлища. Богослуженіе совершали епископы: Ковенскій — Александръ и Брестскій—Игнатій (викаріи Литовской епархіи), 2 архимандрита и 4 протоіерея. Когда же началось молебствіе и духовенство направилось къ амвону—впереди всѣхъ показался маститый Литовскій митрополитъ Іосифъ. Весь соборъ былъ наполненъ служащими и даже нѣсколькими дворянами; всѣ были въ мундирахъ; въ лѣвомъ углу помѣщалась небольшая группа русскихъ дамъ; передъ соборомъ на площадкѣ были построены: Преображенскаго и Семеновскаго полковъ роты его величества и спѣшенные эскадроны лейбъ-уланъ и драгунъ. Толпа народа вокругъ была необозримая и все это было залито сіяніемъ іюльскаго солнца. Послѣ молебна загудѣли колокола, въ цитадели загремѣли пушки и, по выходѣ начальника края изъ собора, пронеслось по площади и въ толпѣ народа нескончаемое ура. Это не былъ обычный праздникъ. Всякій чувствовалъ, что тутъ совершаются историческія событія и хотя все это представляло лишь внѣшнее торжество русской силы, но въ немъ видимо было и чувствовалось то новое направленіе, которому должны будутъ слѣдовать въ краѣ грядущія поколѣнія. Послѣ развода, генералъ-губернаторъ вмѣстѣ съ многочислен-

ною свитою и начальствующими лицами посѣтилъ митрополита, который былъ чрезвычайно утомленъ службою и едва былъ въ силахъ принять на нѣсколько минутъ столь многочисленное общество. Голосъ его былъ чрезвычайно слабъ, такъ что во время служенія слова его были слышны лишь близъ стоявшимъ.

Вечеромъ въ городѣ была великолѣпная иллюминація, безчисленныя толпы народа покрывали улицы и площади и въ первый, кажется, разъ по возобновленіи играли въ театрѣ. Передъ началомъ представленія оркестромъ Финляндскаго полка былъ исполненъ народный гимнъ: «Боже царя храни», который три раза заставили повторить при громкомъ неумолкаемомъ ура.

Тутъ только, въ эти минуты, мы, равнодушные петербургскіе космополиты, среди враждебной намъ среды, начали чувствовать себя русскими и проникаться самымъ горячимъ патріотизмомъ.

27-го іюля такъ близко слѣдовало за описаннымъ мною торжествомъ, что можетъ почитаться какъ бы его продолженіемъ. По случаю дня рожденія Государыни, снова всѣ собрались въ генералъ-губернаторскій дворецъ, но въ этотъ день Виленское дворянство чрезъ депутацію изъ 15-ти человѣкъ, имѣвшую во главѣ губернскаго предводителя, просило начальника края представить

Его Величеству письмо съ выраженіемъ раскаянія и съ заявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Минута была торжественная. Генералъ-губернаторъ принялъ адресъ, подписанный уже 230 почетнѣйшими дворянами и согласился представить его Государю; но вмѣстѣ съ тѣмъ напомнилъ дворянству какую важность должно имѣть это заявленіе, и что затѣмъ имъ, дворянамъ, слѣдуетъ дѣйствіями своими доказать, что они отрекаются отъ революціонной партіи и во всемъ намѣрены содѣйствовать правительству для возстановленія спокойствія въ краѣ. Губернскій предводитель заявилъ при этомъ, что подписка на особыхъ листахъ продолжается по уѣздамъ и идетъ успѣшно.

Немедленно была отправлена Государю въ Царское Село телеграмма съ извѣщеніемъ объ этомъ событіи и о содержаніи адреса. Самый же адресъ при пространномъ донесеніи отправленъ къ его величеству въ тотъ же вечеръ съ ротмистромъ кавалергардскаго полка, княземъ Шаховскимъ *). На телеграмму былъ въ тотъ же день полученъ благосклонный отвѣтъ Государя. Затѣмъ нѣсколько времени спустя его величество удостоилъ генерала

*) Князь М. В. Шаховской-Глѣбовъ-Стрѣшневъ, свойственникъ Муравьевыхъ, былъ впослѣдствіи Эстляндскимъ и Тамбовскимъ Губернаторомъ и скончался еще не старымъ въ званіи почетнаго опекуна въ Москвѣ.

Муравьева милостивымъ по этому случаю рескриптомъ, а князь Шаховской былъ назначенъ флигель-адъютантомъ.

Въ тотъ же вечеръ 27-го іюля офицерами Преображенскаго полка былъ устроенъ на вершинѣ Замковой горы, въ виду всего города, великолѣпный фейерверкъ; ничего эффектнѣе мнѣ не приходилось видѣть: положеніе горы, темнота вечера и тишина погоды — все тому благопріятствовало; въ разныхъ мѣстахъ на площадяхъ, а также въ Ботаническомъ саду, играло нѣсколько полковыхъ оркестровъ, на улицахъ слышалась веселая рѣчь; поляки какъ-то не дичились въ этотъ день и высказывали желаніе поддержать свое заявленіе возможно торжественнѣе. Смѣшно сознаться, но я вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми людьми, подобно какимъ-нибудь тайнымъ агентамъ, рыскалъ по улицамъ и площадямъ, изъ театра въ садъ, и при встрѣчѣ другъ съ другомъ на улицахъ, буквально залитыхъ огнемъ иллюминаціи, какъ-то крѣпче пожимали мы другъ другу руки и сознавали, что вокругъ насъ совершалось. Шагъ былъ сдѣланъ— надо было идти впередъ.

Описанныя мною торжества и особенно подача адреса Виленскимъ дворянствомъ были слишкомъ очевидными результатами распоряженій правительства, и мятежная партія, чуя приближеніе своей

гибели, должна была рѣшиться на отчаянную попытку и терроромъ остановить начавшееся движеніе въ пользу законной власти. Всѣ это чувствовали, но никто не могъ предъугадать откуда направится ударъ.

29-го іюля рано утромъ по городу разнеслась вѣсть, что маршалка убили; нетрудно было понять, что это значитъ, а потому я немедленно отправился во дворецъ. Выходя изъ квартиры, замѣтилъ я необыкновенное движеніе. Нѣмецкая улица, постоянно полная грязныхъ евреевъ, была занята полиціей, казаками и войскомъ; скакали верховые — ясно было, что совершено покушеніе на жизнь губернскаго предводителя Домейко; вскорѣ въ канцелярію нашу стали прибывать разныя лица съ мѣста дѣйствія, принося различныя по дѣлу подробности; оказывалось, что въ 8-мъ часу утра неизвѣстный человѣкъ явился къ Домейко подъ предлогомъ подачи просьбы. Слуга просилъ его обождать, пока доложитъ. Губернскій предводитель только что всталъ и еще въ халатѣ вышелъ въ пріемную, куда велѣлъ впустить и пришедшаго. Слуга тѣмъ временемъ остался въ большой прихожей, надъ лѣстницей, гдѣ растворялъ окна. Услыша внезапный крикъ въ сосѣдней комнатѣ, онъ бросается туда и въ дверяхъ сталкивается съ убійцей, у котораго въ рукахъ окрова-

вленный кинжалъ. Онъ сталъ было сопротивляться; но при видѣ кинжала ужасъ имъ овладѣлъ и онъ, весь израненный въ грудь и бокъ, упалъ замертво. Убійца скрылся.

Между тѣмъ Домейко не только былъ живъ, но былъ гораздо слабѣе израненъ, чѣмъ его слуга. Убійца хотѣлъ поразить его въ самое сердце, но онъ всякій разъ, какъ тотъ наносилъ ему ударъ, защищался локтемъ лѣвой руки, согнувъ ее въ видѣ щита. На рукѣ его было семь большихъ ранъ, но толстый фланелевый рукавъ предохранилъ Домейко; приходъ же слуги заставилъ убійцу броситься назадъ, чтобъ проложить себѣ путь отступленія. Вмѣсто прошенія, Домейко было подано два листка. Листки эти, съ запекшеюся на нихъ кровью, были отосланы въ канцелярію и съ нихъ дѣлался переводъ. На первомъ было напечатано по польски постановленіе верховнаго народоваго трибунала, которымъ всѣ лица подписавшія адресъ Государю, изъемлются изъ-подъ покровительства закона и предаются военному полевому суду, а Александръ Домейко, какъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ этого дѣла, долженъ быть немедленно казненъ смертью, какъ измѣнникъ отечеству. Къ этому документу приложена была синяя печать, съ изображеніемъ соединенныхъ гербовъ Литвы и Польши, съ надписью вокругъ: pieczęć rządu

narodowégo. Oddział Litwy. Другой листокъ заключалъ приказъ исполнительнаго отдѣла Литвы, за подписью начальника miasta Вильны (съ неразборчивою подписью), въ коемъ предписывалось привести въ исполненіе приговоръ надъ гражданиномъ Домейко.

Немедленно была подана медицинская помощь Домейко и его слугѣ, который въ первое время подавалъ мало надежды на выздоровленіе. Къ дому его приставленъ былъ караулъ отъ Преображенскаго полка и разостлали солому. По всей Нѣмецкой улицѣ во всѣхъ квартирахъ и на заднихъ дворахъ были сдѣланы тщательные обыски; городъ былъ весь оцѣпленъ войсками, по всѣмъ направленіямъ были отправлены разъѣзды казаковъ и сообщены примѣты убійцы (средняго роста, рыжій, съ короткими волосами; одѣтъ въ сѣромъ пальто); въ городѣ было общее смущеніе; всѣ власти и служащіе, всѣ русскіе порядочные люди поспѣшили заявить свое сочувствіе Домейко и тѣснились до вечера въ его прихожей, узнавая о его положеніи и записывая на листѣ свое имя. Вечеромъ послѣ 9-ти часовъ вовсе было воспрещено выходить изъ дому; на площадяхъ поставлены караулы и на ночь былъ назначенъ повсемѣстный обыскъ; онъ начатъ былъ одновременно въ разныхъ частяхъ города съ наступленіемъ одиннадцатаго часа; войска

были раздѣлены по кварталамъ; на каждый домъ полагалось нѣсколько человѣкъ рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ. Въ обыскѣ принимали участіе одни гвардейцы и они исполнили эту тяжкую обязанность безъ шума; по нѣсколько человѣкъ входили въ каждую квартиру, требовали огня, осматривали всѣхъ наличныхъ жильцовъ, заглядывали подъ кровати, за печи, за шкафы, во всѣ чуланы и чердаки. Такъ какъ нельзя было отмѣтить квартиры, занимаемыя русскими, то ко многимъ изъ нихъ заходили солдаты; офицеры за всѣмъ наблюдали и гдѣ дѣлалось извѣстнымъ, что живетъ русскій, или служащій и военный, то воспрещено было ихъ тревожить; обыска не избѣжали и мужскіе монастыри; но все было тщетно: взято было нѣсколько лицъ, схожихъ съ примѣтами преступника, но по предъявленіи ихъ Домейко и слугѣ его, они никого не признали.

Въ это время, когда, казалось, не было надежды открыть даже слѣды преступника, сдѣланы были двумя лицами весьма важныя раскрытія: оба доносчика были изъ шайки кинжальщиковъ, только что сформировавшейся въ Вильнѣ и распространяемой по всему краю съ цѣлью политическихъ убійствъ. Первый былъ нѣкто Мирошниковъ, молодой человѣкъ, православный и русскій, сынъ солдата; но мать его была полька и онъ былъ воспитанъ въ

кругу поляковъ; кутила и сорви-голова, онъ уже былъ однажды арестованъ по какому-то подозрѣнію, а въ то самое время, когда случилось покушеніе на жизнь Домейко, гдѣ-то проговорился, хвастаясь. При допросахъ онъ сознался, что ихъ, кинжальщиковъ, болѣе десяти человѣкъ; но что изъ нихъ онъ знаетъ лишь немногихъ; изъ названныхъ имъ 4-хъ лицъ трое оказались бѣжавшими и никогда не были схвачены; одинъ лишь В. *) въ то же самое время заявилъ желаніе сдѣлать указанія, которыя и послужили къ обнаруженію всего этого адскаго общества, Въ первые же дни схвачены были два брата Ревковскіе, Яблонскій и Сиповичъ—всѣ люди молодые, совершенные пролетаріи, подрядившіеся за небольшое содержаніе на политическія убійства по указанію революціоннаго правительства; въ случаѣ удачи, имъ обѣщались особыя награды. Такъ, оказалось впослѣдствіи, что убійцѣ Домейко было обѣщано 1,000 руб., хотя на самомъ дѣлѣ ему выдали только 700 руб., полагая, что убійство уже совершилось. Всѣ названные мною молодые люди были въ высшей степени жалки, даже революціонеры не могли ихъ почтить своимъ уваженіемъ, какъ гнусныхъ

*) Я не выставляю здѣсь имени, такъ какъ В. былъ впослѣдствіи помилованъ.

наемниковъ. Всѣ они были захвачены врасплохъ и хотя никто изъ нихъ еще не совершилъ убійствъ, но при всѣхъ оказались кинжалы и всѣ они сознались въ полученіи денегъ въ счетъ наградъ за преступленія. Слѣдствіе было самое непродолжительное; судъ совершенъ въ два дня и всѣ четверо были повѣшены. Сперва были казнены вмѣстѣ два брата Ревковскіе, а дня черезъ два Яблонскій и Сиповичъ.

Между тѣмъ бдительность полиціи и жандармовъ не ослабѣвала и 6-го августа на Виленской станціи желѣзной дороги дежурный жандармскій офицеръ Собинъ замѣтилъ двухъ молодыхъ людей, прибывшихъ въ вокзалъ слишкомъ за часъ до отправленія поѣзда; едва примѣтное въ нихъ смущеніе при его взглядѣ заставило обратить на нихъ нѣкоторое вниманіе; они всѣ спѣшили взять билеты и нѣсколько разъ подходили къ кассѣ, которая еще не отпиралась. Въ то время былъ уже учрежденъ по всей линіи желѣзной дороги осмотръ поспортовъ и багажа, а у лицъ сомнительныхъ осматривались и вещи въ дорожныхъ мѣшкахъ. Молодые эти люди предъявили заграничные паспорты для прописки и, получивъ контрамарки, потребовали билеты на Варшаву; это показалось Собину нѣсколько подозрительнымъ и, замѣтивъ ихъ неловкость и смущеніе при распросахъ о при-

чинѣ такого отдаленнаго пути за границу, онъ приказалъ ихъ арестовать. Повидимому ожиданіе путешественниковъ было самое мучительное и напряженное, такъ какъ одинъ изъ нихъ при этомъ не выдержалъ и съ нимъ сдѣлалось дурно.

Оба арестованные были представлены Домейко и въ одномъ изъ нихъ, найдено было что-то общее съ преступникомъ; но черный цвѣтъ волосъ и гладко выбритая борода и платье, казалось, не подтверждали догадокъ; черезъ нѣсколько же дней замѣтили, что у молодого человѣка волосы изъ черныхъ дѣлаются фіолетовыми, а концы стали переходить въ рыжій цвѣтъ. Ему смыли голову; волосы его оказались перекрашенными; онъ снова былъ предъявленъ своимъ жертвамъ и на этотъ разъ нѣсколько смутился, а черезъ день во всемъ повинился.

Преступникъ былъ нѣкто Беньковскій, родомъ изъ Варшавы, цирюльникъ, съ небольшимъ 20-ти лѣтъ; онъ нанялся еще въ Варшавѣ совершать убійства и отличался стойкостью характера и предпріимчивостью; изъ Варшавы онъ былъ посланъ въ распоряженіе Виленскаго исполнительнаго отдѣла вмѣстѣ съ сообщенникомъ своимъ Чаплинскимъ, (упавшимъ въ обморокъ при арестованіи); здѣсь ему обѣщали за убійство Домейко 1,000 р., но такъ какъ его одѣли и нѣкоторое время кор-

мили, то сдѣлали вычетъ и всего ему пришлось получить около 700 руб. Но не ему одному поручено было убить губернскаго предводителя, а также Чаплинскому и Марчевскому, котораго они признали между арестованными уже кинжальщиками. Всѣ они ходили изучать расположеніе квартиры Домейко, но почему-то не удалось имъ исполнить этого, пока болѣе рѣшительный Беньковскій не приступилъ къ дѣлу.

Первые дни послѣ покушенія, Беньковскій скрывался у разныхъ лицъ, переодѣваясь даже въ женское платье, разъ какъ-то ночевалъ на кладбищѣ и разсчитывалъ, что черезъ нѣсколько дней, когда строгія мѣры наблюденія поослабнутъ,—будетъ легче выбраться изъ города.

Для разслѣдованія шайки кинжальщиковъ, обнаружившей за собою иную, сильнѣйшую организацію, была учреждена особая слѣдственная коммисія подъ предсѣдательствомъ генерала Соболевскаго; членами ея назначены были разные гвардейцы и между прочими Преображенскаго полка полковникъ Шелгуновъ.

Коммисія помѣстилась въ зданіи давно уже упраздненаго Доминиканскаго монастыря, въ одной небольшой комнатѣ, и всѣ главнѣйшіе преступники, обвиняемые впослѣдствіи какъ участники въ революціонной организаціи, были достав-

ляемы въ мрачную доминиканскую тюрьму, которая съ этого времени сдѣлалась страшилищемъ, тогда какъ до того времени важнѣйшіе политическіе арестанты помѣщались въ одномъ изъ крѣпостныхъ казематовъ № 14-й.

Люди возникаютъ вмѣстѣ съ обстоятельствами, и это было время раздолья для разныхъ ярыхъ сыщиковъ. Сколько помню я таинственныхъ фигуръ, являвшихся подъ вечеръ во дворецъ для передачи своихъ открытій; чиновники самаго невысокаго полета порывались прямо къ генералъ-губернатору, а производившіе аресты по ночамъ тоже напускали на себя мрачный видъ и старались долѣе сохранить слѣды ночныхъ безсонницъ. Вообще же записные доносчики мало оказываютъ пользы; ими можно пользоватся лишь для нападенія на слѣдъ преступленія, когда у правительства нѣтъ никакихъ данныхъ и поддержки въ обществѣ; затѣмъ эти господа стараются запутать дѣло и усложнить его, и такъ какъ это большею частію люди съ разными дурными наклонностями, то всегда кончается тѣмъ, что о нихъ же возникаетъ нѣсколько слѣдственныхъ дѣлъ самаго темнаго содержанія.

То же можно сказать и о евреяхъ-лазутчикахъ при военныхъ отрядахъ; по общимъ отзывамъ они эксплоатируютъ обѣ стороны, очень много

хвастаютъ о своихъ подвигахъ, а въ результатѣ очень мало оказываютъ услугъ; во всякомъ случаѣ этотъ народъ гораздо лучше политическихъ шпіоновъ: эти послѣдніе всегда негодяи и пользы отъ нихъ почти никакой. Всѣ главнѣйшія открытія были сдѣланы гораздо позднѣе, когда учредилась бдительная и неусыпная полиція и образовалась правительственная партія, а слѣдственная коммисія, дѣйствовавшая подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальника края, была поручена людямъ чрезвычайно способнымъ.

Казнь Беньковскаго, Чаплинскаго и Марчевскаго была совершена въ концѣ августа 1863 г. Беньковскаго и Марчевскаго везли вмѣстѣ на позорной колесницѣ, спиной къ лошадямъ, лицомъ къ народу и съ руками, связанными назадъ. Чаплинскаго же везли на извозщикѣ, такъ какъ онъ по выходѣ изъ тюрьмы до самой казни оставался какъ-бы въ забытьи.

6-го августа былъ полковой праздникъ Преображенскаго полка; день былъ чудесный; весь полкъ былъ выстроенъ покоемъ на внутреннемъ дворѣ передъ домомъ генералъ-губернатора. Посреди двора, на коврѣ, былъ поставленъ аналой и собралось полковое духовенство. Дамы и чи-

новники собрались на среднемъ большомъ балконѣ и любовались великолѣпною картиною; часовъ въ 11 появился начальникъ края окруженный многочисленною и блестящею свитою.

Послѣ молебна полкъ пропарадировалъ и направился изъ дворца на площадь предъ Игнатьевскими казармами, рядомъ съ дворцовымъ садомъ, гдѣ былъ приготовленъ полку обѣдъ. Вся площадь была покрыта столами. Между ними были воткнуты березки, а къ оградѣ дворцоваго сада примыкала большая палатка, въ которой былъ приготовленъ офицерами полка завтракъ для начальника края и всѣхъ высшихъ приближенныхъ лицъ. Картина была самая оживленная. Во время завтрака командиромъ полка князем Барятинскимъ получена изъ г. Владиміра поздравительная телеграмма Его Величества, встрѣченная въ полку неописаннымъ восторгомъ. Праздникъ продолжался весь день. Офицеры не расходились, а приглашенные снова собрались вечеромъ, когда стемнѣло и вся площадь была залита огнемъ иллюминаціи; до полночи не умолкали солдатскія пѣсни, громкіе тосты, а офицерская палатка полна была гостей и все время было угощенье и подъ конецъ ужинъ. Вокругъ тѣснился народъ и порывался принять участіе въ русскомъ веселіи.

Въ это же утро явилась во дворецъ къ генералъ-губернатору многочисленная депутація отъ крестьянъ гмины Зыпле Кальварійскаго уѣзда, Августовской губерніи. Она представила генералъ-губернатору письмо за подписью нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ которомъ его просили принять ихъ подъ свою защиту отъ мятежниковъ, такъ какъ въ этой части Августовской губерніи не было вовсе войскъ и они предоставлены произволу шаекъ. Генералъ-губернаторъ согласился принять ихъ подъ свою защиту и послать къ нимъ войска; но требовалъ и съ ихъ стороны полнаго содѣйствія. Литвины были въ совершенномъ восторгѣ и, приглашенные преображенцами раздѣлить съ ними хлѣбъ-соль, раздѣляли и общую радость.

Немедленно послѣ представленія депутаціи были сдѣланы сношенія и посланы войска для занятія Кальварійскаго и Маріупольскаго уѣздовъ; нѣсколько позже послѣдовало Высочайшее повелѣніе о подчиненіи временно Августовской губерніи, кромѣ Ломжинскаго уѣзда, генералу Муравьеву въ военномъ отношеніи. Въ январѣ слѣдующаго 1864 г. присоединенъ и Ломжинскій уѣздъ. Тотчасъ были приняты мѣры къ возстановленію порядка въ этой губерніи. Въ нее направились двѣ колонны войскъ: одна—подъ начальствомъ генерала Бакланова (отличавшагося на Кавказѣ и незадолго передъ

тѣмъ вызваннаго съ Дону), другая—подъ начальствомъ князя Барятинскаго. Къ преображенцамъ присоединили лейбъ-улановъ и казаковъ.

Одна лишь вторая колонна имѣла довольно значительное дѣло; первая прошла почти безпрепятственно; мятежники побросали оружіе и разбѣжались безъ оглядки; множество ихъ было захвачено бродящими въ одиночку. Генералу Я. П. Бакланову была подчинена вся Августовская губернія; онъ ввелъ въ ней военно-полицейское управленіе, какъ это было въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и все пришло въ порядокъ.

Управленіе Августовскою губерніей шло чрезвычайно странно: всѣ гражданскія дѣла должны были идти обыкновеннымъ порядкомъ, а въ военномъ и политическомъ отношеніи, впослѣдствіи же и по устройству быта крестьянъ, губернія эта была подчинена Виленскому генералъ-губернатору; при немъ устроилась для управленія этою губерніею небольшая канцелярія, въ родѣ статсъ-секретаріата по дѣламъ Августовской губерніи. Ее составили нѣсколько чиновниковъ, данныхъ генералу Бакланову въ его первомъ походѣ для гражданскихъ дѣлъ. Во главѣ этого временнаго отдѣленія, или, какъ его называли, коммисіи, поставленъ статскій совѣтникъ Иванъ Акимовичъ Никотинъ, незадолго передъ тѣмъ возвратившійся изъ м. Ворни,

Тельшевскаго уѣзда, Ковенской губерніи, куда онъ былъ посланъ для склоненія Самогитскаго епископа Волончевскаго написать увѣщательное слово своей мятежной паствѣ. Успѣхъ этого порученія обратилъ на г. Никотина выборъ генералъ-губернатора; помощниками его были адъютантъ начальника края В. Ѳ. Самаринъ и камеръ-юнкеръ Мясоѣдовъ.

Хотя часть гражданскаго управленія была оставлена за Варшавой, но въ сущности все тянуло въ Августовской губерніи къ Вильнѣ; народонаселеніе съ необыкновенною радостью принимало наши войска, чиновниковъ и властей, отовсюду шли депутаціи, была рѣчь о включеніи Августовской губерніи въ составъ имперіи.

Не говоря уже о значительномъ числѣ (до 12,000) старообрядцевъ, населяющихъ уѣзды Сейненскій и Марьямпольскій и приславшихъ въ Вильну свою бойкую депутацію изъ чисто русскихъ людей, остальное населеніе губерніи состоитъ изъ литвинъ и частію бѣлоруссовъ, ничего общаго не имѣвшихъ съ поляками.

Двойственное управленіе Августовской губерніей продолжалось почти годъ и когда приказано было возвратить ее въ общее управленіе Царства Польскаго, то населеніе губерніи, какъ бы возродившееся къ новой жизни въ теченіе этого года, съ

искреннимъ сожалѣніемъ разставалось съ прежними начальниками.

Вѣроятно высшія политическія соображенія побудили такъ поступить; но можно смѣло сказать, что было-бы тогда весьма полезно присоединить Августовскую губернію навсегда къ Виленскому генералъ-губернаторству. Минута была благопріятная; никто-бы не сказалъ ни слова, а эта губернія такъ и смотрѣла и просилась въ Россію.

Въ концѣ августа снова послѣдовали одно за другимъ два торжества—коронаціи и именинъ Государя. Въ послѣдній изъ этихъ дней, послѣ генералъ-губернаторскаго пріема, когда всѣ отправились въ соборъ, а начальникъ края съ небольшою свитою въ домовую дворцовую церковь, получена была отъ военнаго министра телеграмма съ извѣщеніемъ о пожалованіи генералу Муравьеву ордена Андрея Первозваннаго. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась и всѣ изъ собора снова собрались во дворецъ, чтобы поздравить генералъ-губернатора, который обошелъ всѣхъ и благодарилъ за вниманіе. Предсѣдатель государственнаго совѣта графъ Блудовъ, министры иностранныхъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и многія высшія лица поспѣшили письмами и телеграммами изъявить М. Н. Муравьеву свое по этому поводу сочувствіе.

Здѣсь я долженъ упомянуть о томъ постоянномъ сочувствіи, которое встрѣчалъ М. Н. Муравьевъ во время управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ отъ русскихъ людей вообще. Когда онъ ѣхалъ въ Вильну, никто, казалось, не былъ сторонникомъ его дѣла, онъ былъ какъ бы одинъ, особенно въ Петербургѣ; ему приходилось бороться на каждомъ шагу съ неодолимыми препятствіями. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Вильну онъ получилъ отъ московскаго митрополита Филарета въ благословеніе икону Архистратига Михаила при замѣчательномъ собственноручномъ письмѣ этого архипастыря; въ письмѣ этомъ, между прочимъ говорилось: «ваше назначеніе—есть уже пораженіе враговъ отечества; ваше имя—побѣда».

Письмо это въ высшей степени ободрило неутомимаго генералъ-губернатора. Въ началѣ же іюля мѣсяца, когда результаты принятыхъ имъ мѣръ становились все очевиднѣе, московскій англійскій клубъ, на обѣдѣ 8-го іюля 1863 г., провозгласилъ его здоровье и постановилъ послать въ Вильну телеграмму съ выраженіемъ сочувствія къ славной его дѣятельности. Событіе это было описано въ газетахъ и примѣръ былъ поданъ: вслѣдъ за симъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ всевозможныхъ обществъ и сословій, часто даже отъ отдѣльныхъ лицъ, при всякихъ торжествахъ стали отправляться въ Вильну начальнику края сочувственныя телеграммы, а иног-

да и весьма знаменательные адресы; можно сказать, что съ того времени развился у насъ въ Россіи обычай посылать сочувственныя телеграммы. Такъ и впослѣдствіи, 8 ноября, въ день его ангела, генералъ-губернаторъ получилъ свыше 80 депешъ; не меньшее число получено было при возведеніи его въ графское достоинство и при всевозможныхъ другихъ случаяхъ. Въ бумагахъ покойнаго графа хранятся всѣ эти телеграммы и адресы, составляя нѣсколько переплетенныхъ книгъ.

Сочувствіе это служило для генерала Муравьева какъ бы регуляторомъ общественнаго мнѣнія и доказывало, что дѣйствія его оцѣниваются въ ихъ истинномъ свѣтѣ—подобное сочувствіе не могло не имѣть вліянія и не поддерживать его силы въ столь продолжительной и упорной борьбѣ тѣмъ болѣе, что въ средѣ высшихъ правительственныхъ лицъ онъ, какъ извѣстно, не пользовался большимъ сочувствіемъ.

IV.

Лица, стоявшія во главѣ управленія Сѣв.-Зап. краемъ ко времени прибытія въ Вильну М. Н. Муравьева. — Виленскій театръ.—Туристы-англичане.— Францисканская тюрьма.—Андрей Ник. Муравьевъ.—Адресъ дворянъ государю.—Адресы Муравьеву.—Обложеніе помѣщичьихъ имѣній процентнымъ сборомъ.—Отъѣздъ изъ Вильны нѣкоторыхъ русскихъ чиновниковъ.—Гвардія.—Высочайшій рескриптъ.

Въ то время, когда генералъ Муравьевъ прибылъ въ Вильну, во главѣ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ стояли слѣдующія лица:

Помощникъ командующаго войсками округа, генералъ-адъютантъ Фроловъ, нѣкогда любимецъ фельдмаршала князя Паскевича. Генералъ Фроловъ оставался въ этой должности до января 1864 г., когда замѣненъ былъ генералъ-адъютантомъ Крыжановскимъ, а самъ назначенъ сенаторомъ. Генералъ Фроловъ не сочувствовалъ М. Н. Муравьеву и до своего ухода оставался совершенно въ тѣни.

Виленскою губерніею управлялъ генералъ-маіоръ Галлеръ, бывшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, управляющимъ политическимъ отдѣленіемъ и наконецъ нѣкоторое время правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора. Назначенный лишь за годъ до начала мятежа Гродненскимъ губернаторомъ, онъ не задолго до прибытія Муравьева былъ переведенъ въ Вильну; но не прошло мѣсяца, какъ онъ былъ уже уволенъ и на мѣсто его назначенъ Степанъ Ѳедоровичъ Панютинъ, бывшій въ то время предсѣдателемъ Динабургской слѣдственной коммиссіи.

Гродненскимъ губернаторомъ, какъ я сказалъ уже выше, одновременно съ назначеніемъ гр. Муравьева въ Вильну былъ назначенъ графъ В. А. Бобринскій; вскорѣ на его мѣсто назначенъ былъ начальникъ IV округа корпуса жандармовъ, бывшій долгое время Ковенскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, генералъ Скворцовъ; онъ быстро водворилъ спокойствіе въ Гродненской губерніи и обратилъ особенное вниманіе на крестьянское дѣло. Гродненское губернское присутствіе было образцовымъ и повѣрочныя работы по Гродненской губерніи были окончены прежде, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ.

Ковенская губернія, болѣе остальныхъ охваченная мятежемъ, къ тому же самымъ упорнымъ, долго

оставалась какъ бы въ междуцарствіи. Прежній губернаторъ контръ-адмиралъ Кригеръ былъ немедленно уволенъ и на мѣсто его назначенъ генералъ-лейтенантъ Энгельгардтъ, вызванный изъ отставки по рекомендаціи генералъ-адъютанта Муравьева-Карскаго. Отличный воинъ, генералъ Энгельгардтъ не могъ справиться съ цѣлою областью, объятою мятежомъ, проникнувшимъ во всѣ слои общества, и не умѣлъ обращаться съ административными мѣрами. Онъ самъ это чувствовалъ и просилъ увольненія. Временно завѣдывать этой губерніей назначенъ былъ сынъ начальника края Н. М. Муравьевъ *), бывшій губернаторомъ въ разныхъ губерніяхъ и изъ гражданскаго чина переименованный тогда въ генералъ маіоры; но съ назначеніемъ его оставалось еще нѣсколько правителей: два уѣзда:—Вилкомірскій и Поневѣжскій составили военный отдѣлъ подъ начальствомъ генерала Пахомова; въ Шавельскомъ и Тельшевскомъ начальствовалъ генералъ Майдель, а впослѣдствіи командующимъ войсками въ остальныхъ уѣздахъ губерніи назначенъ князь Яшвиль, водворившій къ августу мѣсяцу 1863 г. порядокъ въ Могилевской губерніи. Такое сложное управленіе болѣе вредило

*) Отецъ нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ графа М. Н. Муравьева.

дѣлу и, по истребленіи всѣхъ шаекъ и по взятіи знаменитаго ксендза Мацкевича, къ концу года вся власть сосредоточилась въ рукахъ губернатора.

Въ Минскую губернію, независимо отъ гражданскаго губернатора Кожевникова, назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками съ большими полномочіями генералъ-лейтенантъ Заболоцкой. Должность его была упразднена лишь весной 1864 г. и тогда онъ перешелъ на службу въ Варшаву.

Витебская и Могилевская губерніи были подчинены начальнику Сѣверо-Западнаго края лишь при назначеніи на эту должность генерала Муравьева и объявлены на военномъ положеніи. Въ первую былъ посланъ еще до того времени генералъ Длотовскій, по случаю возникшихъ близъ Динабурга безпорядковъ, а потому онъ же и былъ назначенъ командающимъ войсками въ губерніи. Мѣстопребываніемъ его былъ Динабургъ. Въ Витебскѣ оставался гражданскій губернаторъ Оголинъ. По замѣщеніи въ августѣ 1863 г. г. Оголина генераломъ Веревкинымъ, Витебская губернія раздѣлена на 2 военные отдѣла. Послѣднему подчиненъ былъ 2-й отдѣлъ, т. е. восточная половина губерніи, съ г. Витебскомъ, а на мѣсто генерала Длотовскаго, немного позднѣе, назначенъ генералъ Ковалевскій военнымъ начальникомъ 1 отдѣла и ему же под-

чинены ближайшіе къ Динабургу уѣзды: Дисненскій—Виленской губерніи и Новоалександровскій—Ковенской. Изъ этого возникла впослѣдствіи мысль объ образованіи особой Динабургской губерніи; отъ министерства былъ даже присланъ особый чиновникъ для составленія соображеній; но дѣло было отложено до окончанія крестьянской реформы, такъ какъ съ образованіемъ новой губерніи приходилось нѣсколько измѣнить всю карту Сѣверо-Западныхъ губерній и прирѣзать часть Курляндіи.

Въ Могилевской губерніи начальствовалъ А. П. Беклемишевъ, оставшійся тамъ до 1866 г., но, по случаю возникшихъ въ губерніи безпорядковъ и съ объявленіемъ въ ней военнаго положенія, назначенъ былъ временно командующимъ войсками князь Яшвиль. Мятежъ Могилевской губерніи въ недѣлю былъ усмиренъ крестьянами при помощи полиціи и кой-какихъ солдатиковъ; поэтому, согласно съ представленіемъ князя Яшвиля, туда не были даже назначены военно-уѣздные начальники и исправники исполняли ихъ обязанности. Князь Яшвиль ходатайствовалъ у начальника края о снятіи военнаго положенія съ Гомельскаго уѣзда, гдѣ даже не было допущено проявленій мятежа и на это послѣдовало согласіе. Самъ же князь Яшвиль былъ осенью переведенъ въ Ковенскую губернію

и затѣмъ въ Могилевской губерніи все шло почти обыкновеннымъ порядкомъ *).

Главнымъ правителемъ дѣлъ, т. е. постояннымъ докладчикомъ всѣхъ поступавшихъ бумагъ, экстреннымъ распорядителемъ по всѣмъ дѣламъ, передатчикомъ текущихъ приказаній генералъ-губернатора всѣмъ должностнымъ лицамъ и завѣдующимъ личнымъ составомъ былъ генералъ-маіоръ Лашкаревъ, занимавшій въ то же время должность директора Константиновскаго межевого института въ Москвѣ и командированный министерствомъ юстиціи въ распоряженіе генерала Муравьева, на время усмиренія мятежа. Онъ жилъ во дворцѣ на верху, постоянно былъ требуемъ генералъ-губернаторомъ и положительно цѣлый день былъ занятъ. На всѣхъ доложенныхъ имъ бумагахъ онъ писалъ резолюціи начальника края и отмѣчалъ мѣсто, куда должна поступить бумага. Эти доклады служили высшимъ контролемъ по всѣмъ частямъ управленія и при необыкновенной памяти Михаила Николаевича были причиной того, что бумаги не залеживались въ канцеляріяхъ.

Правителемъ особой канцеляріи, какъ я уже

*) Описаніе мятежа въ Могилевской губерніи составлено Василіемъ Өедоровичемъ Ратчемъ и помѣщено въ «Вѣстникѣ Западной Россіи» за 1865 г.

выше сказалъ, подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ г. Лашкарева, былъ камеръ-юнкеръ Рачинскій, котораго послѣдовательно замѣнили ген. Чевати и Ив. Ак. Никотинъ.

Одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей, подполковникъ Черевинъ прибылъ въ Вильну, по приглашенію генералъ-губернатора, съ Кавказа, въ концѣ іюля 1863 г., въ мундирѣ Севастопольскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ онъ тамъ отличался. Первое время дѣятельность его была мало замѣтна: разъ только ему было дано порученіе въ Вилкомірскій и Поневѣжскій уѣзды для разъясненія мѣстныхъ недоразумѣній. При веселомъ нравѣ, соединенномъ съ самымъ плѣнительнымъ остроуміемъ и находчивостью, онъ сдѣлался душею небольшаго кружка состоящихъ при генералѣ-губернаторѣ; съ ноября же, когда генералъ Лашкаревъ долженъ былъ возвратиться къ своему мѣсту, должность его была поручена Черевину. Всѣ сначала были изумлены, такъ какъ никто еще, кромѣ самого генералъ-губернатора, не зналъ серьезныхъ свойствъ веселаго товарища. Исполняя важную свою должность до 1865 г., онъ всегда оставался неизмѣннымъ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, дѣлалъ много добра, сдерживалъ своимъ вліяніемъ разныя увлеченія и порывы служащихъ и всегда былъ удивительно скроменъ. Онъ имѣлъ несом-

нѣнно нѣкоторое вліяніе не только на ходъ дѣлъ, но и на самого генералъ-губернатора, который любилъ всегда имѣть его близъ себя и совѣтоваться съ нимъ: совершенно независимаго характера, онъ смѣло и съ достоинствомъ высказывалъ свое мнѣніе и хотя начальникъ края не всегда слѣдовалъ его указаніямъ, тѣмъ не менѣе выслушивалъ ихъ и цѣнилъ.

Не выказывая безъ нужды своихъ знаній, онъ обладалъ однако познаніями и понятіями всегда точными, ясными и опредѣлительными. Истинное наслажденіе говорить о такомъ человѣкѣ *).

Правителемъ общей штатной канцеляріи былъ д. с. с. Тумановъ, служившій прежде по учебной части **). Чиновники этой канцеляріи были еще по большей части поляки и лишь постепенно замѣщались русскими начиная съ 1864 года. Они составляли особый міръ и рѣдко являлись во дворецъ.

При естественномъ разнообразіи характеровъ

*) Петръ Александровичъ Черевинъ былъ впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ императору Александру III лицъ и скончался въ началѣ 1895 года въ должности дежурнаго при Его Величествѣ генерала, должности для него созданной.

**) Инспекторомъ хозяйственной части въ Бѣлостокскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Жена его была урожденная Павлова.

и наклонностей, всѣ окружавшіе М. Н. Муравьева были одушевлены какъ бы однимъ духомъ и стремились къ одной цѣли. Это направленіе сообщалось и всѣмъ служащимъ въ краѣ въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ. Ежедневные пріемы генералъ-губернатора и доступность его всѣмъ служащимъ, а равно и наша Особенная Канцелярія много способствовали этому объединенію. До пріемовъ и послѣ того всѣ представляющіяся должностныя лица и болѣе или менѣе намъ извѣстныя заходили въ нашу канцелярію, которая, какъ я уже сказалъ, была рядомъ съ гостинною, гдѣ происходили пріемы. То, что не было договорено генералъ-губернаторомъ, здѣсь пояснялось, здѣсь каждый могъ понять господствовавшія мысли и примѣнить къ нимъ свою дѣятельность, сюда стекались всѣ свѣдѣнія, всѣ лица, словомъ сказать, это былъ маленькій foyer.

Тутъ же составлялись отвѣты на депеши, шифровались и расшифровывались секретныя телеграммы.

Кромѣ этого кружка ближайшихъ сотрудниковъ начальника края, постепенно сталъ увеличиваться кружокъ крестьянскихъ дѣятелей. Къ сожалѣнію Л. С. Маковъ, завѣдывавшій первоначально этимъ дѣломъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, вынужденъ былъ въ сентябрѣ 1863 г. покинуть Вильну и за-

нятія его перешли къ помощнику его, г. Левшину, только что вернувшемуся изъ Минской губерніи, куда онъ былъ посланъ для образованія повѣрочныхъ коммисій и для наблюденія за началомъ ихъ занятій.

Къ осени число прибывающихъ на должности по крестьянскому дѣлу увеличилось; ни одного поляка не оставалось уже на мѣстахъ по этому роду службы, при чемъ обнаружилось, что во многихъ мѣстахъ крестьянамъ даже не было растолковано прежними мѣстными посредниками изъ поляковъ Положеніе и они оставались какъ-бы въ крѣпостномъ состояніи. Всѣ новоприбывающіе дѣятели были по большей части мировыми посредниками у себя дома, что уже служило нѣкоторымъ ручательствомъ; иные, лично извѣстные генералъ-губернатору или другимъ лицамъ, были приглашаемы прямо на извѣстныя должности; по большей части это все были люди порядочные, многіе изъ хорошихъ фамилій и даже со средствами; надо замѣтить, что больше всего посредниковъ прибыло изъ Смоленской губерніи, изъ числа тамошнихъ небогатыхъ помѣщиковъ, для которыхъ прибавка 500 руб. къ содержанію по близости Сѣверо-Западнаго края, имѣла значеніе и оттуда шли лучшіе люди.

Всѣ эти господа соединялись ежедневно въ Ев-

ропейской гостинницѣ, гдѣ собирались также и офицеры Преображенскаго полка и всѣ пріѣзжающіе и путешественники, которыхъ къ осени много появилось. Собранія были въ высшей степени оживленныя и интересныя,—все русскіе люди изъ разныхъ дальнихъ странъ собрались въ краѣ, мало извѣстномъ въ остальной Россіи и, конечно, это тоже не мало служило къ разъясненію взлядовъ на польскій вопросъ и преимущественно въ Сѣверо-Западномъ краѣ *).

Къ осени пріѣхало остальное семейство начальника края **), многіе изъ служащихъ выписали тоже своихъ женъ и дочерей, ко многимъ стали пріѣзжать знакомые, и пошли гулянья и пикники. Въ загородныхъ домахъ устраивали завтраки, а послѣ того танцовали до вечера; вообще Вильна

*) Здѣсь же я впервые встрѣтился съ проѣзжавшимъ черезъ Вильну М. Д. Скобелевымъ. Онъ былъ тогда юнымъ кавалергардскимъ офицеромъ и отправлялся въ ц. польское.

**) Супруга Михаила Николаевича, вѣрная его спутница Пелагія Васильевна Муравьева, рожденная Шереметева, одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ, была очень добрая и миловидная старушка. Она пріѣхала въ Вильну еще въ іюнѣ и немедленно водворила порядокъ въ домѣ. Она была особенно привязана къ дочери, Софіи Михайловнѣ, въ замужествѣ за егермейстеромъ С. С. Шереметевымъ. У нихъ было въ то время нѣсколько дѣтей-малютокъ, которыя и составляли радость М. Н. Муравьева въ тѣ немногіе часы, когда онъ ихъ видѣлъ вокругъ себя.

въ то время оживилась; театръ былъ въ полномъ ходу. Генералъ-губернаторъ, понимая всю важность общественныхъ зрѣлищъ, съ самаго начала обратилъ на нихъ вниманіе; при открытіи театра на немъ играли лишь польскія пьесы — и только иногда въ концѣ представленія давали плохенькій русскій водевильчикъ, или неважную сцену, въ родѣ: «Запечатаннаго Ицка»; да и актеры, изъ коихъ многіе отличались истиннымъ талантомъ, были всѣ поляки; но въ скоромъ времени мало по малу русскія пьесы на Виленскомъ театрѣ стали появляться все чаще и къ ядру польскаго состава труппы стали прибавляться русскіе наѣзжіе актеры; польскіе же актеры окончательно выучились говорить по русски, и театръ сдѣлался такъ хорошъ, что многія русскія пьесы были разыгрываемы даже не хуже, чѣмъ въ Петербургѣ въ Александринскомъ театрѣ.

Около этого же времени стали посѣщать Вильну разные туристы-англичане: первый изъ нихъ, г. Дей, прибылъ еще въ концѣ іюля; но такъ какъ онъ не зналъ ни слова по-русски, ни по-французски, то его мало замѣтили; между тѣмъ онъ собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія и напечаталъ рядъ замѣчательныхъ статей по польскому вопросу въ «Daily News», которыя были переведены въ то время на русскій языкъ и обратили на себя общее внима-

ніе. Англичанинъ подробно описалъ генерала Муравьева, отдавая справедливость всѣмъ его мѣрамъ и даже восторгался его умомъ и энергіей. Г. Дей этимъ не удовольствовался и пріѣхалъ еще черезъ годъ, когда о немъ уже забыли, и сталъ настойчиво требовать разныхъ данныхъ для книги, которую онъ составлялъ; просилъ дать ему выписку изъ дѣла о кинжальщикахъ и предъявилъ другія требованія. Генералъ-губернаторъ принялъ его очень ласково, приказалъ снова показать ему всѣ тюрьмы, пріюты, окрестности и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ отстранилъ весьма искусно и его притязанія.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ новый посѣтитель, нѣкто О'Брейнъ съ товарищемъ въ родѣ секретаря. О'Брейнъ отличался высокимъ образованіемъ, имѣлъ какое-то оффиціальное положеніе и довольно хорошо говорилъ по-французски; приглашенный къ обѣду къ начальнику края, онъ вообще остался въ восторгѣ отъ его пріема; ему также былъ открытъ доступъ во всѣ тюрьмы; онъ посѣтилъ и слѣдственную коммисію и ему разрѣшено было присутствовать при допросахъ; такъ какъ я обыкновенно былъ назначаемъ въ спутники этимъ господамъ, то вмѣстѣ съ г. О'Брейномъ посѣтилъ, между прочими тюрьмами, и тюрьму Францисканскую.

Въ глубинѣ двора, за костеломъ, нынѣ закрытымъ, находится это большое четырехъ-угольное

зданіе въ два этажа, составлявшее прежде жилище францискановъ. Вокругъ него идутъ по наружной стѣнѣ широкіе чистые корридоры, а всѣ кельи, высокія и сухія, обращены окнами на внутренній дворъ, на которомъ устроенъ цвѣтникъ и посажено нѣсколько тополей. Въ цвѣтникѣ этомъ гуляли нѣкоторые арестанты и между прочимъ мнѣ указали на богатаго помѣщика Александра Оскерко, оказавшагося впослѣдствіи однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Огрызко; уже сосланный въ Уфу, онъ былъ вытребованъ оттуда обратно и по приговору суда отправленъ впослѣдствіи на 20 лѣтъ въ каторжную работу. Полковникъ Петръ Семенов. Лебедевъ (бывшій редакторъ «Русскаго Инвалида»), имѣвшій высшее наблюденіе за всѣми тюрьмами въ Вильнѣ, какъ-бы угощая иностранца этою образцовою тюрьмою, берегъ для насъ еще одинъ сюрпризъ.

Послѣ обзора нѣкоторыхъ арестантскихъ, мы были приведены въ комнату, гдѣ содержалась богатая виленская помѣщица Матильда Бучинская, урожденная Гинтеръ. Высокаго роста, величественная, уже пожилая, г-жа Бучинская приняла насъ весьма любезно, какъ великосвѣтская женщина принимаетъ въ своей гостиной. Она очаровала насъ своимъ умомъ, познаніями и живостью. Въ какія-нибудь десять минутъ рѣчь зашла даже о

Данте; она говорила, что вовсе не сѣтуетъ, а благодаритъ судьбу за это небольшое испытаніе, такъ какъ она до сихъ поръ не знала въ жизни превратностей и теперь только въ этомъ уединеніи лучше научилась понимать нѣкоторыя вещи и думать о томъ, на что прежде не обращала вниманія. У постели ея висѣлъ на стѣнѣ коверъ, на столикѣ передъ диваномъ стояли слѣды домашняго обѣда, на окнѣ въ горшкѣ подъ стекломъ она выращала какую-то травку. Г-жа Бучинская содержалась не какъ подсудимая, но въ видѣ административнаго взысканія за прежніе ея подвиги и руковожденія въ демонстраціяхъ всякаго рода; а мѣсяца черезъ три она отправлена была въ Нижегородскую губернію.

Вообще, содержаніе во Францисканской тюрьмѣ считалось самымъ легкимъ по сравненію съ остальными тюрьмами. Прощаясь съ англичаниномъ, она смѣясь сказала ему: «и такъ передайте въ вашемъ отечествѣ, что вы видѣли въ виленскихъ тюрьмахъ женщину веселую и совершенно довольную своимъ положеніемъ», а мнѣ она выразила надежду увидѣться гдѣ-нибудь современемъ при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ.

Г. О'Брейнъ тоже написалъ нѣсколько статей о Вильнѣ и Варшавѣ въ «Evening Star», отли-

чавшихся впрочемъ большею сдержанностью, чѣмъ сочиненія Дея.

Были еще другіе пріѣзжіе, менѣе важные; между ними я помню только одного молодого человѣка хорошей фамиліи, готовившагося въ парламентъ, который вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ путешествовалъ по Европѣ и только что прибылъ изъ Норвегіи. Я катался съ нимъ по окрестностямъ и при видѣ полнаго мѣсяца, ярко освѣтившаго рѣку Вилейку, окруженную густыми рощами съ поблекшими листьями, онъ оживился, сталъ декламировать Байрона, прочелъ мнѣ даже какіе-то свои стихи.

Около того же времени прослѣдовалъ черезъ Вильну въ Варшаву съ многочисленною свитою сенаторъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ, предназначавшійся для преобразованія управленія Царства Польскаго.

Вмѣстѣ со всѣми своими спутниками онъ остановился въ Европейской гостинницѣ, гдѣ они заняли полъ-этажа. Все утро онъ провелъ у начальника края; а на общій пріемъ прибыли будущіе его сотрудники.

Такимъ образомъ въ этотъ день пріемъ былъ самый интересный. Тутъ были: князь В. А. Черкасскій (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ), Юрій Өедоровичъ Самаринъ, (извѣстный

писатель), тайный совѣтникъ Петерсонъ, г. Протопоповъ (директоръ департамента въ министерствѣ государственныхъ имуществъ) и еще человѣкъ десять; для полноты же картины былъ одинъ изящный чиновникъ въ вицъ-мундирѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ говорили, для переводовъ съ польскаго языка.

Генералъ-губернаторъ пригласилъ всѣхъ этихъ будущихъ дѣятелей въ свой кабинетъ и долго съ ними бесѣдовалъ. Въ тотъ же день они были приглашены во дворецъ къ обѣду. Все это укрѣпило впослѣдствіи связь между начальникомъ Сѣверо-Западнаго края и управленіемъ Царства Польскаго. Сенаторъ Милютинъ, во время частыхъ поѣздокъ своихъ въ Варшаву, почти всегда останавливался въ Вильнѣ для свиданія съ М. Н. Муравьевымъ.

Въ октябрѣ же мѣсяцѣ, въ концѣ, посѣтилъ Вильну братъ начальника края, извѣстный писатель Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Онъ осмотрѣлъ всѣ православные памятники древней Вильны и между прочимъ былъ пораженъ величіемъ одного заброшеннаго зданія, носившаго въ то время скромное названіе «Спасскихъ казармъ». Судьба этого нѣкогда соборнаго храма въ высшей степени замѣчательна. Построенный въ XV столѣтіи на берегу рѣки Вилейки, въ самомъ центрѣ древняго города, храмъ этотъ былъ освященъ мо-

сковскимъ митрополитомъ Алексѣемъ, во имя Пречистыя Богородицы, и полтора столѣтія служилъ митрополіею Литвы. Всепоглощающая унія обратила его въ свое достояніе. Мало по малу соборъ этотъ тѣсно вокругъ застраивался, городъ расширялся въ другую сторону и онъ потерялъ всякое значеніе, а послѣ пожара, въ прошломъ столѣтіи, былъ вовсе заброшенъ и считался лишь въ духовномъ уніатскомъ вѣдомствѣ. Князь Чарторыйскій, во время знаменитаго своего управленія виленскимъ учебнымъ округомъ, испросилъ Высочайшее повелѣніе на передачу этого ненужнаго зданія въ вѣдѣніе университета для устройства ветеринарной школы и анатомическаго театра. За упраздненіемъ университета и помянутыхъ учрежденій, зданіе поступило въ завѣдываніе городской думы и нѣкоторое время отдавалось подъ постой войскъ. За устройствомъ же болѣе удобныхъ казармъ, сдѣлалось складомъ городскаго имущества; перегороженныя внутри части его розданы въ наймы бѣднымъ ремесленникамъ. Въ одной части его помѣстился экипажный сарай, а въ главномъ алтарѣ устроена кузница. Я самъ засталъ его въ этомъ печальномъ видѣ.

Впослѣдствіи, когда, по настояніямъ Андр. Ник. Муравьева, не смотря на большое противодѣйствіе разныхъ высшихъ лицъ и даже на опасенія его

брата за громадность издержекъ, зданіе это было нѣсколько пообчищено и внутри его разломаны перегородки, я увидалъ внутренность чудеснаго православнаго храма съ 4-мя большими посрединѣ столбами, нѣкогда поддерживавшими куполъ. Въ стѣнѣ же у алтаря были видны слѣды древняго иконостаса съ византійскими дверями. Три полукруглые выступа для алтарей еще прежде наводили многихъ на мысль о древнемъ величіи храма. Нынѣ соборъ Пречистыя возобновленъ и этимъ онъ, конечно, обязанъ усердному вмѣшательству въ это дѣло Андрея Николаевича Муравьева и его брату, вскорѣ убѣдившемуся въ значеніи этого памятника.

Послѣдствіемъ посѣщенія Андрея Николаевича Муравьева было изданіе брошюры: «Русская Вильна», въ которой краснорѣчиво описаны всѣ памятники древняго православія въ этомъ городѣ. Книжка эта разошлась въ большомъ числѣ экземпляровъ и переведена была на французскій языкъ графомъ Ожаровскимъ.

Съ обезсиліемъ мятежа, повсемѣстнымъ почти уничтоженіемъ шаекъ и водвореніемъ строгаго и бдительнаго военно-полицейскаго управленія, необходимо было дать остававшимся мятежникамъ возможность положить оружіе тѣмъ болѣе, что съ наступленіемъ осенняго времени имъ становилось

почти невозможно держаться въ лѣсахъ, а крестьяне отказывались ихъ продовольствовать, такъ что они вынуждены были почти съ бою доставать себѣ пропитаніе. Съ этою цѣлью 26-го августа циркуляромъ начальника края, повсемѣстно распубликованнымъ, было объявлено всемилостивѣйшее прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые явятся изъ мятежа добровольно къ начальству и представятъ оружіе. Начальники шаекъ первое время удерживали нерѣшительныхъ страхомъ, но за удвоеніемъ строгихъ мѣръ и за исполненіемъ въ 24 часа нѣсколькихъ приговоровъ надъ взятыми въ плѣнъ предводителями скитавшихся по краю бродячихъ шаекъ, энергія ихъ пропала и мятежники стали сотнями являться къ начальству. Отъ нихъ отбирались показанія и оружіе и если на нихъ не падало подозрѣній въ совершеніи особо важныхъ преступленій или злодѣяній, они водворялись на прежнемъ мѣстѣ жительства, съ согласія обществъ и по приведеніи къ присягѣ. Первая очистительная присяга, принесенная нѣсколькими шляхтичами и однимъ ксендзомъ въ Вильнѣ, была обставлена возможною торжественностью; прелатъ Немѣкша совершалъ литургію въ Свято-Янскомъ костелѣ и на ней присутствовали высшія должностныя лица. Нѣкоторые изъ заблудшихъ были потрясены до слезъ. Добровольно возвратившихся изъ мятежа было водворено

въ краѣ свыше 3,000 чел., сверхъ того до 300 чел. не были приняты обществами своими на поручительство и отправлены поэтому на водвореніе въ сибирскія губерніи, административнымъ порядкомъ.

За возвращеніемъ такого большаго числа лицъ изъ мятежа, не представлялось уже основанія щадить упорныхъ фанатиковъ, державшихъ страну подъ вліяніемъ террора и совершавшихъ ежедневно жестокія истязанія надъ мирными жителями. Тогда-то шайки эти получили извѣстное названіе жандармовъ-вѣшателей. Главнѣйшею ихъ цѣлью было продержаться какъ нибудь до весны, такъ какъ они надѣялись на присоединеніе къ нимъ снова большаго числа мятежниковъ, которые могли бы отдохнуть зимою и запастись оружіемъ. Тѣмъ временемъ и тайная революціонная организація напрягала всѣ свои силы, чтобы сохранить за собою господство въ краѣ. Во главѣ ея сталъ человѣкъ необыкновенно предпріимчивый и энергическій—нѣкто Калиновскій, долго ускользавшій отъ преслѣдованія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и правительство удвоило свои усилія, такъ какъ необходимо было за одинъ разъ покончить съ мятежомъ и не допустить ни въ какомъ случаѣ возможности возобновленія его съ весны. Независимо отъ преслѣдованія и истребле-

нія жандармовъ-вѣшателей, открытія нѣкоторыхъ агентовъ организаціи и совершенія надъ ними казни, учреждена была уже повсемѣстно сельская стража; въ большихъ лѣсахъ велѣно было въ кратчайшій срокъ прорубить просѣки, что значительно способствовало къ ихъ очищенію. Повѣрочныя коммиссіи продолжали свои поздно начавшіяся работы до тѣхъ поръ, пока земля не покрылась снѣгомъ и сдѣлалось невозможнымъ распознавать ея достоинство.

По примѣру виленскаго дворянства—и отъ другихъ губерній стали прибывать депутаціи *) съ представленіемъ всеподданнѣйшихъ адресовъ. Словомъ сказать, правительственная власть на всѣхъ пунктахъ росла, всѣ сословія къ ней приставали и хотя число недовольныхъ не уменьшалось, но явно они не могли дѣлать вреда. Ковенское дворянство представило адресъ за 500-ми подписями 26-го августа, затѣмъ гродненское—въ половинѣ сентября; въ концѣ сентября и минское вмѣстѣ съ новымъ предводителемъ дворянства Прошинскимъ, человѣкомъ замѣчательной честности, силы воли и ума. Рѣшаясь на составленіе адреса, онъ

*) Замѣчательны слова М. Н. Муравьева къ депутаціи могилевской, предводительствуемой княземъ Любомирскимъ: «для меня, отрицательное положеніе дворянства во время мятежа равняется положительному въ немъ участію».

написалъ окружное посланіе на бѣлорусскомъ языкѣ съ выраженіемъ своихъ убѣжденій. Онъ высказывалъ въ немъ увѣренность въ исторической необходимости сліянія западныхъ губерній съ Россіей, хотя въ то же время необходимость этого сліянія онъ доказывалъ мыслью о панславизмѣ. Мысль эта пустила было корни въ Минской губерніи, такъ какъ въ ней заключалась извѣстная уловка поляковъ, которые на все согласны, лишь бы не быть и не называться русскими. Адресы отъ губерній Витебской и Могилевской нѣсколько запоздали; особенно послѣдній, который былъ представленъ едвали не въ ноябрѣ; это произошло отъ пассивнаго противодѣйствія и уклончивости тамошняго губернскаго предводителя князя Любомирскаго, человѣка скрытнаго и осторожнаго.

Для соглашеній по адресу, особенно же для устраненія неудовольствій, возникшихъ въ средѣ значительныхъ русскихъ помѣщиковъ Могилевской губерніи, желавшихъ подать особый отъ поляковъ адресъ, былъ посланъ въ Могилевъ незадолго передъ тѣмъ прибывшій изъ С.-Петербурга генералъ Чевати, хорошо знавшій съ давняго времени край. Въ пространномъ донесеніи своемъ о положеніи дѣлъ въ Могилевской гутерніи, онъ съ замѣчательнымъ умомъ обрисовалъ личность и дѣятельность князя Любомирскаго и, объѣхавъ губерніи Ви-

тебскую и Минскую, содѣйствовалъ успѣшному составленію адресовъ.

Генералъ-губернаторъ, принимая могилевское дворянство, выразилъ сожалѣніе, что губернія эта такъ поздно приступила къ настоящему заявленію, что отъ нея, какъ отъ коренной русской губерніи, можно было ожидать большаго сочувствія дѣлу обрусенія края.

Будучи въ 1829 г. могилевскимъ губернаторомъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ хорошо зналъ многихъ тамошнихъ старожиловъ и изумилъ представлявшихся свѣжестью своей памяти и необыкновенно подробными разспросами о разныхъ знакомыхъ ему мѣстахъ и лицахъ. Въ числѣ депутатовъ половина была изъ русскихъ. Князь Любомирскій былъ сухо принятъ и ему воспрещено было возвращаться въ Могилевъ. Затѣмъ онъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе ѣхать въ Ригу, а оттуда впослѣдствіи въ Петербургъ. О немъ производилось нѣсколько слѣдственныхъ дѣлъ, но по всѣмъ этимъ дѣламъ онъ былъ оставленъ лишь въ подозрѣніи *). На мѣсто его назначенъ губернскимъ предводителемъ гомельскій уѣздный предводитель Крушевскій, женатый на русской.

*) Мнѣ довелось снова встрѣтиться съ княземъ Любомирскимъ чрезъ 32 года послѣ описываемыхъ событій на одномъ парадномъ обѣдѣ въ Варшавѣ. Онъ здравствуетъ и нынѣ.

Послѣ представленія дворянами шести губерній адресовъ, отъ губернскихъ предводителей непрерывно поступали дополнительные листы съ подписями, собранными по уѣздамъ; такимъ образомъ число подписавшихся подъ адресами дворянъ доходило впослѣдствіи до 12,000. Вмѣстѣ съ представленіемъ на высочайшее воззрѣніе дворянскихъ адресовъ испрашивались награды губернскимъ предводителямъ (кромѣ Любомирскаго), нѣкоторымъ изъ членовъ депутацій и даже самимъ губернаторамъ. Въ отвѣтныхъ бумагахъ вмѣстѣ съ монаршею благодарностью всегда выражалась увѣренность, что дворянство не на словахъ, а на дѣлѣ выкажетъ свою преданность Государю и отечеству.

Вмѣстѣ съ тѣмъ начали прибывать разныя депутаціи съ адресами отъ разныхъ еврейскихъ и городскихъ обществъ; крестьяне, по мѣрѣ освобожденія отъ полевыхъ работъ, тоже присылали депутатовъ поблагодарить Муравлева, (какъ его называли въ народѣ), за его защиту и благодѣянія.

Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ усмиреніемъ мятежа, всѣ помѣщичьи имѣнія Сѣверо-Западнаго края были обложены 10% сборомъ съ ихъ доходовъ; сборъ этотъ, однако, былъ пониженъ съ лицъ нѣмецкаго происхожденія до 3%, а съ русскихъ до 1½% и составилъ въ общей сложности въ первый годъ до 2.600,000 р. Когда

нѣкоторые изъ русскихъ землевладѣльцевъ, ставя на видъ свое разстроенное отъ мятежа положеніе, жаловались на контрибуціонный сборъ, для нихъ будто бы оскорбительный, начальникъ края постоянно отвѣчалъ имъ, что сборъ этотъ съ нихъ собственно не имѣетъ вовсе вида контрибуціи, а есть скорѣе приглашеніе способствовать правительству въ общемъ дѣлѣ, что доказывается самою его незначительностью въ сравненіи со сборомъ десяти процентнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ ставилось на видъ, что для нихъ болѣе, нежели для другихъ, правительство вынуждено было дѣлать чрезвычайные расходы, такъ какъ въ случаѣ удачнаго исхода мятежа и отпаденія сѣверо-западныхъ губерній отъ Россіи, польское революціонное правительство, конечно, прежде всего распорядилось бы отобраніемъ не только ихъ доходовъ, но и самыхъ имѣній, и что поэтому со стороны русскихъ помѣщиковъ Сѣверо-Западнаго края можно бы ожидать большаго содѣйствія *).

Когда М. Н. Муравьевъ былъ назначенъ въ Вильну, ему предстояло лишь усмирить мятежъ и водворить спокойствіе въ краѣ; затѣмъ ему и были даны чрезвычайныя полномочія. Онъ не располагалъ оставаться долго въ Литвѣ и ѣхалъ

*) 10% сборъ отмѣненъ лишь въ 1897 году.

собственно, чтобъ гасить пожаръ; съ этою цѣлью были приглашены и всѣ его сотрудники и было сдѣлано распоряженіе, чтобы чиновники, командируемые отъ министерствъ въ его распоряженіе, сохраняли свои мѣста и содержаніе и считались бы въ командировкѣ; а для доставленія имъ преимуществъ на это время, въ распоряженіе генералъ-губернатора назначена изъ государственнаго казначейства на первый разъ сто-тысячная сумма для выдачи чиновникамъ прогоновъ и подъемныхъ, добавочнаго содержанія и на прочіе экстренные расходы по мятежу и на командировки.

Поэтому всѣ ближайшіе изъ состоявшихъ при генералъ-губернаторѣ лицъ тоже располагали лишь на короткое время поѣхать въ Вильну, поработать, схватить отличій и вернуться въ Петербургъ; никто изъ нихъ не устраивался, не покупалъ мебели, жили какъ на бивакахъ. Семейство генералъ-губернатора тоже поговаривало постоянно о скоромъ возвращеніи въ Петербургъ; нѣкоторые чиновники, болѣе другихъ дорожившіе своими мѣстами и требуемые своими начальствами, видя продолжительность командировки, возвратились къ своимъ должностямъ. (Я не говорю о тѣхъ, которые получили въ Сѣверо-Западномъ краѣ штатныя должности). Наконецъ гвардія тоже мало по малу выступала изъ края; гвардейской кавалеріи въ ноябрѣ

1863 г. уже вовсе не было и только отъ лейбъ-атаманскаго полка оставленъ генералъ-губернатору конвой изъ одного офицера и 20-ти казаковъ. 1-й гвардейскій стрѣлковый баталіонъ прошелъ въ рижскій округъ. Лейбъ-казаки тоже прошли почему-то въ Ригу и только въ Ковенской губерніи оставались до января 1864 года отличавшіеся тамъ стрѣлки императорской фамиліи. Позднѣе другихъ долженъ былъ вернуться Преображенскій полкъ, прибывшій въ октябрѣ изъ августовской экспедиціи.

Одинъ изъ офицеровъ этого полка, Г. Оболенскій, написалъ среди боевыхъ биваковъ военный маршъ или гимнъ въ честь М. Н. Муравьева. По этому случаю приглашены были однажды вечеромъ во дворецъ всѣ офицеры Преображенскаго полка и въ большой залѣ двумя полковыми оркестрами и двумя хорами: военныхъ и митрополичьихъ пѣвчихъ былъ исполненъ, въ присутствіи многочисленнаго собранія, гимнъ Г. Оболенскаго, подъ дирекціею самого композитора. Онъ былъ глубоко взволнованъ, когда сошелъ съ устроенной для него эстрады, генералъ-губернаторъ обнялъ его и благодарилъ. Привѣтствія сыпались ему со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ разносили фрукты и вино, протанцовали двѣ кадрили и въ полночь всѣ разъѣхались. Это былъ первый и единственный вечеръ въ домѣ генералъ-губернатора до 1865 года. Предъ

выступленіемъ полка былъ снова смотръ на дворцовомъ дворѣ и по окончаніи молебствія вызваны были подъ знамена 72 наиболѣе отличившіеся унтеръ-офицера и рядовыхъ, и самъ начальникъ края, при звукахъ музыки и неумолкаемомъ ура, надѣлъ на нихъ георгіевскіе кресты. Энтузіазмъ войска былъ неописанный.

Вслѣдъ за отправленіемъ полка мы считали пребываніе свое въ Вильнѣ приближающимся къ концу. Генералъ-губернаторъ послалъ Государю Императору донесеніе съ описаніемъ заслугъ гвардіи, съ изображеніемъ состоянія края и указывая лишь на незначительныя бродячія шайки, упорно державшіяся въ обширныхъ лѣсахъ Ковенской губерніи, просилъ, по исполненіи возложеннаго на него порученія, уволить его отъ управленія краемъ тѣмъ болѣе, что здоровье его *) отъ усиленной дѣятельности слабѣетъ, а устройство края на новыхъ началахъ потребуетъ новыхъ усилій, для которыхъ нуженъ другой человѣкъ.

На письмо это Государь Императоръ рескриптомъ отъ 9-го ноября 1863 г., въ самыхъ лестныхъ для подданаго выраженіяхъ, отдавалъ справедливость его заслугамъ и просилъ для пользы отечества

*) М. Н. Муравьеву было въ то время 67 лѣтъ и онъ страдалъ одышкой и ожирѣніемъ грудной полости.

продолжать управленіе краемъ доколѣ силы его это дозволятъ.

Ободренный высочайшимъ рескриптомъ, М. Н. Муравьевъ приступилъ съ этой минуты къ новой дѣятельности по устройству края; съ этого времени мѣры, имъ принимаемыя, носятъ на себѣ отпечатокъ прочности и вытѣсняютъ мѣры временныя; съ этого времени поднято и частію разрѣшено множество вопросовъ по всѣмъ отраслямъ гражданскаго управленія и политическаго устройства края; съ этого же времени самая дѣятельность его получила значеніе не простаго усмиренія мятежа, а русскаго народнаго дѣла. Православіе и русская народность сдѣлались лозунгомъ нашимъ, и генералъ-губернаторъ умѣлъ придать всѣмъ послѣдующимъ своимъ дѣйствіямъ этотъ оттѣнокъ, но такъ какъ всѣ отдѣльныя мѣры получили болѣе опредѣлительности, послѣ поѣздки его въ концѣ апрѣля въ Петербургъ, то съ того времени и мы будемъ считать в т о р о й періодъ его дѣятельности и согласно тому раздѣлится это сочиненіе на двѣ части.

V.

Выраженіе М. Н. Муравьеву сочувствія русскихъ въ день его именинъ.—Распредѣленіе занятій Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ.—Положеніе дѣлъ въ Ковенской губерніи.—Ксендзъ Мацкевичъ. — Конфискаціи. — Возрожденіе сельскаго населенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

8-го ноября 1863 г., день именинъ М. Н. Муравьева, былъ, конечно, однимъ изъ торжественнѣйшихъ дней его жизни. Въ этотъ день ясно и осязательно высказалось общее къ нему сочувствіе не только всѣхъ служащихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ русскихъ, но и цѣлой Россіи. Пользуясь этимъ случаемъ, петербургское общество, по подпискѣ, приготовило къ этому дню великолѣпный чеканеный образъ архистратига Михаила, съ надписью на немъ напутственныхъ словъ митрополита московскаго Филарета: «Твое имя—побѣда», и при краткомъ, но знаменательномъ письмѣ за 80-ю подписями, во главѣ которыхъ стояло имя

графа Дмитрія Николаевича Блудова и его дочери и красовались имена: графовъ Строгановыхъ, графини Протасовой, князей Барятинскихъ и иныхъ, препроводило икону въ Вильну съ камеръ-юнкеромъ Шевичемъ, *) отправлявшимся въ имѣнія свои Минской губерніи. Г. Шевичъ прибылъ во дворецъ во время общаго пріема, на который собрались не только всѣ военные и гражданскіе, но многіе прибыли изъ отдаленныхъ мѣстъ края, и въ томъ числѣ почти всѣ губернскіе предводители. Изъ Петербурга и изъ всѣхъ концовъ Россіи сыпались горячія пожеланія и привѣтствія въ видѣ телеграммъ. Къ этому же дню служащіе въ Вильнѣ русскіе люди составили подписку на нѣсколько тысячъ рублей и, представляя ихъ при письмѣ генералъ-губернатору, просили его употребить эти деньги на возобновленіе въ Вильнѣ одной изъ древнѣйшихъ православныхъ церквей во имя св. Николая, стоящей въ центрѣ города и основанной въ XIII столѣтіи знаменитымъ ревнителемъ православія въ Западной Руси княземъ Константиномъ Острожскимъ. Подписавшіе письмо просили въ немъ, чтобы къ этой церкви пристроена была часовня во имя архистратига Михаила.

*) Родной по матери внукъ графа Д. Н. Блудова, впослѣдствіи Лифляндскій губернаторъ, нынѣ сенаторъ.

Изъ глубины уѣздовъ Гродненской губерніи прибыли къ этому дню крестьянскія депутаціи съ богатыми по ихъ средствамъ иконами. Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ не было ничего приторнаго или чиновническаго; заслуги человѣка, къ которому все это относилось, слишкомъ были очевидны для края, чтобъ не быть почтены заявленіемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ.

Когда начальникъ края, видимо тронутый общимъ привѣтствіемъ, удалился въ церковь, всѣ устремились туда за нимъ. Большая церковь не могла вмѣстить въ себѣ и половины тутъ бывшихъ; многіе слушали литургію даже изъ третьей комнаты.

У Михаила Николаевича былъ въ этотъ вечеръ большой обѣдъ, а въ Европейской гостинницѣ, неожиданно для обѣдавшихъ, подано было за жаркимъ шампанское содержателемъ гостинницы и всѣ гости были усердно имъ угощаемы.

Утомленный утренними заявленіями и видимо потрясенный, генералъ-губернаторъ къ вечеру занемогъ и на слѣдующій день не дѣлалъ пріема, хотя продолжалъ заниматься также неутомимо; впрочемъ здоровье его вскорѣ поправилось.

Распредѣленіе его занятій было достойно вниманія; конечно, не много на свѣтѣ людей, которые могли бы посвятить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ столько же часовъ въ день усиленной и внима-

тельной работѣ, сколько посвящалъ ей ген. Муравьевъ. Вниманіе было отличительною чертою въ занятіяхъ Михаила Николаевича. Онъ какъ-бы увлекался всякимъ дѣломъ, которымъ былъ занятъ въ данную минуту; но это увлеченіе, ни на мигъ не ослабѣвавшее, было ничто иное, какъ изумительная энергія и сила мысли, выработанныя въ въ теченіе долголѣтней дѣятельной жизни и согрѣтыя высокимъ патріотизмомъ.

День его начинался довольно рано. Въ 8-мъ часу онъ подымался снизу (гдѣ пилъ кофе) въ свой кабинетъ и въ то же время посылалъ за генераломъ Лашкаревымъ, а впослѣдствіи за полковникомъ Черевинымъ. Утромъ докладывались бумаги, полученныя изъ Петербурга въ теченіе ночи, диктовались отвѣты на телеграммы, назначалось за кѣмъ послать и отдавались другія текущія приказанія. Послѣ того принимаемъ былъ комендантъ съ рапортомъ о числѣ арестантовъ, засимъ губернскій почтмейстеръ, д. с. с. Россильонъ. Онъ читалъ выдержки изъ иностранныхъ газетъ и надо замѣтить, что генералъ-губернаторъ часто позволялъ пропускать такія статьи, какія вымарывались въ Петербургѣ—такъ мало онъ придавалъ значенія западнымъ ругательствамъ. Баронъ Россильонъ приносилъ также списокъ всѣхъ писемъ, полученныхъ въ это утро, въ алфавитномъ

порядкѣ, и если какое-нибудь имя было подозрительно, то письма вскрывались. Послѣ губернскаго почтмейстера генералъ-губернаторъ выслушивалъ доклады по слѣдственнымъ дѣламъ и подписывалъ по нимъ рѣшенія; въ первое время докладывалъ всѣ слѣдственныя дѣла г. Неѣловъ, но, съ учрежденіемъ въ октябрѣ 1863 г. при штабѣ виленскаго военнаго округа временнаго полеваго аудиторіата, онъ былъ назначенъ оберъ-аудиторомъ и докладывалъ, по утрамъ же, дѣла военно-судныя, а дѣла слѣдственныя перешли къ г-ну Яковлеву, бывшему дѣлопроизводителю динабургской слѣдственной коммисіи, около того же времени упраздненной. Оба они были примѣрные, честные и неутомимые труженики; черезъ руки ихъ прошли тысячи дѣлъ и всѣ были разсматриваемы съ одинаковою тщательностью. Г. Яковлевъ со своими чиновниками и писарями помѣщался также въ особой канцеляріи, занимая отдѣльную часть ея, пока не получилъ управленіе политическимъ отдѣленіемъ. Часовъ въ 11 являлся полиціймейстеръ съ рапортомъ и докладывалъ, затѣмъ виленскій губернаторъ; а въ пріемной уже собирались представляющіеся и должностныя лица, почти ежедневно появлявшіеся къ этому времени, какъ-то: попечитель виленскаго учебнаго округа, Иванъ Петровичъ Корниловъ, начальникъ полицейскаго

управленія с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги, полковникъ Житковъ, завѣдующій тюрьмами полковникъ Петръ Семеновичъ Лебедевъ, а впослѣдствіи полковникъ Бушенъ, военный начальникъ виленскаго уѣзда князь Хованскій, командующій войсками въ губерніи (сперва генералъ Дрентельнъ *), по уходѣ гвардіи—князь Яшвиль, а по смерти его, съ февраля 1864 г.—генералъ Криденеръ), всѣ чиновники особыхъ порученій, адъютанты и разныя другія лица. Иногда въ это же время посѣщалъ генералъ-губернатора митрополитъ Іосифъ. Начальникъ края выходилъ встрѣчать его въ первой залѣ, а провожалъ до дверей прихожей. Архипастырь едва уже двигался, но каждое посѣщеніе его продолжалось не менѣе получаса.

Послѣ пріема, который мною былъ уже описанъ и на которомъ почти никогда не было дамъ, М. Н. принималъ отдѣльно попечителя округа, разныхъ пріѣзжихъ, которыхъ просилъ обождать, и другихъ изъ экстренныхъ посѣтителей; нерѣдко бесѣдовалъ онъ о дѣлахъ церкви съ священникомъ Антоніемъ

*) Впослѣдствіи Кіевскій генералъ-губернаторъ. М. Н. Муравьевъ очень любилъ и цѣнилъ А. Р. Дрентельна; а супруга его, Марія Александровна, и почтенная мать ея Е. А. Вяткина, жена престарѣлаго виленскаго коменданта, были близкими пріятельницами П. В. Муравьевой.

Пщелкою и съ католическимъ прелатомъ Немѣкшею, всецѣло руководившимъ дѣлами виленской епархіи. Начиная со 2-го часу докладывалъ правитель канцеляріи г. Тумановъ свой нескончаемый докладъ, постоянно прерываемый депешами и другими экстренными дѣлами; г. Тумановъ жаловался, что никакъ не можетъ доложить всѣхъ своихъ бумагъ и часто дожидался доклада по нѣскольку часовъ сряду. Въ 4-мъ часу пріѣзжалъ начальникъ окружнаго штаба, генералъ Циммерманъ, и докладъ его длился до обѣда.

Въ 5 часовъ семейство генералъ-губернатора, нѣсколько приближенныхъ, дежурный адъютантъ и ординарецъ собирались въ столовую; большею частію было человѣка два, три приглашенныхъ, изъ высшихъ должностныхъ лицъ, или пріѣзжихъ. Вообще, приглашеніе къ обѣду генералъ-губернатора дѣлалось рѣдко и считалось между служащими за особенную честь.

Отдохнувъ послѣ обѣда около часу, въ концѣ восьмаго, Михаилъ Николаевичъ снова приступалъ къ занятіямъ. Полковникъ Черевинъ докладывалъ всѣ поступившія на имя начальника края бумаги отъ губернаторовъ, командующихъ войсками, военныхъ начальниковъ, сосѣднихъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, епархіальныхъ архіереевъ и прочихъ, разныя просьбы и докладныя записки

служащихъ. Иногда количество бумагъ, всегда значительное, доходило до ста въ день. Многія требовали серьезнаго обсужденія, нѣкоторыя немедленнаго рѣшенія и лишь малую часть составляли текущія донесенія, которымъ впрочемъ придавалось всегда значеніе. Я не говорю о серіезныхъ проектахъ, поступавшихъ на просмотръ и заключеніе начальника края изъ Петербурга, и прочихъ важныхъ дѣлахъ. Вечеромъ число докладчиковъ было еще болѣе. Всѣ они тѣснились въ дежурной комнатѣ и ожидавшимъ разносили чай. Тутъ былъ полиціймейстеръ, правителъ особой канцеляріи, управляющій политическимъ отдѣленіемъ, управляющій коммисіей по крестьянскимъ дѣламъ, иногда снова правитель общей канцеляріи, предсѣдатель особой слѣдственной коммисіи, чиновники, получившіе особыя приказанія съ докладомъ объ ихъ исполненіи, князь Шаховской съ корректурой «Виленскаго Вѣстника» и съ проектами реформъ по театру, генералъ Соболевскій (всегда за полночь) съ передовой статьей «Московскихъ вѣдомостей» и иные менѣе важные докладчики. Все это дѣлалось быстро, но иногда и въ 2 часа ночи нѣкоторымъ приходилось возвращаться безъ доклада. О каждомъ посѣтителѣ докладывалъ предварительно адъютантъ, въ дежурной же комнатѣ постоянно находился и де-

журный ординарецъ изъ молодыхъ офицеровъ гвардіи или полковъ виленскаго округа для посылокъ, или замѣны адъютантовъ во время отлучекъ.

Въ первый годъ пребыванія нашего въ Вильнѣ занятія оканчивались всегда около 2-хъ часовъ ночи, пока докторъ не входилъ въ кабинетъ и не замѣчалъ, что уже спать пора; тогда отворялись изъ дежурной комнаты въ кабинетъ генералъ-губернатора двѣ маленькія двери и нѣсколько человѣкъ приближенныхъ входили въ него; генералъ-губернаторъ докуривалъ трубку, иногда шутилъ, спрашивалъ о погодѣ, о томъ, что дѣлалось сегодня въ городѣ и черезъ минуту или двѣ прощался и уходилъ къ себѣ.

Все мною описанное шло какъ по заведеной машинѣ и лишь это искусное распредѣленіе занятій доставляло генералъ-губернатору возможность обратить одинаковое вниманіе на всѣ отрасли управленія.

Извѣстно, что многія высшія государсттвенныя лица всегда жалуются на недостатокъ времени и что отъ этого страдаютъ дѣла въ сложныхъ управленіяхъ; но это по большей части происходитъ отъ неосновательнаго распредѣленія времени и еще болѣе отъ занятія мелочами. Между тѣмъ Михаилъ Николаевичъ умѣлъ облечь иныхъ лицъ обширною властью и, удовлетворяя тѣмъ ихъ са-

молюбіе, онъ въ то же время отклонялъ отъ себя тысячи второстепенныхъ дѣлъ и вопросовъ, которые, при твердой и ясно опредѣленной системѣ управленія, были также удовлетворительно и въ томъ же направленіи разрѣшаемы второстепенными лицами.

Изъ описаннаго мною видно, что Особенная Канцелярія, въ которой постоянно требовались справки по всѣмъ дѣламъ, всегда должна была быть въ сборѣ и чиновники начинали расходиться къ обѣду лишь тогда, когда приходилъ съ докладомъ начальникъ окружнаго штаба.

Въ концѣ ноября 1863 г. я вынужденъ былъ отправиться по своимъ дѣламъ въ Петербургъ на двѣ недѣли. Когда доложили начальнику края о моей просьбѣ, онъ выразилъ неудовольствіе; но, впрочемъ, тотчасъ же и отпустилъ меня. Вообще онъ не любилъ давать отпусковъ, даже на самое короткое время; ему казалось, и довольно основательно, что дѣятельные исполнители и работники формируются только близъ него, гдѣ все вокругъ постоянно трудится, и что поэтому, отвлекшись на нѣкоторое время отъ занятій, не такъ легко къ нимъ возвращаться.

Въ Петербургѣ въ то время еще интересовались польскимъ вопросомъ и положеніемъ западныхъ губерній; но такъ какъ опасность уже миновала,

страхъ прошелъ, то многіе, не двинувшіеся для отвращенія ея съ мѣста, уже прехладнокровно осуждали дѣятельность генерала Муравьева, какъ утратившую свое прямое назначеніе съ усмиреніемъ мятежа; нѣкоторые, впрочемъ не многіе, поговаривали даже снова о примиреніи. Большею частью въ Петербургѣ не понимали или забывали, что въ томъ краѣ не столько страшенъ былъ мятежъ, какъ польская пропаганда, проникшая во всѣ щели и грозящая нескончаемыми періодическими смутами. Пропаганда эта состояла въ неуваженіи всякой русской власти, въ презрѣніи къ русскому языку, къ литературѣ и наукѣ, въ подавленіи среди крестьянскаго населенія всѣхъ коренныхъ его русскихъ началъ и въ непримѣтномъ ополяченіи массъ. Безъ сомнѣнія, и обрусеніе края могло бы совершиться только съ такимъ же постоянствомъ и настойчивостью, при содѣйствіи всѣхъ правительственныхъ органовъ въ стремленіи къ этой цѣли въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ; но намъ предстояло открыть еще путь къ обрусенію, т. е. сдѣлать его возможнымъ. Всѣ мѣры, принимаемыя начальникомъ края въ этомъ отношеніи, были чисто реактивныя; но и всякое государство неминуемо къ нимъ прибѣгло бы въ подобномъ случаѣ. Такъ, напримѣръ, воспрещеніе говорить по-польски въ присутственныхъ мѣстахъ и публичныхъ собра-

ніяхъ, уничтоженіе польскихъ мѣръ и вѣсовъ (воспрещенныхъ закономъ), снятіе польскихъ вывѣсокъ и т. п. Все это, какъ ни странно само по себѣ—было въ высшей степени необходимо, если вникнуть въ дѣло. Еще не задолго предъ тѣмъ русскій, приходившій по своему дѣлу въ присутственныя мѣста Западнаго края и обращавшійся съ вопросомъ на родномъ своемъ языкѣ, встрѣчалъ, вмѣсто отвѣта, взгляды удивленія и недовѣрія и никто его не понималъ или дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, между тѣмъ какъ съ изданіемъ этихъ воспрещеній всѣ польскіе чиновники (по большей части воспитанники гимназій) заговорили отлично по русски. Въ то время одни лишь «Московскія Вѣдомости» обнимали со всею серьезностью этотъ вопросъ и передовыя статьи ихъ, отличавшіяся необыкновеннымъ талантомъ, руководили общественнымъ мнѣніемъ Россіи въ этомъ отношеніи и служили намъ въ Западномъ краѣ какъ бы поддержкой. Читать «Московскія Вѣдомости» сдѣлалось у насъ такою же необходимостью, какъ исполнять свои служебныя обязанности. Не забуду никогда, что по указаніямъ этой газеты, опередившей виленскихъ дѣятелей, «Виленскій Вѣстникъ», печатавшійся дотолѣ въ двухъ столбцахъ, по польски и по русски, сталъ съ 1-го января 1864 года выходить исключительно по русски. Изданіе полу-

польскаго офиціальнаго органа послѣ всѣхъ преобразованій, совершившихся въ краѣ, дѣлалось уже несообразностью; но такова сила привычки и вкоренившихся понятій, что на мѣстѣ если и приходило объ этомъ кому-нибудь въ голову, то считалось неосуществимымъ.

Въ Петербургѣ я узналъ о предполагавшемся назначеніи генер.-адъют. Крыжановскаго помощникомъ командующаго войсками виленскаго округа. Такъ какъ Михаилъ Николаевичъ постоянно стремился сдать свое управленіе, и даже за высочайшимъ къ нему рескриптомъ нельзя было полагатѣ, что онъ останется очень долго въ Вильнѣ по причинѣ болѣзней, то въ новомъ помощникѣ весьма естественно всякій видѣлъ будущаго преемника тѣмъ болѣе, что и самыя заслуги и прежняя служба г.-ад. Крыжановскаго въ должности варшавскаго генералъ-губернатора заставляли думать, что онъ лишь на время принимаетъ второстепенную должность помощника.

По возвращеніи моемъ въ Вильну около 10-го декабря, я былъ встрѣченъ радостною вѣстью; всѣ говорили мнѣ при встрѣчѣ: «вы знаете, Мацкевичъ взятъ!»

Надо ознакомить читателя съ положеніемъ дѣлъ въ Ковенской губерніи, чтобъ уяснить какое ма-

гическое дѣйствіе производили въ то время эти слова.

Съ самаго начала демонстрацій политическаго свойства, проникшихъ изъ Царства Польскаго въ губерніи съ частію литовскаго населенія, въ нихъ началось сильное религіозное движеніе; могучее населеніе этой губерніи, состоящее изъ жмудиновъ (древней нижней Литвы), сохранило въ себѣ совершенно древній типъ. Ученѣйшіе люди относятъ народъ этотъ къ племенамъ доисторическимъ и не находятъ ничего съ нимъ общаго ни въ одномъ изъ современныхъ европейскихъ племенъ. Высокорослые, сильные эти люди, съ темными длинными волосами и большими проницательными глазами, позднѣе всѣхъ племенъ, населяющихъ Европу, приняли латинское христіанство именно въ XIV только столѣтіи, тѣснимые рыцарями и ляхами. Долго еще сохраняли они (даже отчасти сохраняютъ и до нынѣ) свои языческіе обряды и повѣрія, но теперь это самые пламенные и фанатическіе католики. Помѣщики здѣсь не имѣли такого значенія, какъ въ прочихъ западныхъ губерніяхъ; ксендзъ былъ здѣсь главнымъ лицемъ, народъ здѣсь вѣрилъ въ него какъ въ святыню; здѣшнее духовенство по большей части вышло изъ того же народа и потому имѣетъ на него могучее нравственное вліяніе. Это въ пол-

номъ смыслѣ ѳеократическое правленіе. Самогитскіе епископы, имѣвшіе до 1864 г. пребываніе въ м. Ворни, Тельшевскаго уѣзда, въ средѣ жмудскаго населенія и внѣ всякой свѣтской власти, пользовались конечно бо́льшимъ авторитетомъ, чѣмъ папа въ своихъ владѣніяхъ; въ XVII и XVIII столѣтіяхъ епископы были какъ бы преемственны въ двухъ родахъ: Тышкевичей и Гедройцевъ; они накопляли огромныя богатства и имѣли свою традиціонную политику.

Поляки, имѣющіе съ жмудинами общаго только религію, искусно играли на этой струнѣ. Послѣ первыхъ варшавскихъ безпорядковъ по всей Жмуди разнеся слухъ, что Москва хочетъ уничтожить вѣру католическую, что въ Варшавѣ русскіе сломали крестъ на каѳедральномъ костелѣ... Во всей Жмуди поднялись вопли и стоны. Епископъ и духовенство съ амвона обращаютъ къ народу пламенныя рѣчи, требуя еще большаго усердія къ вѣрѣ отцовъ; на костелахъ появились огромные плакаты, изображающіе распятіе, переломленное пополамъ; вокругъ огромными буквами описывались звѣрскія дѣйствія москалей въ Варшавѣ съ католиками и съ ихъ святынею. До десяти подобныхъ изображеній хранились въ мое время въ канцеляріи виленскаго генералъ-губернатора, при донесеніяхъ мѣстнаго начальства.

Первою шайкою въ Ковенской губерніи въ началѣ 1863 г. была шайка лѣснаго офицера Корево, который былъ вскорѣ схваченъ и разстрѣлянъ; но вслѣдъ затѣмъ вся губернія поднялась на ноги; нигдѣ крестьяне не шли въ мятежъ съ такимъ одушевленіемъ; только на Жмуди Сѣраковскій и Колышко могли собрать такія многочисленныя скопища, съ которыми они, впрочемъ, и погибли. Все лѣто 1863 г. прошло въ Ковенской губерніи въ поискахъ и стычкахъ съ повстанцами, изъ коихъ нѣкоторыя были весьма упорны.

По истребленіи же всѣхъ почти шаекъ, какъ-то: Люткевича, Яблоновскаго, Богдановича, ксендза Норейко, Шимкевича и другихъ преимущественно стрѣлками Императорской фамиліи, одна только шайка бойкихъ мятежниковъ ксендза Мацкевича постоянно ускользала; нѣсколько разъ разбиваемая, черезъ недѣлю она появлялась тамъ, гдѣ ее вовсе не ожидали.

Молодой ксендзъ фанатикъ Мацкевичъ, съ необычайною энергіей, обладавшій замѣчательнымъ умѣньемъ вести партизанскую войну, до ноября 1863 г. держалъ въ какомъ-то напряженномъ состояніи всю Жмудь. Еще въ ноябрѣ онъ былъ совершенно разбитъ и даже предполагали, что онъ убитъ, но передъ самымъ отъѣздомъ узналъ я, что онъ снова гдѣ-то появился; однако вскорѣ затѣмъ,

тѣснимый со всѣхъ сторонъ, лишенный продовольствія и крова, Мацкевичъ съ кассиромъ своимъ Родовичемъ, адъютантомъ Дартузи и нѣсколькими сообщниками пробирался къ Нѣману, чтобы, переплывъ его, удалиться на прусскую землю. Невдалекѣ отъ Нѣмана, пообѣдавъ у какого-то лѣсника, всѣ эти мятежники разбрелись по одиночкѣ въ разныя стороны, чтобы удобнѣе укрыться тѣмъ болѣе, что во время послѣдняго странствованія имъ приходилось метаться по лѣсамъ изъ стороны въ сторону отъ появлявшихся разъѣздовъ и небольшихъ пѣшихъ отрядовъ. Ксендзъ Мацкевичъ, изнуренный, приблизился къ Нѣману и въ лѣсной чащѣ, надъ крутизною берега, легъ подъ деревомъ. Въ такомъ положеніи засталъ его отрядъ штабсъ-капитана Озерскаго, производившій въ лѣсу обыскъ. Отрядъ совсѣмъ было прошелъ то мѣсто, гдѣ скрывался Мацкевичъ, какъ вдругъ унтеръ-офицеръ указалъ г. Озерскому на что-то темное подъ кустомъ. Офицеръ стремглавъ бросился на Мацкевича и надо было много усилій, чтобъ воздержать солдатъ, готовыхъ растерзать мятежника; «я ксендзъ Мацкевичъ!» простоналъ онъ — и это ихъ остановило. Такъ всѣ были поражены этимъ именемъ. Мацкевича доставили къ вечеру въ Ковно. Въ Вильну дано было знать объ этомъ по телеграфу и оттуда послѣдовалъ приказъ судить его

въ 48 часовъ. Мацкевичъ изъ тюрьмы писалъ письма военному начальнику, губернатору, и начальнику края; въ нихъ онъ излагалъ свои взгляды и умолялъ о помилованіи, обѣщая быть человѣкомъ полезнымъ. Найденные при немъ часы, деньги, пистолетъ и иныя цѣнныя вещи были раздѣлены между солдатами отряда, его схватившаго. Мацкевичъ бодро шелъ на казнь... Въ день казни дано было знать о совершеніи ея по телеграфу въ Вильну. Сообщники его были также вскорѣ перехвачены, но никто изъ нихъ не былъ казненъ, а сосланы большею частью въ Сибирь.

Въ то время, какъ я вернулся въ Вильну, штабсъ-капитанъ Озерскій былъ уже тамъ, каждый день приходилъ онъ въ особую канцелярію, гдѣ составлялъ статью о поимкѣ Мацкевича. Этотъ молодой человѣкъ, отличавшійся благовоспитанностью и образованіемъ, былъ упоенъ выпавшимъ на его долю счастіемъ. Онъ тогда былъ въ модѣ, всякій его распрашивалъ, и онъ только и говорилъ, что о своей счастливой экспедиціи. Составленная имъ статья, чрезмѣрно подробная, но написанная съ увлеченіемъ, была нѣсколько сокращена и напечатана въ «Виленскомъ Вѣстникѣ». Кстати здѣсь упомянуть, что приходившіе какъ-то послѣ того въ Вильну по своимъ дѣламъ смышленые ковенскіе старообрядцы, наиболѣе пострадавшіе отъ мятеж-

никовъ, просили меня дать имъ нѣсколько экземпляровъ «Вѣстника», гдѣ описано взятіе Мацкевича. Надо было видѣть ихъ благодарность, когда я исполнилъ ихъ просьбу. «Пусть дѣти наши читають», говорили они со слезами на глазахъ. И не удивительно. Осенью 1863 г., когда терроръ въ краѣ былъ въ сильнѣйшемъ развитіи, жертвами его въ Ковенской губерніи были преимущественно старообрядцы, жившіе въ отдѣльныхъ фольваркахъ, отдаленныхъ одинъ отъ другого. Въ одну ночь въ околицѣ Ибяны, недалеко отъ Ковно, ихъ было повѣшено мятежниками, при жестокихъ истязаніяхъ, одиннадцать человѣкъ. Это не прошло даромъ мятежникамъ.

Виновные въ этомъ страшномъ злодѣяніи подвергнуты примѣрному наказанію. Всѣ жители околицы Ибяны, какъ явные участники преступленія, были выселены въ Сибирь; дома ихъ со всѣмъ имуществомъ отданы подъ поселенныхъ тутъ старообрядцевъ и православныхъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ семействъ. Такія же поселенія образованы были изъ конфискованнаго имѣнія помѣщика Акко—«Ужусоль», близъ Ковно, и изъ большой шляхетской околицы Ушполь, Поневѣжскаго уѣзда, которая, кажется, названа слободою Александровскою.—Такимъ образомъ въ мѣстностяхъ, гдѣ мятежъ долѣе свирѣпствовалъ, образовались значи-

тельныя русскія православныя и старообрядческія поселенія.

Безъ сомнѣнія, выселеніе цѣлыхъ околицъ, и даже истребленіе ихъ огнемъ въ виду всѣхъ жителей и сосѣдей, какъ, напримѣръ, околицы Щуки въ Гродненской губерніи, сожженной еще въ сентябрѣ 1863 г., были примѣняемы лишь въ послѣдней крайности, когда цѣлыя селенія поголовно упорствовали и содѣйствовали мятежникамъ въ разныхъ злодѣяніяхъ. Это были мѣры, наводившія ужасъ на самыхъ смѣлыхъ, и много надо было рѣшимости чтобы къ нимъ прибѣгнуть.

Этимъ зрѣлищемъ завершается картина усмиренія собственно мятежа; но дѣло было далеко еще не кончено. Во всемъ краѣ дѣйствовала правильно устроенная революціонная организація, которую, не смотря на всѣ усилія, не удавалось обнаружить. Отдѣльныя открытія указывали на ея силу и обширность; но сначала надо было гасить мятежъ; съ окончательнымъ же его усмиреніемъ дѣятельность полиціи и войска не ослабѣвала. Во главѣ управленія стоялъ человѣкъ, не дававшій никому дремать, и лишь это постоянство привело впослѣдствіи къ обнаруженію всего зла, о которомъ только можно было догадываться. Всю зиму войска производили поиски въ лѣсахъ, отыскивали закопанное оружіе, ловили отдѣльныхъ бродягъ и

поддерживали духъ сельскаго населенія, которое стало сознавать силу правительства, понимать его благодѣянія и тотъ путь, который былъ имъ указанъ мѣстному населенію. Это возрожденіе крестьянъ дѣлало невозможнымъ всякія попытки возобновить мятежъ съ весны. Сами крестьяне первые дали бы отпоръ. Они уже представляли начальству пойманныхъ ими мятежниковъ и усердно помогали войскамъ розыскивать оружіе.

Тѣмъ временемъ Европа пріумолкла; западная печать не столь сильно громила Россію; эмигранты были въ отчаяніи; система дѣйствій виленскаго генералъ-губернатора вводилась и въ Варшавѣ, хотя и съ большими усиліями и жертвами. Только французскія газеты не переставали ратовать; въ концѣ 1863 года появилась въ иллюстраціи небольшая поэма въ прозѣ L'hiver et la Pologne (Зима и Польша), въ которой весьма яркими красками описывались страданія Польши, снѣгъ на ея поляхъ, орошенныхъ кровью, умирающіе въ лѣсахъ съ голоду повстанцы и свистъ русскихъ пуль подъ каламбуры Муравьева. «А Европа, говорилось въ заключеніе, своимъ равнодушіемъ становится участницей злодѣянія и мало по малу приметъ варварскіе обычаи Сѣвера и французы превратятся въ сѣверныхъ казаковъ».

VI.

Адресъ римско-католическаго духовенства.—Прелаты Немѣкша, Жилинскій и Тупальскій.—Жандармскій полковникъ Лосевъ.—Арестъ Калиновскаго и его казнь.—Назначеніе въ Вильну ген.-ад. Крыжановскаго.—Старообрядцы.—Учебная часть.—Церковно-строительное дѣло.—Двадцатипятилѣтняя годовщина возсоединенія уніи.—Представленія М. Н. Муравьева въ Петербургъ по вопросамъ объ устройствѣ крестьянъ и о ссылкѣ.—Поѣздка Муравьева въ Петербургъ.

Въ самый день новаго 1864 года, когда въ залахъ генералъ-губернаторскаго дворца собрались по обыкновенію всѣ служащіе и представители разныхъ сословій, явилась депутація отъ римско-католическаго духовенства виленской епархіи, имѣя во главѣ прелата препозита Бовкевича и трехъ новопоставленныхъ прелатовъ: Немѣкшу, Жилинскаго и Тупальскаго, вмѣстѣ съ остальными членами капитула. Депутація представила начальнику края всеподданнѣйшій адресъ за подписью

всѣхъ духовныхъ римско-католической епархіи. Принимая письмо, начальникъ края сказалъ имъ какъ мало придаетъ онъ въ настоящее время значенія ихъ заявленію, что онъ считаетъ его вынужденнымъ обстоятельствами, а не чистосердечнымъ. «Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ, бумагу вашу я представлю; но знайте, что вы должны содѣйствовать правительству въ принимаемыхъ имъ мѣрахъ и ни малѣйшія послабленія въ этомъ отношеніи не будутъ допущены».

Еще въ началѣ этихъ очерковъ, описывая первый пріемъ, сдѣланнный генералъ-губернаторомъ католическому духовенству, я сказалъ, что слова его западали въ умы нѣкоторыхъ изъ его членовъ; дѣйствительно въ этомъ сословіи было нѣсколько человѣкъ болѣе дальновидныхъ, съ твердою волею и огромнымъ честолюбіемъ. Эти качества поддержали ихъ въ трудное время мятежа: они если не противодѣйствовали мятежу, то, по крайней мѣрѣ, не одобряли и революціонныхъ манифестацій. Понятно, что съ возстановленіемъ порядка, заслуги ихъ не могли быть забыты и изъ нихъ вскорѣ составилась партія, дѣйствовавшая до нѣкоторой степени въ видахъ правительства. Впереди всѣхъ выдвинулся настоятель богатѣйшаго въ Вильнѣ Свято-Янскаго прихода, деканъ Немѣкша, уроженецъ юго-западныхъ губерній, бывшій долгое время

за границею и состоявшій нѣкогда преподавателемъ богословія въ петербургской римско-католической академіи; человѣкъ еще не старый, любящій жизнь и ея удовольствія, съ умомъ твердымъ и насмѣшливымъ, онъ, не скрывая своихъ польскихъ привычекъ, весьма умно себя держалъ въ отношеніи своей паствы. Во время разгара страстей не рѣшались его оскорблять, такъ какъ берегли въ немъ человѣка полезнаго на черный день. Впослѣдствіи же, когда правительство взяло верхъ и Немѣкша, назначенный прелатомъ, былъ облеченъ большимъ довѣріемъ, поляки если и не уважали его, то боялись и даже у него заискивали, такъ какъ ему постоянно удавалось исходатайствовать у правительства кой-какія снисхожденія. Словомъ сказать, дѣйствуя всегда умно и какъ-бы шутя, онъ умѣлъ устроить дѣло такъ, что и овцы были цѣлы и волки сыты. То же явленіе повторилось и позднѣе при закрытіи монастырей. Онъ въ это время много помогъ намъ, но съумѣлъ и выхлопатать разныя облегченія для монашествующихъ; вообще, онъ сглаживалъ неровности, проявляющіяся при всякой ломкѣ.

Нѣсколько позднѣе возвысился деканъ Вилейскій (Виленской губ.) Жилинскій, человѣкъ еще не старый, но съ бѣлыми какъ лунь волосами, съ видомъ католическаго епископа, важный и сдер-

жанный. Онъ получилъ тоже одинъ изъ лучшихъ Виленскихъ приходовъ—Остробрамскій (близъ этого костела знаменитые ворота съ часовней, подъѣзжая къ которымъ по узкой улицѣ, всѣ снимаютъ шапки на подобіе Спасскихъ воротъ въ Москвѣ) и назначенъ прелатомъ.

Виленскій капитулъ, составленный еще Красинскимъ, былъ полонъ людьми самыми неблагонадежными въ политическомъ отношеніи, такъ что нѣкоторые изъ нихъ высланы были изъ края. Капитулъ сильно противился избранію трехъ помянутыхъ прелатовъ и хотя они еще въ 1863 году были назначены прелатами высочайшею властью и облекли наперсные кресты, но формальнаго ихъ избранія такъ и не состоялось.

Надо замѣтить, что положеніе римско-католическаго духовенства мало измѣнилось вслѣдствіе мятежа, кромѣ наказанія лицъ, прямо виновныхъ въ безпорядкахъ и сосланныхъ; лишь нѣкоторыя административныя мѣры нѣсколько стѣснили дѣятельность этого сословія; но такъ какъ, съ ослабленіемъ и уничтоженіемъ военнаго положенія, и самыя мѣры эти утратили значеніе, то духовенство римско-католическое надолго останется самымъ сильнымъ, дѣятельнымъ и опаснымъ врагомъ Россіи въ ея собственныхъ предѣлахъ.

На третій день новаго года посланъ былъ вне-

запно въ Минскъ Виленскій губернскій жандармскій штабъ-офицеръ полковникъ Лосевъ, съ секретнымъ порученіемъ, имѣвшимъ впослѣдствіи огромные результаты.

Въ предъидущей главѣ было сказано, что отдѣльныя открытія и общія показанія въ слѣдственныхъ коммисіяхъ обнаруживали постепенно составъ революціонной организаціи. Дѣло это нѣсколько болѣе уяснилось послѣ исторіи виленскихъ кинжальщиковъ по ихъ показаніямъ и потому, что вытребованы были изъ Варшавы разныя загадочныя личности и задержанъ одинъ изъ агентовъ варшавскаго жонда, везшій въ литовскій революціонный жондъ обширную инструкцію найденную въ подошвѣ его сапога. Въ концѣ 1863 г. были сдѣланы многіе важные аресты. По дѣлу обнаружилось, что нѣкто Здановичъ, кандидатъ Петербургскаго университета, сынъ бывшаго профессора Виленскаго университета, былъ распорядителемъ всей хозяйственной и денежной части мятежа. При обыскѣ въ домѣ Здановичей, гдѣ-то на заднемъ дворѣ, за обыкновонными складами въ родѣ сѣнника, открыта комната, выходившая единственнымъ окномъ на пустынный берегъ Вилейки. Тутъ были захвачены разные бланки, печати, акты, революціонные приказы и проч.

Въ то же время былъ арестованъ прибывшій

изъ Варшавы Дормановскій, уроженецъ Познани, молодой человѣкъ чрезвычайно изящной наружности, оказавшійся, по общимъ показаніямъ, революціоннымъ коммисаромъ Виленской губерніи, иначе—губернаторомъ; тотъ и другой, сознавшись лично въ своихъ замыслахъ, упорно скрывали все остальное и были казнены въ декабрѣ 1863 г. оба въ одинъ день. По дѣлу же сдѣлалось извѣстнымъ, что вся революціонная власть, бывшая прежде въ рукахъ Дюлорана, (служившаго при виленской станціи желѣзной дороги и во́-время скрывшагося) перешла въ руки энергичнаго молодого Калиновскаго, бывшаго до того времени революціоннымъ коммисаромъ въ Гроднѣ. Онъ постоянно мѣнялъ фамилію и, не смотря на всѣ усилія и депеши изъ Вильны, не былъ отысканъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1864 г. казненъ былъ въ Вильнѣ молодой дворянинъ Титъ Далевскій, также упорно не сознававшійся въ своихъ преступленіяхъ, и въ конфирмаціи его однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія было то, что онъ находился постояннымъ агентомъ и разсыльнымъ Калиновскаго, управлявшаго революціоннымъ отдѣломъ Литвы; но самого Калиновскаго все еще не было, хотя присутствіе его повсюду ощущалось.

При видѣ усиленныхъ и правильныхъ арестовъ, нѣкоторые изъ главныхъ дѣятелей жонда, подобно

Дюлорану, успѣли скрыться; между прочими бѣжалъ изъ Петербурга только что переведенный туда на службу изъ Вильны офицеръ путей сообщенія Малаховскій, бывшій, какъ оказалось, революціоннымъ начальникомъ г. Вильны и подписавшій смертный приговоръ Домейкѣ. Въ тотъ самый день, какъ было сообщено въ Петербургъ объ его арестованіи, онъ скрылся изъ дому, выбрилъ голову у парикмахера, купилъ парикъ и съ тѣхъ поръ о немъ ничего не было слышно.

Начальникъ края, зорко слѣдя за всѣми видоизмѣненіями мятежа и хорошо понимая характеръ поляковъ, обратилъ особенное вниманіе на Минскую губернію. Въ ней мятежъ уже былъ совершенно подавленъ. Долѣе другихъ бродившій въ лѣсахъ Свѣнторжецкій скрылся и все, повидимому, было спокойно; но изъ всѣхъ концовъ губерніи отъ частныхъ лицъ поступали ежедневно серьезныя извѣщенія о разныхъ проявленіяхъ мятежа. По всѣмъ почти этимъ запискамъ производились дознанія, большею частью ничего не обнаружившія, кромѣ существованія очевидной связи и единства во всѣхъ проявленіяхъ мятежа. Это подало начальнику края мысль о томъ, что въ Минской губерніи должна была сформироваться самая полная революціонная организація, такъ какъ тамъ дѣятельность революціонеровъ встрѣчала менѣе

препятствій. Съ этою же цѣлью и съ указаніемъ на нѣкоторыхъ лицъ, наиболѣе обнаруженныхъ по секретнымъ дознаніямъ, посланъ былъ полковникъ Лосевъ на дѣло почти безнадежное. И что же? Черезъ нѣсколько недѣль его неутомимыхъ, терпѣливыхъ трудовъ была открыта почти вся революціонная организація Минской губерніи. Были обнаружены всѣ уѣздные начальники, коммисары, кассиры, окружные, участковые, полицейскіе и т. п.; большая часть изъ нихъ были задержаны и вполнѣ откровенно сознавались,—оказалось, что въ числѣ революціонныхъ должностныхъ лицъ было много довольно значительныхъ помѣщиковъ.

Послѣдствіемъ искусной дѣятельности полковника Лосева было то, что по дѣлу его въ Минской губерніи не было ни одной казни, а всѣ нити и цѣли мятежа были совершенно уяснены; это доказываетъ какъ важно искуство слѣдователя и какъ часто по его торопливости или нетерпѣнію виновные подвергаются тяжкимъ наказаніямъ безъ пользы для дѣла и для общества.

Въ числѣ лицъ, съ которыми имѣлъ дѣло полковникъ Лосевъ, оказался одинъ молодой человѣкъ, наиболѣе посвященный во всѣ тайны главныхъ дѣятелей мятежа. Полковникъ Лосевъ понялъ это, обѣщалъ исходатайствовать ему помилованіе и воспользовался его открытіями. Молодой организаторъ

этотъ обнаружилъ не только главныхъ двигателей мятежа и всѣ перемѣны, происходившія въ ихъ составѣ, но и самое мѣстопребываніе Калиновскаго, съ которымъ онъ былъ въ ближайшихъ сношеніяхъ. Шифрованная телеграмма съ увѣдомленіемъ объ этомъ получена была въ Вильнѣ въ 9 час. вечера; въ ней были описаны примѣты Калиновскаго и сказано, что онъ проживаетъ съ фальшивымъ паспортомъ гродненскаго дворянина Витольда Витоженца въ Свенто-Янскихъ мурахъ. Это послѣднее обстоятельство было нѣсколько темно, такъ какъ подъ этимъ названіемъ подразумѣвались всѣ зданія, принадлежавшія нѣкогда костелу Св. Яна, занимающія почти цѣлый кварталъ и выходящія одной стороной ко дворцу. Въ обширныхъ зданіяхъ, принадлежавшихъ нѣкогда Іезуитской коллегіи, а впослѣдствіи университету, находятся: гимназія, музей древностей, центральный архивъ, обсерваторія, множество квартиръ для служащихъ и даже отдаются частныя квартиры. Содержаніе телеграммы было сохранено въ глубочайшей тайнѣ. Полиціймейстеру было поручено лично справиться въ книгахъ (только что приведенныхъ къ новому году въ порядокъ) о точномъ адресѣ Витоженца и, какъ всегда бываетъ при поспѣшности, имя его ускользнуло при разсмотрѣніи книгъ, хотя и было въ нихъ внесено. Пришлось снова сдѣлать огромный

обыскъ и оцѣпить весь Св.-Янскій кварталъ, для чего понадобились двѣ роты солдатъ, раздѣленныя на 10 партій при офицерахъ полиціи и особыхъ чиновникахъ. Имя лица, которое слѣдовало арестовать, было имъ объявлено лишь ночью передъ самымъ обыскомъ.

Калиновскій нанималъ уже другой мѣсяцъ комнату въ квартирѣ одного учителя гимназіи, уѣхавшаго куда-то въ отпускъ. Его застали на площадкѣ лѣстницы со свѣчею въ рукѣ и когда спросили фамилію, онъ самоувѣренно отвѣчалъ: «Витоженцъ» и въ ту же минуту быть задержанъ. Рано утромъ, не смотря на тайну, которой все это сопровождалось, жиды разнесли уже повсюду вѣсть о томъ, что ночью взяли главнаго начальника жонда, хотя еще не было обнаружено, что арестованный дѣйствительно Калиновскій. Вообще евреи, отлично знающіе вдоль и поперекъ весь край и каждаго отдѣльно, все знали о мятежѣ; но молча на все смотрѣли, по свойственному имъ равнодушію къ той и другой сторонѣ, и ожидали чья возьметъ. Еще во время покушенія на жизнь Домейки всѣ сильно на нихъ негодовали, такъ какъ преступленіе совершилось въ узкой улицѣ, полной съ утра тысячами евреевъ, и нельзя было не предполагать, что они видѣли преступника выходящимъ

изъ-подъ воротъ послѣ того, какъ въ домѣ раздавались вопли раненыхъ.

Доминиканская коммисія, перешедшая въ концѣ 1863 г. подъ предсѣдательство полковника Шелгунова, о которомъ я упоминалъ, говоря объ образованіи коммисіи, и который, подобно полковнику Лосеву, отличался терпѣніемъ, устойчивостью въ занятіяхъ и проницательностью, дѣятельно работала въ концѣ 1863 г. надъ раскрытіемъ организаціи. Съ начала открытій, сообщенныхъ изъ Минска Лосевымъ, и съ арестомъ Калиновскаго она получила особый интересъ. Генералъ-губернаторъ, интересовавшійся ходомъ дѣла въ высшей степени, постоянно посылалъ туда чиновниковъ своихъ. Первый день Калиновскій лишь кусалъ себѣ губы, неохотно даже отвѣчалъ на вопросы; но къ вечеру не выдержалъ и объявилъ свое настоящее имя. Не смотря на всѣ усилія членовъ коммисіи, имъ не удалось исторгнуть отъ Калиновскаго подробнаго показанія о личностяхъ, составляющихъ революціонную организацію края. Онъ однако откровенно сознался, что былъ распорядителемъ жонда во всемъ краѣ, и, какъ видно изъ показаній другихъ лицъ, онъ умѣлъ поддержать падающій революціонный духъ польскаго населенія. Помѣщики его страшились, онъ свободно разъѣзжалъ между ними, воодушевлялъ нерѣшитель-

ныхъ и запугивалъ слабыхъ. Калиновскій былъ лѣтъ 26, крѣпкаго сложенія и съ лицомъ жесткимъ и выразительнымъ; короткіе русые волосы были зачесаны назадъ; такимъ я видѣлъ его въ тюрьмѣ за нѣсколько дней до казни. Ему дали перо и бумагу и позволили свободно излагать свои мысли. Онъ написалъ отличнымъ русскимъ языкомъ довольно любопытное разсужденіе объ отношеніяхъ русской власти къ польскому населенію Западнаго края, въ которомъ, между прочимъ, высказывалъ мысль о непрочности настоящихъ правительственныхъ дѣйствій и полное презрѣніе къ русскимъ чиновникамъ, прибывшимъ въ край. Калиновскій сознавалъ, что съ его арестованіемъ мятежъ неминуемо угаснетъ; но что правительство не съумѣетъ воспользоваться пріобрѣтенными выгодами.

Казнь Калиновскаго совершилась уже въ мартѣ или въ концѣ февраля 1864 г. и была едва ли не послѣднею въ Вильнѣ.

Было ясное холодное утро; Калиновскій шелъ на казнь смѣло; придя на площадь, онъ всталъ прямо лицомъ къ висѣлицѣ и лишь по временамъ кидалъ взоры въ далекую толпу. Когда ему читали конфирмацію, онъ сталъ было дѣлать замѣчанія; такъ наприм., когда назвали его имя: дворянинъ Викентій Калиновскій, онъ воскликнулъ: «у насъ

нѣтъ дворянъ, всѣ равны!» Полицiймейстеръ покачалъ ему головой и просилъ замолчать.

Съ этого времени доминиканская коммисiя исключительно занималась раскрытiемъ революцiонной организацiи въ краѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ полковникъ Лосевъ окончилъ минское дѣло и вернулся въ Вильну. Какъ уже сказано, по минскому дѣлу не было казненныхъ, а молодой дворянинъ, открывшiй Калиновскаго, по собственному его желанiю, отправленъ на жительство въ одну изъ внутреннихъ губернiй.

Въ Гроднѣ для обнаруженiя организацiи была учреждена особая слѣдственная коммисiя, усердно работавшая до конца 1864 г. Такъ какъ начальникъ края, вмѣстѣ съ обнаруженiемъ отдѣльныхъ лицъ, особенно заботился объ обобщенiи всѣхъ открытiй, дабы разъяснить всѣ средства мятежниковъ и способы ихъ дѣйствiй, то онъ и поручилъ разнымъ лицамъ составлять впослѣдствiи по дѣламъ слѣдственныхъ коммисiй описанiя мятежа. Такимъ образомъ мятежъ по Гродненской губернiи былъ описанъ дѣлопроизводителемъ гродненской слѣдственной коммисiи Варнавинымъ. Описанiе это, не отличающееся литературными достоинствами, тѣмъ не менѣе самое полное и ясное изъ всѣхъ, которыя мнѣ довелось читать. Въ немъ чрезвычайно отчетливо опредѣлены характеръ организатор-

ской дѣятельности въ разныхъ уѣздахъ, роды и перечень должностей и выдававшіяся на нихъ личности. Организація въ губерніяхъ Витебской и Могилевской была обнаружена нѣсколько позднѣе виленскою коммисіею, хотя въ Могилевѣ и была особая коммисія, занимавшаяся старыми дѣлами по вооруженному мятежу.

Въ началѣ января 1864 г., на 3-е, кажется, число, были вызваны въ Вильну всѣ губернаторы для совѣщаній по крестьянскому дѣлу; имъ было поручено пригласить съ собою по одному члену губернскаго присутствія и по одному или по два изъ членовъ повѣрочныхъ коммисій. На общемъ ихъ представленіи начальникъ края сказалъ имъ рѣчь, въ которой подтвердилъ непремѣнную свою волю, чтобы при повѣркѣ грамать была соблюдаема строгая справедливость и не было дѣлаемо уклоненій въ ущербъ помѣщикамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказалъ имъ всю неумѣстность ношенія нѣкоторыми посредниками, представителями правительственной власти въ краѣ, красныхъ рубашекъ, кафтановъ и т. п. и вообще мысли свои о важномъ нравственномъ значеніи для края всего мироваго института, который и долженъ пополняться людьми примѣрными во всѣхъ отношеніяхъ.

Такъ какъ около того же времени была учреждена при генералъ-губернаторѣ коммисія по кре-

стьянскимъ дѣламъ на подобіе существовавшей въ Кіевѣ, но съ болѣе ограниченными правами, то прибывшіе въ Вильну дѣятели обсудили совокупно съ нею всѣ вопросы, предстоявшіе къ выполненію; тутъ же была обсужена, данная еще въ 1863 г. въ руководство повѣрочнымъ коммисіямъ, инструкція и, согласно указаніямъ опыта прошедшаго года, въ ней сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія.

Учрежденіе уѣздныхъ жандармскихъ командъ было задумано начальникомъ края въ концѣ 1863 г. съ цѣлью усиленнаго наблюденія за обывателями, особенно же за шляхтою и помѣщиками. Около мѣсяца прошло, пока состоялось Высочайшее утвержденіе и списывались съ шефомъ жандармовъ. Начальникъ края составилъ для командъ особую инструкцію, по которой на нихъ возлагалась отвѣтственная исполнительная дѣятельность, а не одно только наблюденіе; кромѣ того команды подчинены въ уѣздахъ военнымъ начальникамъ и губернскому начальству, и лишь въ строевомъ отношеніи представленія о нихъ шли чрезъ корпусъ жандармовъ.

Положено было въ каждомъ уѣздѣ имѣть одного офицера, съ наименованіемъ начальникомъ жандармскаго управленія, и 16 конныхъ или 30 пѣшихъ унтеръ-офицеровъ, судя по мѣстнымъ условіямъ. Какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ назначено было большое содержаніе, и потому на

эти должности шли охотно, особенно же полковые унтеръ-офицеры, и можно съ увѣренностью сказать, что все это учрежденіе было образцовое. Всѣ начальники управленій были люди порядочные, многіе отличались особенною дѣятельностью, а нѣкоторыми были возбуждены весьма важные для края вопросы. Унтеръ-офицеры дѣятельно исполняли свои обязанности, отлично себя держали съ мѣстнымъ населеніемъ и уважительно съ властями.

Команды формировались постепенно; за недостаткомъ въ людяхъ, сперва были избраны самые мятежные уѣзды, какъ Поневѣжскій—Ковенской губерніи, Бѣльскій—Гродненской губерніи и т. п. Но такъ какъ польза ихъ съ самаго начала сдѣлалась ощутительна, то признано было необходимымъ ускорить ихъ формированіе и весной 1864 г. дѣло это было уже окончено *).

Въ январѣ мѣсяцѣ послѣдовалъ приказъ объ увольненіи ген.-адъют. Фролова и о назначеніи на его мѣсто помощникомъ командующаго войсками виленскаго военнаго округа генералъ-адъютанта Крыжановскаго.

Николай Андреевичъ Крыжановскій прибылъ

*) Особая жандармская полиція, учрежденная въ 50-ти уѣздахъ С.-З. края, стоила огромныхъ денегъ и впослѣдствіи значительно сокращена.

въ Вильну въ концѣ января 1864 г. и на слѣдующее утро онъ представился начальнику края, съ которымъ до того времени едва ли былъ знакомъ.

По воскресеньямъ начальникъ края, сдѣлавъ пріемъ, оставался часто въ большой гостиной разсматривать чертежи и проекты, приносимые академикомъ Чагинымъ, составлявшимъ бо́льшую часть рисунковъ для вновь устрояемыхъ и возобновляемыхъ церквей какъ г. Вильны, такъ и всего Сѣверо-Западнаго края. Генералъ-губернаторъ старался придать этому возможную гласность и не пренебрегалъ ничьимъ совѣтомъ. Для каждой постройки было представляемо нѣсколько проектовъ и тутъ же при всѣхъ, послѣ многочисленныхъ разсужденій, начальникъ края утверждалъ своею подписью избранные проекты зданій. Это было его любимымъ развлеченіемъ. Генералъ Крыжановскій всегда присутствовалъ при этихъ художественныхъ совѣщаніяхъ и также подавалъ свое мнѣніе; многіе ловили его слова, стараясь извлечь изъ нихъ какое нибудь заключеніе о его личности.

М. Н. Муравьевъ имѣлъ въ виду, что генералу Крыжановскому придется занять его постъ и потому желалъ ознакомить его по возможности съ краемъ и частію съ гражданскимъ управленіемъ. Съ этою цѣлью въ половинѣ февраля генералъ

Крыжановскій отправился въ объѣздъ по губерніямъ какъ для осмотра войскъ, такъ и военно-полицейскаго управленія, для чего ему было дано особое предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ поручено обратить вниманіе на личный составъ уѣздныхъ учрежденій, особенно же на чиновниковъ изъ поляковъ, оставшихся еще въ значительномъ числѣ на своихъ мѣстахъ.

Генералъ Крыжановскій началъ свой объѣздъ съ Ковенской губерніи, гдѣ броженіе умовъ было еще сильно, подобно какъ въ морѣ послѣ жестокой бури. Изъ Ковенской губерніи получено отъ него два или три пространныя собственноручныя письма. Начальникъ края, читая письма эти, дѣлалъ на нихъ свои отмѣтки и передавалъ въ особую канцелярію для немедленнаго исполненія предпочтительно передъ всѣми остальными дѣлами.

Изъ Ковенской губерніи генералъ Крыжановскій проѣхалъ въ Ригу для переговоровъ съ генералъ-губернаторомъ барономъ Ливеномъ о защитѣ морскаго прибрежья противъ готовившейся высадки поляковъ и для принятія мѣръ противъ укрывавшихся въ Курляндіи мятежниковъ. Осмотрѣвъ затѣмъ Динабургъ, генералъ Крыжановскій вернулся для личнаго доклада въ Вильну.

Отношенія его съ начальникомъ края были въ это время самыя лучшія; въ скоромъ времени онъ

отправился въ Минскую губернію, а оттуда проѣхалъ въ Гродно.

Первые мѣсяцы 1864 г. были посвящены возбужденію и разрѣшенію многихъ вопросовъ.

Между ними заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующіе: о прибавкѣ 50% къ содержанію чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, прибывающихъ изъ внутреннихъ губерній въ Сѣверо-Западный край; мѣра эта была сначала допущена въ видѣ временнаго усиленія штатовъ; но, вызванная необходимостью, она получила впослѣдствіи обширное примѣненіе. Въ 1864 г. чиновники всѣхъ вѣдомствъ получили постепенно прибавку жалованья; это было необходимо для привлеченія въ Сѣверо-Западный край достойныхъ и полезныхъ людей, которые въ этомъ краѣ, конечно, лишены были многаго въ сраненіи съ великороссійскими губерніями и которымъ предстояла жизнь, окруженная борьбою, недоброжелательствомъ и разнаго рода лишеніями.

Затѣмъ, начальникъ края дѣятельно занялся устройствомъ русскихъ и старообрядческихъ поселеній на свободныхъ казенныхъ земляхъ, какъ равно и въ оставшихся отъ выселенныхъ въ Сибирь шляхетскихъ околицахъ. Сдѣланы были опыты раздачи земель отставнымъ унтеръ-офицерамъ и солдатамъ въ губерніяхъ Могилевской и Гродненской. Отъ всѣхъ лицъ польскаго происхожденія

сомнительной благонадежности или замѣшанныхъ въ мятежѣ отбирались арендуемыя ими казенныя фермы и изъ нихъ дѣлались отчасти нарѣзки государственнымъ крестьянамъ, а нѣкоторыя въ полномъ составѣ отдавались русскимъ въ аренду же. Въ это же время была сознана необходимость усиленія въ краѣ русскаго землевладѣльческаго элемента и начальникъ края энергически представлялъ о томъ, чтобы всѣ лица, высланныя изъ края за участіе въ мятежѣ, имѣнія коихъ не конфискованы, а лишь подвергнуты секвестру, обязаны были въ извѣстный срокъ продать свои недвижимыя имѣнія русскимъ, потому что такія лица, обнаружившія свои враждебныя побужденія, никогда уже не могутъ сдѣлаться полезными Россіи гражданами. Мысль эта встрѣтила сочувствіе въ министрѣ государственныхъ имуществъ; но въ то время не была одобрена правительствомъ. Тѣмъ не менѣе кое-что было уже сдѣлано: 5-го марта 1864 г. были высочайше утверждены правила для выдачи ссудъ при покупкѣ имѣній въ Западномъ краѣ русскими. Ассигнована была для этого особая сумма; нѣсколько человѣкъ воспользовались этимъ и пріобрѣли довольно значительныя имѣнія при помощи правительства; но это была капля въ морѣ и лишь черезъ два почти года, 10-го декабря 1865 г., былъ изданъ указъ о воспрещеніи лицамъ польскаго

происхожденія покупать въ Западномъ краѣ имѣнія и объявлена обязательная въ два года продажа секвестрованныхъ имѣній. Это показываетъ какой произошелъ въ эти два года переломъ въ общественномъ сознаніи. Дѣло, встрѣтившее неодолимое повидимому противодѣйствіе въ 1864 г., сдѣлалось въ концѣ 1865 г. безъ особаго труда.

Учебная часть обращала на себя особенное вниманіе начальника края. Осенью 1863 года попечителемъ виленскаго учебнаго округа назначенъ Иванъ Петровичъ Корниловъ, на мѣсто князя Ширинскаго-Шихматова, который въ скоромъ времени получилъ ту же должность въ кіевскомъ округѣ *). Князь Ширинскій, горячій русскій патріотъ, имѣлъ однако свой особый взглядъ на дѣло и полагалъ постепенно достигнуть того, что М. Н. Муравьевъ считалъ дѣломъ первой необходимости. Князь Шихматовъ въ два послѣдніе года своей дѣятельности, на выхлопотанные имъ съ большимъ трудомъ деньги, открылъ свыше ста народныхъ школъ. Новый начальникъ края полагалъ необходимымъ немедленно же исторгнуть народное образованіе изъ рукъ ксендзовъ и вообще поляковъ. И. П. Корниловъ, человѣкъ съ замѣ-

*) Впослѣдствіи попечитель московскаго учебнаго округа и товарищъ Министра народнаго просвѣщенія.

чательнымъ сердцемъ и любовью къ Россіи, сдѣлался горячимъ исполнителемъ предначертаній начальника края по устройству народнаго образованія на русскихъ началахъ. Отличительною чертою его дѣятельности было умѣнье привлекать къ себѣ людей способныхъ и преданныхъ дѣлу; онъ не только не тяготился подобными лицами, но какъ бы гордился ими и всѣ успѣхи приписывалъ всегда другимъ. Но рѣшительный поворотъ въ учебномъ дѣлѣ Сѣверо-Западнаго края произошелъ лишь во второй половинѣ 1864 года по возвращеніи Михаила Николаевича изъ Петербурга.

Независимо отъ всего этого, генералъ-губернаторъ обращалъ вниманіе на книги и иные предметы, распространяемые въ народѣ; при его помощи были выписаны для Сѣверо-Западнаго края десятки тысячъ молитвенниковъ, учебниковъ, крестиковъ для новокрещеныхъ младенцевъ, картинъ духовнаго содержанія, портретовъ Государя и Государыни по самой дешевой цѣнѣ. Все это имѣло глубокую цѣль подѣйствовать на первыя впечатлѣнія народа, въ которомъ пробуждается сознаніе. 1-го января 1864 года открыта въ Вильнѣ, также при содѣйствіи начальника края, первая русская книжная торговля Сеньковскаго и дѣла ея пошли сначала очень хорошо.

Не меньшее вниманіе было обращено и на внѣш-

ность городовъ: вывѣски польскія были уничтожены, воспрещалось говорить по польски въ присутственныхъ и общественныхъ мѣстахъ, счеты въ магазинахъ велѣно было вести по русски—все вещи повидимому не важныя; но это дѣлалось не для того, чтобы придать обманчивую наружность краю, а чтобы провести въ сознаніе массы населенія силу русской власти и преобладанія русскаго начала.

Церковно-строительное дѣло также было двинуто. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, гораздо ранѣе мятежа вслѣдствіе настойчивости тайнаго совѣтника П. Н. Батюшкова. На построеніе сельскихъ церквей въ этихъ губерніяхъ положено было отпускать ежегодно изъ казны по 200,000 р. въ теченіе пяти лѣтъ; но дѣло это велось кое-какъ. Начальникъ края принялъ его, вмѣстѣ съ бѣлорусскими губерніями, подъ ближайшій свой надзоръ. Проекты были пересмотрѣны; много въ нихъ было сдѣлано упрощеній и сбереженій, вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ почти уѣздныхъ городахъ стали возобновлять или вновь строить православные соборы. Въ самой Вильнѣ начаты были огромныя перестройки. На православный Николаевскій соборъ, въ которомъ происходили всѣ описанныя торжества, было испрошено 80,000 р. Къ сожалѣнію, наружность собора, передѣланнаго изъ упраздненнаго костела св. Казиміра, до такой

степени католическая, что не смотря на всѣ усилія ничего нельзя было сдѣлать; впослѣдствіи многіе сожалѣли объ этомъ и признавали болѣе полезнымъ употребить эту сумму на возобновленіе храма Пречистыя, которому должно быть возвращено древнее значеніе литовской митрополіи. Церковь Константина Острожскаго стала перестраиваться на деньги, собранныя по подпискѣ 8-го ноября 1863 г.; вокругъ нея скуплены дома, сдавливавшіе и закрывавшіе ее, и обведена прекрасная ограда. Далѣе въ центрѣ города отысканы стѣны древней Пятницкой церкви, въ которой по историческимъ даннымъ погребено тѣло кн. Елены, жены литовскаго князя Александра и дочери Іоанна III. Маленькая церковь эта возобновлена въ самомъ изящномъ византійскомъ стилѣ. Она также была совершенно застроена кругомъ и загорожена домомъ Махнаура. Долго шла рѣчь о покупкѣ этого дома и наконецъ церковь эта, на которую менѣе другихъ обращали вниманія, вышла лучше всѣхъ; она предназначалась для гимназіи, отъ которой недалеко находится, и было предположеніе устроить для нея изъ гимназистовъ небольшой хоръ пѣвчихъ. Еще въ сентябрѣ 1863 года происходила торжественная закладка на Георгіевской площади часовни во имя Александра Невскаго въ память православныхъ русскихъ воиновъ,

павшихъ при усмиреніи мятежа. На бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, коими она обложена, вырѣзаны ихъ имена въ память потомству. Освященіе этой часовни послѣдовало 30-го августа 1865 г. и она вышла такъ изящна, что могла бы украсить собою любую столицу *)

По мѣрѣ развитія церковно-строительнаго дѣла, были учреждаемы для этого комитеты въ губернскихъ городахъ. Прежде другихъ былъ основанъ виленскій церковно-строительный комитетъ; онъ завѣдывалъ постройками и расходованіемъ суммъ какъ въ самой Вильнѣ, такъ и во всей губерніи. Въ уѣздахъ были устраиваемы для той же цѣли церковные совѣты изъ лицъ духовнаго званія, мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ, нѣкоторыхъ чиновниковъ и изъ православныхъ помѣщиковъ тамъ, гдѣ они были, подъ предсѣдательствомъ военно-уѣздныхъ начальниковъ. Совѣты эти подчинялись губернскому комитету. Постройка же сельскихъ церквей возлагалась по большей части на сельское населеніе подъ наблюденіемъ священниковъ. Дѣло шло успѣшно.

Всѣми вообще работами съ художественной стороны завѣдывалъ извѣстный академикъ Рязановъ,

*) Часовня надъ могилой графа М. Н. Муравьева на кладбищѣ Александро-Невской лавры представляетъ въ меньшемъ размѣрѣ точное воспроизведеніе этой виленской часовни.

постоянно пріѣзжавшій изъ Петербурга, а на мѣстахъ, подъ его руководствомъ, работалъ виленскій губернскій архитекторъ Чагинъ. Начальникъ, края, какъ я сказалъ уже, чрезвычайно любилъ заниматься съ нимъ всякаго рода проектами построекъ и всегда передавалъ на его заключеніе чертежи, присылаемые изъ губерній. Впослѣдствіи, по случаю крайняго разнообразія въ проектахъ для сельскихъ церквей, составлены были образцовые проекты, на различное число прихожанъ, и разосланы, налитографированные, во всѣ губернскіе и уѣздные церковные комитеты.

Къ тому же времени относится возобновленіе церковныхъ братствъ или попечительствъ при церквахъ, что составляло древній обычай въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Братчиками многихъ изъ бѣднѣйшихъ сельскихъ церквей записались разные богатые москвичи и иные ревнители православія, чрезъ посредство которыхъ, а равно чрезъ супругу начальника края и ея знакомыхъ, было доставлено множество церковной утвари, облаченій всякаго рода и т. п.

Крестьянское дѣло, съ наступленіемъ весенняго времени, было усиленно двинуто: для скорѣйшаго окончанія повѣрочныхъ работъ и для одновременнаго перевода крестьянъ на облегченные платежи по обязательному выкупу были учреждены во

многихъ уѣздахъ вторыя провѣрочныя коммисіи, независимо отъ первыхъ и въ такомъ же составѣ какъ первыя, а уѣзды были раздѣлены между ними на участки.

25 марта 1864 года совершилось 25-ти-лѣтіе возсоединенія западныхъ русскихъ уніатовъ съ восточною церковью. Въ Вильнѣ торжество это тѣмъ особенно было важно, что во главѣ тамошней православной іерархіи стоялъ знаменитый подвижникъ этого великаго дѣла — митрополитъ Іосифъ. Значеніе возсоединенія уніатовъ было вполнѣ оцѣнено лишь послѣ минувшаго мятежа, когда правительство могло опереться на двухъ-миліонную массу православнаго сельскаго населенія, бывшаго за 30 лѣтъ до того болѣе близкимъ къ католицизму и Польшѣ. Я не стану здѣсь распространяться о подробностяхъ самого возсоединенія, принадлежащаго уже исторіи; но укажу только на статью объ этомъ бывшаго минскаго архіепископа Антонія, напечатанную въ одной изъ книгъ «Русскаго Вѣстника» за 1863 годъ. Архипастырь этотъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Іосифа Сѣмашко, находясь еще въ званіи ректора Журавицкой уніатской семинаріи (въ Слонимскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи). Впослѣдствіи, по совершеніи великаго подвига, онъ довольно долгое время упра-

влялъ минскою епархіею. Въ концѣ 40-хъ годовъ, будучи склоненъ къ литературнымъ и умственнымъ занятіямъ и къ жизни созерцательной, онъ удалился на покой и еще въ 1867 г. жилъ въ Минскѣ на незначительную свою пенсію, нанимая маленькую квартирку и творя добро, сколько позволяли средства. Мнѣ привелось видѣть этого почтеннаго старца зимою, 1865 г., когда онъ, пробужденный новою жизнію, повѣявшею въ краѣ, посѣтилъ Вильну, чтобы видѣть въ ней самый источникъ русской силы. Преосвященный Антоній въ большой залѣ генералъ-губерторскаго дворца видимо наслаждался, слушая въ день крещенія огромный хоръ учениковъ народныхъ училищъ, стройно пѣвшихъ молитвы и народный гимнъ: «Боже, Царя храни» *).

Возвращаюсь къ празднованію 25-лѣтія возсоединенія уніатовъ въ Вильнѣ. Наканунѣ этого дня оберъ-прокуроръ св. синода препроводилъ къ начальнику края, для врученія митрополиту Іосифу, царскій рескриптъ, въ которомъ вспоминались по этому случаю его труды и заслуги на пользу церкви и отечества.

---

*) Съ 1868 г. преосвященный Антоній переселился въ Пожайскій монастырь близъ Ковны, гдѣ и скончался въ 70-хъ годахъ.

Рано утромъ начальникъ края отправилъ рескриптъ и высочайше пожалованный жезлъ съ бриллiантовыми знаками къ митрополиту со своимъ адъютантомъ, прося передать и его поздравленiе. Такъ какъ Николаевскiй соборъ уже перестраивался, то всѣ высшiя власти собрались для выслушанiя литургiи въ церковь Троицкаго монастыря, въ коемъ помѣщается и семинарiя. Въ концѣ службы ректоръ семинарiи, архимандритъ Іосифъ, взойдя на амвонъ, прочелъ слово высокопреосвященнаго Іосифа, въ которомъ выставлено было значенiе этого событiя для края и высказано нѣсколько важныхъ мыслей по поводу его настоящаго положенiя и значенiя церкви православной въ дѣлѣ упроченiя въ немъ русской народности. Слово это было напечатано отдѣльной брошюрой и раздавалось желающимъ. Начальникъ края, по выходѣ изъ церкви, былъ привѣтствованъ войсками, выстроенными на дворѣ монастыря по обѣ стороны пути его слѣдованiя, и направился въ митрополичiй домъ поздравить главнаго виновника торжества. Надо замѣтить, что Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, въ бытность свою съ 1831 по 1835 годъ гродненскимъ губернаторомъ, много содѣйствовалъ возсоединенiю унiатовъ въ тотъ перiодъ времени, когда послѣ мятежа 1831 года мысль эта только что зарожда-

лась, а Іосифъ Сѣмашко, съ вышеназваннымъ Антоніемъ Зубко, занимались отобраніемъ подписокъ отъ отдѣльныхъ лицъ и склоняли въ пользу замышляемаго ими дѣла главнѣйшихъ представителей уніатскаго духовенства.

По поводу этого событія нельзя не придти къ нѣкоторымъ серьезнымъ заключеніямъ. Мятежъ 1831 г. и принятыя за нимъ мѣры правительства породили возсоединеніе уніатовъ и если большинство возсоединенныхъ не сдѣлались тотчасъ же истинными православными, то все таки край уже былъ признанъ таковымъ, а черезъ 30 лѣтъ, когда еще были живы главные дѣятели того времени, мы лишь изрѣдка встрѣчаемъ, и то гдѣ нибудь въ глуши края, безсильные обломки уніи, наиболѣе сохранившейся въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ обрядахъ; эти остатки мало по малу сами собою исчезнутъ, поглощаемые временемъ—и такимъ образомъ Западный край сдѣлается въ значительной степени краемъ православнымъ. Равнымъ образомъ, послѣ мятежа 1863 г. край этотъ былъ прежде всего оффиціально признанъ русскимъ; печать наша помогла тому, что мысль эта проникла теперь въ сознаніе всего русскаго общества и лишь въ силу этого признанія принятъ въ немъ и принимается рядъ мѣръ, клонящихся къ упроченію за нимъ русскаго характера. Мѣры эти, по боль-

шей части, вызываютъ (какъ въ свое время вызывало возсоединеніе уніатовъ) горячія порицанія враговъ Россіи и даже нѣкоторой части русскаго общества. Допустивъ даже, что со временемъ, въ силу общей всѣмъ людямъ забывчивости и снисходительности, онѣ поослабнутъ, то часть дѣла будетъ уже сдѣлана: въ краѣ русскомъ и православномъ, хотя бы и съ значительнымъ католическимъ населеніемъ, невозможны будутъ національно-религіезные мятежи, какимъ издали казался послѣдній въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Возвращаясь затѣмъ къ событію 1839 года, можно придти къ заключенію, что митрополитъ Іосифъ, коему всецѣло принадлежитъ побѣда въ этомъ дѣлѣ, положилъ первый основаніе твердому владычеству Россіи въ западныхъ ея окраинахъ.

М. Н. Муравьевъ предвидѣлъ, что ему скоро придется оставить край. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая, что всѣ тѣ вопросы, которые не будутъ возбуждены при немъ, едва ли возникнутъ при послѣдующихъ правителяхъ, спѣшилъ хотя отчасти коснуться*) всѣхъ отраслей управленія и скорѣе разрѣшить главнѣйшіе для судьбы края вопросы. Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ дѣлалъ въ Петербургѣ энер-

*) Гр. Муравьевъ выражался, что тамъ, гдѣ онъ не видѣлъ возможности разрѣшить вопросъ при себѣ, онъ закидывалъ лишь якорь, къ которому рано или поздно возвратятся.

гическія представленія; я уже упомянулъ о переплискѣ его съ министромъ государственныхъ имуществъ по усиленію въ краѣ русскаго землевладѣльческаго элемента; не менѣе важны были его письма къ шефу жандармовъ, покойному князю Долгорукову. Въ одномъ изъ нихъ, замѣчательномъ по самому своему изложенію, генералъ-губернаторъ ясно высказалъ свой взглядъ на особенности крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ по поводу опасеній, чтобъ обязательный выкупъ, первоначально предположенный лишь въ 4 литовскихъ губерніяхъ и распространенный уже на бѣлорусскія губерніи и на Юго-Западный край, не проникъ внутрь Россіи и не произвелъ тамъ важныхъ замѣшательствъ. Начальникъ края въ письмѣ этомъ обрисовалъ всѣ составные элементы края и положительно доказалъ какъ необходимо было создать въ немъ, не взирая на всѣ возгласы, независимое крестьянское землевладѣльческое сословіе. Говоря о необходимости измѣненія основныхъ началъ Положенія 19-го февраля для Сѣверо-Западнаго края, онъ припомнилъ слѣдущее: «когда мы съ вашимъ сіятельствомъ занимались крестьянскимъ вопросомъ, мы имѣли въ виду не мятежный край, а православную Россію, преданную своему Государю». Въ томъ же письмѣ говорится, что насколько важно было въ то время имѣть въ виду сохраненіе доб-

рыхъ отношеній между разными сословіями государства, такъ, напротивъ, нынѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ—не менѣе необходимо разобщить крестьянъ и помѣщиковъ. Изъ этого видно, что тогда еще Михаилъ Николаевичъ мало расчитывалъ на привлеченіе въ край русскихъ людей для покупки имѣній. Не мудрено, что при такомъ взглядѣ на дѣло начальника края, нѣкоторые изъ крестьянскихъ дѣятелей, желая скорѣе достичь цѣли, имъ предположенной и ясно всѣми понимаемой, позволяли себѣ нѣкоторыя излишества. Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ они были круто останавливаемы, не смотря на постояннаго своего защитника Левшина.

Другое изъ этихъ любопытныхъ писемъ было посвящено вопросу о размѣщеніи лицъ, высылаемыхъ изъ края; число этихъ лицъ, высланныхъ по разнымъ категоріямъ взысканія, достигло уже тогда значительной цифры и самъ начальникъ края заботился объ уменьшеніи на будущее время высылаемыхъ и о замѣнѣ, по возможности, ссылки инымъ административнымъ наказаніемъ. Лица, высланныя изъ края по приговорамъ судовъ и съ лишеніемъ правъ состоянія, хотя и составляли большинство, но не представляли особыхъ затрудненій, такъ какъ они предназначались или въ каторжныя работы и арестантскія роты, или въ Сибирь

на поселеніе и на житье. Самою опасною въ будущемъ являлась категорія лицъ, которыя въ числѣ до 1,500 человѣкъ высланы были изъ края на жительство во внутреннія губерніи, подъ надзоръ полиціи (по распоряженіямъ начальника края) въ тѣхъ случаяхъ, когда по слѣдствію или по суду не было юридическихъ доказательствъ къ ихъ наказанію, но представлялось столько подозрѣній, что оставлять въ краѣ подобныхъ лицъ не было возможности. Это были главные виновники мятежа, болѣе вліятельные чиновники и знатные помѣщики, которые заблаговременно обставили себя предосторожностями на случай подозрѣнія со стороны правительства.

Начальникъ края указывалъ на то, что эти лица, размѣщаемыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по внутреннимъ нашимъ губерніямъ, лишь разносятъ съ собою зло и подготовляютъ въ будущемъ неурядицы—и признавалъ необходимымъ сосредоточить ихъ въ какой-нибудь отдаленной мѣстности, «гдѣ имъ могли-бы быть даны всѣ средства къ жизни, кромѣ способовъ вредить Россіи».—Онъ присовокуплялъ, что «прежде всего должно имѣть въ виду Россію и что нельзя останавливаться передъ такою мѣрою, употребляемою для политическихъ преступниковъ во многихъ государствахъ, славящихся своею гуманностью и либерализмомъ».

Вопросъ этотъ остался не разрѣшеннымъ и, впослѣдствіи, когда лѣтомъ 1865 г. всю Россію охватило пламя пожаровъ и общественное мнѣніе ясно указывало на источникъ зла—Михаилъ Николаевичъ, живя уже тогда на покоѣ, составилъ по поводу пожаровъ статью и включилъ въ нее выдержки изъ разныхъ своихъ представленій, заключающія въ себѣ печальныя предсказанія, начинавшія уже сбываться...

Приближалась Святая недѣля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашъ отъѣздъ въ Петербургъ. Онъ назначенъ былъ въ концѣ недѣли. Всѣ были убѣждены, что генералъ Муравьевъ уже не возвратится въ Вильну. Къ пасхальной заутрени собралось въ ярко освѣщенную дворцовую церковь множество лицъ. Всѣ были въ напряженномъ состояніи, ожидая, что начальникъ края получитъ въ этотъ день графское достоинство и что это будетъ сигналомъ къ его увольненію.

По окончаніи богослуженія всѣ присутствовавшіе были приглашены въ большую гостиную, гдѣ обыкновенно происходили пріемы и въ которой на этотъ разъ стоялъ огромный столъ, убранный всякими яствами. Едва собрались въ эту комнату и бокалы наполнились виномъ, какъ генералъ Крыжановскій провозгласилъ тостъ за начальника края, встрѣченный единодушнымъ «ура». Затѣмъ

слѣдовали и другія возглашенія, но никакихъ извѣстій изъ Петербурга получено не было.

Въ субботу на Святой недѣлѣ начальникъ края выѣхалъ въ Петербургъ.

Передъ отъѣздомъ были сдѣланы слѣдующія главныя распоряженія: генералу Крыжановскому поручалось вступить въ командованіе войсками округа; ему же предоставлены: конфирмація военно-судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ и управленіе Августовскою губерніею. Въ случаяхъ важныхъ и не терпящихъ отлагательства — онъ могъ принимать чрезвычайныя мѣры, донося о томъ по телеграфу; ему же поручалось доносить о всѣхъ происшествіяхъ, заслуживающихъ вниманія, и вообще представлять собою лицо начальника края; но всѣ дѣла общей канцеляріи съ объяснительными записками и заготовленными отвѣтами или предписаніями должны были отсылаться ежедневно съ жандармомъ въ Петербургъ для доклада генералъ-губернатору. Такимъ образомъ Михаилъ Николаевичъ долженъ былъ изъ Петербурга управлять краемъ, что при удобствѣ сообщеній и телеграфѣ не представляло особыхъ затрудненій. Съ генералъ-губернаторомъ отправились въ Петербургъ слѣдующія лица: полковникъ Черевинъ, генералъ Чевати и я — собственно для веденія дѣлъ; адъютантъ Павловъ и ординарецъ Бибиковъ, для дежурствъ и пріема по-

сѣтителей; затѣмъ въ видѣ свиты: камергеръ Булычовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Брянчаниновъ, жандармскій капитанъ Медвѣдевъ, докторъ Фовелинъ, при томъ два писца и два лейбъ-казака изъ конвоя. Въ день отъѣзда нашего, 25-го апрѣля 1864 г., высшія лица собрались во дворецъ и начальникъ края передалъ имъ свои инструкціи. Во всемъ этомъ было нѣчто трогательное—многіе были потрясены до глубины души, разставаясь съ начальникомъ края и полагая, что его болѣе уже не увидятъ въ стѣнахъ Вильны. Многіе, преданные дѣлу, а не лицу, утѣшали себя тѣмъ, что если Михаилъ Николаевичъ и оставитъ управленіе краемъ, то будетъ назначенъ предсѣдателемъ Западнаго комитета, который будетъ руководить и направлять всю администрацію 9-ти западныхъ губерній; но Западный комитетъ, возникшій съ началомъ смутъ въ Западномъ краѣ, прекратилъ свое существованіе какъ разъ незадолго передъ тѣмъ, и дѣла по западнымъ губерніямъ вошли по прежнему въ комитетъ министровъ—что впрочемъ совершенно раціонально.

Генералъ-губернаторъ отправился съ пассажирскимъ поѣздомъ, отходящимъ въ 4 часа дня.

Огромное число служащихъ и дворянъ собралось на станцію желѣзной дороги. Михаилъ Николаевичъ пріѣзжалъ всегда заблаговременно и

потому тутъ происходилъ цѣлый пріемъ; до послѣдней минуты онъ отдавалъ приказанія и видимо былъ тронутъ общимъ къ нему сочувствіемъ; всѣ говорили, что ждутъ его поскорѣе назадъ и смѣло можно сказать, что для большинства это было искренно.

Когда поѣздъ уже сталъ трогаться, генералъ-губернаторъ, снимая шапку и кланяясь, повторялъ: «прощайте, прощайте»; но всѣ, какъ будто въ одинъ голосъ, закричали ему: «до свиданія!» и этому общему желанію суждено было на этотъ разъ осуществиться.

VII.

Встрѣчи Муравьева по пути изъ Вильны.—Встрѣча въ Петербургѣ.—Представленіе государю Александру II. Записка М. Н. Муравьева объ устройствѣ Сѣверо-Западнаго края въ комитетѣ министровъ.—А. Л. Потаповъ.—Возвращеніе М. Н. Муравьева въ Вильну.

М. Н. Муравьевъ ѣхалъ въ Петербургъ въ особо приготовленномъ для него вагонѣ; свита его помѣщалась въ другомъ. Будучи и безъ того уже слабаго здоровья, измученный безпрерывными трудами генералъ-губернаторъ едва выдержалъ дневной переѣздъ и къ утру слѣдующаго дня ему сдѣлалось такъ дурно, что онъ хотѣлъ остановиться въ Псковѣ для отдыха и лишь благодаря доктору, тутъ бывшему, доѣхалъ безостановочно до Петербурга. Въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края были всюду приготовлены торжественныя встрѣчи и на платформахъ толпились старообрядцы и крестьяне съ хлѣбомъ-солью. Въ Петербургѣ его ожидала

блистательная встрѣча. Министры: государственныхъ имуществъ и путей сообщенія, сенаторъ И. М. Гедеоновъ, П. Н. Батюшковъ и многія другія высшія лица; начальникъ 1-й гвардейской дивизіи генералъ Дрентельнъ, командиръ Преображенскаго полка князь Барятинскій и всѣ офицеры этого полка въ полной парадной формѣ ожидали его на станціи желѣзной дороги; толпы любопытныхъ толпились вокругъ станціи—и, когда Михаила Николаевича вынесли на креслѣ изъ вагона, въ сводахъ огромнаго дебаркадера пронеслось оглушительное ура. Когда же начальникъ Сѣверо-Западнаго края появился въ толпѣ и его стали усаживать въ карету—толпа народа и даже извощики, повскакавшіе на свои дрожки, привѣтствовали его громкими восклицаніями.

Въ домѣ Муравьевыхъ на Сергіевской ожидали его съ хлѣбомъ-солью графиня А. Д. Блудова и многія дамы и лица высшаго круга *). Михаилъ Николаевичъ былъ совершенно растроганъ этою встрѣчею; здоровье его было до того потрясено, что первые дни онъ не только не выѣзжалъ, но не могъ

*) Встрѣча М. Н. Муравьева довольно вѣрно описана въ статьѣ: «La Russie après l'insurrection Polonaise» par Charles de Mazade, напечатанной въ 1-й книжкѣ «Revue des deux mondes» за 1866 г. и надѣлавшей столько шуму въ Петербургѣ. Гр. Муравьевъ читалъ эту статью съ живымъ интересомъ.

заниматься дѣлами. Многія лица позволили себѣ въ его пользу маленькія демонстраціи; такъ, напримѣръ, въ одно утро его посѣтили 7 сенаторовъ; офицеры Финляндскаго полка, столько отличавшіеся въ виленскомъ округѣ, также явились всѣ вмѣстѣ.

Московское купечество, узнавъ о прибытіи генерала Муравьева въ Петербургъ, отправило къ нему депутацію изъ почетнѣйшихъ представителей этого сословія. Утренніе его пріемы сдѣлались крайне интересны: кого тутъ не было? разные генералы, помѣщики, купцы, лица, желающія поступить на службу въ Сѣверо-Западный край, разныя дамы-просительницы; (многія, кажется, приходили изъ любопытства посмотрѣть на Муравьева и чтобъ разсказать о своемъ съ нимъ свиданіи). До представленія Государю, онъ старался отклонять посѣтителей, но впослѣдствіи посѣщенія эти еще усилились; у дома Муравьевыхъ былъ постоянный съѣздъ.

Не ранѣе какъ черезъ недѣлю по прибытіи въ Петербургъ, начальникъ Сѣверо-Западнаго края представился Государю. Его Величество ласково его принялъ и просилъ продолжать управленіе краемъ сколько хватитъ силъ. Государь поручилъ ему представить свои соображенія въ самомъ скоромъ времени, такъ какъ Его Величество пред-

полагалъ въ концѣ мая ѣхать вмѣстѣ съ Императрицей за границу на все лѣто. Государыня приняла Михаила Николаевича въ тотъ же день.

Когда мы ѣхали въ Петербургъ, было почти рѣшено, что Михаилъ Николаевичъ уже не возвратится въ Вильну; неожиданный оборотъ дѣлъ крайне всѣхъ насъ удивилъ. Вслѣдъ за пріемомъ Государя, Михаила Николаевича посѣтили: министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ, военный министръ, министръ юстиціи и иные.

Между тѣмъ канцелярія наша помѣстилась гдѣ-то въ третьемъ этажѣ по черной лѣстницѣ. Занятія шли безпрерывно. Въ Вильнѣ ничего не смѣли сдѣлать сами и обо всякихъ пустякахъ спрашивали начальника края. Сюда присылались всѣ дѣла общей канцеляріи, политическаго отдѣленія, всѣ донесенія ген. Крыжановскаго и, по подписаніи, бумаги должны были немедленно возвращаться. Одна разборка и отправка почты составляла египетскую работу. Кромѣ того Михаилъ Николаевичъ никогда не былъ доволенъ редакціею бумагъ Туманова и передѣлывалъ иныя раза по три, по четыре; при всемъ томъ текущія дѣла, телеграммы, спѣшныя разрѣшенія и приказанія въ Вильну, разныя дѣла, отложенныя до Петербурга,—все это продолжалось какъ въ Вильнѣ и М. Н. оставался вѣренъ себѣ.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ изъ Вильны управлявшій коммисіей по крестьянскимъ дѣламъ Левшинъ и тоже помѣстился въ нашей маленькой канцеляріи. Тогда начали обращаться къ нему неотступно разные господа, желавшіе поступить на службу по крестьянскому дѣлу въ Сѣверо-Западномъ краѣ—никто не хотѣлъ должности менѣе посредника, или члена повѣрочной коммисіи (жалованья отъ 2,000 до 3,500 руб.), но многіе затѣмъ примирились и съ мѣстомъ становаго. «Отчего, думали, не запросить побольше; хоть что нибудь дадутъ». Появлялись такія личности, что мы подчасъ не могли удерживаться отъ улыбки. Одинъ какой-то помѣщикъ такъ настойчиво требовалъ должности посредника, что сталъ кричать и чуть не ругаться; одинъ какой-то почтенный гвардейскій капитанъ, прослужившій всю жизнь въ образцовомъ полку, тоже изъявилъ желаніе ѣхать въ Польшу *) на должность въ повѣрочную коммисію. Когда же его спросили весьма деликатно занимался-ли онъ крестьянскимъ дѣломъ и знакомъ-ли съ положеніемъ 19-го февраля,—то онъ чрезвычайно замялся и

*) Мы чрезвычайно обижались, когда кто нибудь изъ русскихъ и просителей по невѣжеству называлъ Сѣверо-Западныя губерніи Польшею и дѣлали видъ, что не понимаемъ просителя и отвѣчали, что генералъ Муравьевъ управляетъ лишь въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ Россіи.

отвѣчалъ, что слышалъ о немъ что-то, — и этотъ-то воинъ тоже хотѣлъ быть членомъ повѣрочной коммисіи, не имѣя даже понятія о томъ, что предстоитъ имъ повѣрять.

Начальникъ края приступилъ тѣмъ временемъ къ составленію записки о нѣкоторыхъ вопросахъ по устройству Сѣверо-Западнаго края. Онъ пригласилъ для этой цѣли вице-директора хозяйственнаго департамента министерства государственныхъ имуществъ В. И. Вешнякова (прежняго своего подчиненнаго *), и диктовалъ ему ежедневно въ теченіи почти всего утра. Записка была окончена дней въ 10 и представлена Государю 15-го мая 1864 г. Государь, прочитавъ ее, приказалъ въ кратчайшій срокъ разсмотрѣть въ комитетѣ министровъ, въ присутствіи генерала Муравьева.

Разсмотрѣнію этой записки посвящены были два или три засѣданія; тутъ, казалось, рѣшались судьбы Сѣверо-Западнаго края. Записка обнимала всѣ главнѣйшіе вопросы, какъ-то: крестьянское дѣло, учебную реформу, закрытіе католическихъ монастырей, обезпеченіе быта православнаго духовенства и постройку церквей, устройство русской администраціи, воспрещеніе въ дѣлахъ польскаго

*) Впослѣдствіи Товарищъ Министра Государственныхъ Имуществъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта.

языка, высылку изъ края политическихъ преступниковъ; но въ основѣ всего этого стоялъ одинъ вопросъ, повидимому не требующій разрѣшенія, но на которомъ генералъ Муравьевъ особенно настаивалъ—это необходимость признанія Сѣверо-Западнаго края разъ навсегда русскимъ и веденія въ немъ дѣла на будущее время въ этомъ смыслѣ. По этому, какъ и по многимъ другимъ вопросамъ, послѣдовало утвержденіе; по нѣкоторымъ было поручено разнымъ министрамъ войти въ ближайшія соглашенія съ генералъ-губернаторомъ и лишь по одному возникло разногласіе. Генералъ Муравьевъ представилъ о вредномъ преобладаніи польскихъ уроженцевъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ и полагалъ необходимымъ ограничить число польскихъ уроженцевъ въ этихъ заведеніяхъ до 10% всего числа учащихся и свыше того не принимать. Предположеніе это было вызвано тѣмъ, что польскіе уроженцы составляли совершенно замкнутые кружки въ университетахъ и часто завлекали въ нихъ и русскихъ. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія возсталъ противъ этого и съ нимъ было большинство комитета; мнѣніе меньшинства (предсѣдателя и трехъ членовъ, въ числѣ коихъ былъ и М. Н. Муравьевъ) хотя и было утверждено, но мѣра эта признана лишь временною. Въ концѣ записки

генералъ-губернаторъ просилъ, чтобы министры и главноуправляющіе сообщали на предварительное заключеніе начальника края всѣ предположенія касательно края—на это послѣдовало заключеніе комитета такого рода, что это по возможности уже исполняется.

Достигнувъ такимъ образомъ утвержденія многихъ мѣръ, предварительно уже имъ принятыхъ, и вообще одобренія общаго направленія дѣлъ въ краѣ, генералъ Муравьевъ возвращался въ Вильну съ большею еще властію и ему предстояло привести въ исполненіе, такъ сказать, внести въ жизнь края всѣ высшія рѣшенія, которыя ему удалось испросить у правительства.

Когда въ Вильнѣ узнали, что Михаилъ Николаевичъ возвращается, радость всѣхъ русскихъ была общая; особенно торжествовалъ виленскій губернаторъ Панютинъ, предсказывавшій всѣмъ намъ, что мы непремѣнно вернемся, пе смотря на наши положительныя увѣренія въ противномъ. Семейство же генералъ-губернатора было почему-то очень недовольно и съ трудомъ примирилось съ мыслью о небходимости возвратиться въ Вильну.

До отъѣзда въ Вильну начальникъ края былъ еще разъ съ докладомъ у Государя, испросилъ приказанія по случаю предстоявшаго слѣдованія чрезъ край Императорской фамиліи, а также

нѣкоторымъ лицамъ награды. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выхлопоталъ себѣ чрезвычайно важное право имѣть помощника по гражданской части, такъ какъ ближайшее завѣдываніе семью губерніями было сопряжено со множествомъ второстепенныхъ дѣлъ, мѣшавшихъ генералъ-губернатору устремить все свое вниманіе на устройство края въ политическомъ отношеніи. Кромѣ того имѣлось въ виду, что преемникомъ его долженъ быть человѣкъ не только знакомый съ гражданскимъ управленіемъ и съ краемъ, но хорошо понявшій и направленіе, необходимое для управленія въ Западныхъ нашихъ областяхъ. Выборъ палъ на управлявшаго III отдѣленіемъ и начальника штаба корпуса жандармовъ, генерала Александра Львовича Потапова.*)

Назначеніе генерала Потапова было отложено до возвращенія Государя изъ-за границы, такъ

*) М. Н. Муравьевъ жестоко ошибся въ выборѣ себѣ помощника и вѣроятнаго преемника. Нельзя было найти другое лицо, которому вся манера Муравьева была бы болѣе чужда, ненавистна, чѣмъ А. Л. Потаповъ. Впослѣдствіи, при позднѣйшемъ своемъ управленіи краемъ, ген. Потаповъ механически и на бумагѣ даже поддерживалъ распоряженія и начинанія Муравьева, но вообще онъ смотрѣлъ на то патріотическое одушевленіе, которое внесено было въ управленіе муравьевскимъ строемъ, какъ на крупный административный скандалъ, который надлежало прекратить какъ можно скорѣе ради благочинія и порядка.

какъ шефъ жандармовъ Кн. Долгоруковъ сопровождалъ туда Его Величество, а генералъ Потаповъ долженъ былъ управлять на это время III отдѣленіемъ.

За два дня до возвращенія своего въ Вильну, М. Н. Муравьевъ ѣздилъ въ Царское Село откланяться.

Отъѣздъ нашъ назначенъ былъ 24-го мая 1864 г. и мы прибыли въ Вильну 25-го утромъ, пробывъ въ Петербургѣ ровно мѣсяцъ.

Съ возвращеніемъ генералъ-губернатора начинается устроительная работа въ краѣ, не прекращавшаяся до вторичной его поѣздки чрезъ годъ въ Петербургъ и послѣдовавшаго затѣмъ увольненія генерала Муравьева.

Описанію этого года я посвящаю вторую часть воспоминаній.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Съ 25-го мая 1864 года.

I.

Возвращеніе ген. Муравьева въ Вильну.—Мѣры по отношенію къ римско-католическому духовенству.—Увеличеніе средствъ православнаго духовенства въ Сѣверо-Западномъ Краѣ.—Увольненіе ген. Крыжановскаго. — Хрущовъ. — Императоръ Александръ II въ Вильнѣ.—Назначеніе М. Н. Муравьева шефомъ Пермскаго полка.—А. Л. Потаповъ.—Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ.—Открытіе древней плащаницы.

Генералъ Муравьевъ возвратился въ Вильну въ 7-мъ часу утра, 25-го мая, и, несмотря на столь ранній часъ, на станціи желѣзной дороги его ожидала торжественная встрѣча. Еще не доѣзжая Вильны, когда поѣздъ проходилъ чрезъ станцію Безданы, я былъ пробужденъ оглушительными криками собравшагося на станціи народа и солдатъ, вышедшихъ на встрѣчу генералъ-губернатору по распоряженію военнаго начальника Виленскаго уѣзда, князя Хованскаго. Въ Вильнѣ весь дебаркадеръ былъ убранъ цвѣтами, гирляндами, фла-

гами и вензелями. На платформѣ стоялъ почетный караулъ и собрались всѣ высшія служебныя лица, имѣя во главѣ генерала Крыжановскаго, коменданта Вяткина и губернатора Панютина, а также многіе предводители дворянства и помѣщики. При появленіи поѣзда заиграла музыка и раздалось громкое привѣтствіе, сопровождавшее начальника края до экипажа, у котораго тѣснилась толпа простаго народа. Конвой изъ гвардейскихъ казаковъ при офицерѣ былъ выстроенъ на площадкѣ противъ входа на станцію и поскакалъ за каретой.

Дня черезъ три по нашемъ прибытіи, прослѣдовалъ черезъ Вильну Императоръ Александръ II съ Государынею и нѣкоторыми великими князьями, отправляясь на довольно долгое время за границу. Государь Императоръ, выразивъ намѣреніе возвратиться въ началѣ іюля мѣсяца, изъявилъ желаніе на обратномъ пути остановиться въ Вильнѣ и сдѣлать смотръ войскамъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того проѣхалъ чрезъ Вильну съ остальными великими князьями цесаревичъ Николай Александровичъ, которому не суждено уже было увидать свое отечество.

Не теряя времени, начальникъ края приступилъ къ приведенію высочайше одобренныхъ мѣръ въ исполненіе; по мѣрѣ того какъ получались изъ Петербурга въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ высо-

чайше утвержденныя Положенія комитета министровъ по разнымъ предметамъ его записки, немедленно разсылались губернаторамъ циркуляры. Такъ, въ эти два мѣсяца былъ изданъ рядъ мѣръ, съ цѣлью ограниченія свободы дѣйствій ксендзовъ и вообще римско-католическаго духовенства. Имъ воспрещалось, безъ особаго разрѣшенія военныхъ начальниковъ, разъѣзжать за предѣлы деканатовъ *); воспрещалось строить новые и возобновлять старые костелы и каплицы безъ особаго разрѣшенія генералъ - губернатора. По составленнымъ сравнительнымъ таблицамъ оказалось, что римско-католическое духовенство въ годы усиленной пропаганды употребляло всевозможныя средства для возведенія новыхъ филій и каплицъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ рѣшительно въ нихъ не было нужды по исключительности православнаго населенія. Закрыты домашніе алтари въ домахъ разныхъ помѣщиковъ, устроенные безъ разрѣшенія или подлежавшіе закрытію за смертію лицъ, коимъ

*) Деканатомъ называется благочиніе, имѣющее во главѣ декана; ихъ бываетъ нѣсколько въ уѣздѣ; деканаты дѣлятся на парафіи или приходы; при каждомъ парафіальномъ костелѣ, кромѣ настоятеля, имѣется одинъ или нѣсколько викарныхъ ксендзовъ для замѣщенія въ случаѣ нужды настоятеля и для службы въ филіяхъ, т. е. приписныхъ къ приходу костелахъ, а равно въ каплицахъ или часовняхъ, разбросанныхъ по краю въ большомъ количествѣ.

лично дано было разрѣшеніе на ихъ устройство. Приказано было всѣхъ клириковъ, живущихъ по монастырямъ и составляющихъ самое вредное, праздношатающееся сословіе, возвратить въ семинаріи, а тѣхъ, которые не окажутся достойными или способными къ продолженію въ нихъ курса, обратить въ тѣ общества, откуда они прибыли. Вообще изданъ рядъ мѣръ, ограничивающихъ права высшей римско-католической духовной іерархіи и подчиняющихъ ея дѣйствія контролю правительства. Начальникъ края приказалъ собрать всѣ циркуляры по этому предмету, и, храня ихъ у себя, постоянно слѣдилъ за ихъ исполненіемъ.

Большею частью эти мѣры имѣли характеръ временный и были принаровлены къ существовавшему тогда военному положенію, а потому, какъ я уже выше сказалъ, онѣ лишь слегка коснулись ксендзовъ, которые не думали разставаться съ враждебными противъ Россіи замыслами.

Въ это же время состоялся указъ о надѣленіи землею батраковъ и обезземеленныхъ незадолго до изданія положенія 19-го февраля крестьянъ, находившихся въ самомъ жалкомъ и зависимомъ положеніи, преимущественно въ Инфляндскихъ уѣздахъ Витебской и въ такъ называемыхъ нѣмецкихъ уѣздахъ Ковенской губерніи, т. е. именно въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ преобладало просвѣщенное прибалтійское хозяйство.

По случаю наступленія рабочей поры и совершеннаго усмиренія края, окончательно была распущена сельская стража, содержавшаяся на счетъ контрибуціонныхъ сборовъ и обходившаяся весьма дорого.

Въ то же время послѣдовало высочайшее повелѣніе объ увеличеніи средствъ православнаго духовенства въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, гдѣ оно имѣло лишь самыхъ бѣдныхъ прихожанъ изъ крестьянъ и чиновниковъ и находилось еще не задолго до мятежа въ рабскомъ угнетеніи у ксендза и помѣщика. На всѣ губерніи было назначено распредѣлить ежегодной прибавки 400,000 руб., и велѣно было выдать прибавку и за вторую половину 1864 года, которая уже истекала.

Такимъ образомъ, содержаніе городского приходскаго священника увеличено въ годъ до 400 руб. сер., (въ губернскихъ городахъ до 700), а сельскаго въ общей сложности не ниже 220 руб., тогда какъ нѣкоторые получали до того времени лишь до 80 руб. въ годъ жалованья—и, конечно, не могли собрать съ прихожанъ такой же суммы. Постоянное уваженіе и вниманіе, оказываемое православному духовенству какъ самимъ начальникомъ края, такъ и прибывшими въ край рус-

скими дѣятелями, придало сильное оживленіе этому важнѣйшему въ томъ краѣ сословію. Но нигдѣ такъ сильно не пробудилось духовенство какъ въ Минской губерніи. Тамъ оно быстро сознало предстоящія ему значеніе и дѣятельность и все ничтожество польскаго вліянія въ губерніи. Руководимое многими въ высшей степени замѣчательными по уму и характеру пастырями, какъ напр. благочинные Еремичъ и Русецкій, оно учредило съѣзды въ благочиніяхъ, на которыхъ опредѣлило отказаться вовсе отъ употребленія польскаго языка въ своихъ семействахъ и наблюдать за своими сочленами, придерживающимися нѣкоторыхъ обрядностей, завѣщанныхъ уніею и не свойственныхъ православію. Духовенство это въ концѣ 1864 года прислало отъ себя депутацію къ начальнику края съ представленіемъ въ знакъ признательности святой иконы и весьма знаменательнаго письма, за подписью множества священниковъ Минской епархіи.

Надо замѣтить, что движенію этому не мало способствовалъ престарѣлый архіепископъ Антоній, жившій въ Минскѣ на покоѣ. Въ этой губерніи въ теченіе 1864 года совершилось безъ всякаго со стороны правительства вмѣшательства, при пробужденіи лишь самого духовенства, нѣсколько значительныхъ обращеній въ православіе цѣлыми деревнями. Тамъ же въ глубинѣ Игуменскаго

уѣзда появился молодой ксендзъ Заусцинскій, краснорѣчиво проповѣдывавшій крестьянамъ, что они русскіе и что только въ единеніи съ господствующею въ государствѣ народностью и церковью они могутъ быть счастливы. Смѣлая рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе. На него сначала не обращали почему-то вниманія. Время однако показало, что молодой ксендзъ не увлекался, а выдерживалъ всевозможныя стѣсненія и преслѣдованія отъ своего начальства, былъ переводимъ изъ прихода въ приходъ, (конечно въ худшіе), но вездѣ неизмѣнно слѣдовалъ своему побужденію. Впослѣдствіи онъ былъ вызванъ въ Вильну, но и тамъ правительственные прелаты хотѣли его затереть; однако на него было обращено вниманіе и, хотя до времени, по крайней еще его молодости, всѣ предположенія его оставлены безъ послѣдствія, ему дали весьма значительный приходъ въ Виленской губерніи *).

Я привелъ этотъ эпизодъ для того, чтобы показать насколько правительство, въ предпринятомъ имъ обрусеніи того края, опирается на мѣстныя потребности и природныя силы и что задача наша въ томъ краѣ, особенно въ нѣкоторыхъ

*) Впослѣдствіи личность ксендза Заусцинскаго совершенно стушевалась. Ему однако принадлежитъ починъ въ употребленіи русскаго языка въ дополнительномъ р.-к. богослуженіи.

частяхъ его, не такъ сложна: она затемняется только по нашей собственной нерѣшительности.

Съ возвращеніемъ Михаила Николаевича въ край на неопредѣленное время должно было измѣниться положеніе генерала Крыжановскаго. Онъ не могъ оставаться вѣчно помощникомъ тѣмъ болѣе, что начальникъ края избралъ себѣ помощника по гражданской части. Нѣкоторое время положеніе было самое натянутое; но болѣзнь генерала Крыжановскаго ускорила развязку; онъ сильно занемогъ, доктора опасались за его жизнь. Начальникъ края почти каждый день навѣщалъ больнаго. Генералу Крыжановскому было разрѣшено отправиться для излѣченія болѣзни за границу съ увольненіемъ отъ должности помощника. Его принесли на креслѣ до вагона и докторъ сопровождалъ его до Берлина. Какъ извѣстно, онъ впослѣдствіи поправился и его ожидала широкая дѣятельность на востокѣ нашего отечества*).

Помощникомъ командующаго войсками былъ назначенъ начальникъ 5-й дивизіи генералъ Хрущовъ, севастопольскій герой, съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, гроза мятежниковъ въ Царствѣ Польскомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самый скромный

---

*) Ген.-ад. Крыжановскій былъ послѣднимъ Оренбургскимъ генералъ-Губернаторомъ.

и добродушный человѣкъ. Онъ прибылъ въ край лишь въ августѣ мѣсяцѣ, т. е. по пріѣздѣ уже ген. Потапова, и держалъ себя все время совершенно въ сторонѣ отъ дѣлъ *).

Между тѣмъ во 2-й половинѣ іюня начались приготовленія къ пріѣзду Государя и къ смотру. Войска, т. е. нѣсколько полковъ пѣхоты, полевой артиллеріи и казаковъ стягивались въ Вильну, гдѣ и расположились лагеремъ въ Закретѣ и на обширномъ полѣ за Зеленымъ мостомъ по дорогѣ въ Верки. Начались ученья, пальба изъ орудій. Солдатики, не смотря на постоянныя передвиженія и погоню за повстанцами, имѣли бодрый видъ и подправлялись къ смотру.

Начальникъ края озаботился въ это время составить расчисленіе сколько издержано правительствомъ на содержаніе подъ стражею, производство дѣлъ и отправку при двухъ жандармахъ въ отдаленнѣйшія губерніи ксендзовъ, католическихъ монаховъ и монахинь и т. п. Число всѣхъ этихъ лицъ простиралось слишкомъ до 200, считая и тѣхъ, которыя еще содержались подъ стражею, и по среднимъ выводамъ оказалась сумма въ 68,000 руб., которую начальникъ края предположилъ взы-

*) А. П. Хрущовъ скончался въ должности генералъ-Губернатора Западной Сибири.

скать съ оставшагося на мѣстѣ духовенства въ видѣ вычета изъ годоваго жалованья по третямъ. Лица, оказавшія противодѣйствіе мятежу, были изъяты отъ этихъ вычетовъ; всѣ же прочія, не исключая и епископовъ, ему подвергнуты. Впрочемъ, не смотря на то, что римско-католическое духовенство обезпечено правительствомъ несравненно болѣе, чѣмъ православное, жалованье составляетъ для него лишь часть доходовъ, и потому вычетъ этотъ былъ для духовенства почти вовсе нечувствителенъ.

Такъ прошелъ іюнь мѣсяцъ; въ первыхъ числахъ іюля было получено изъ императорской главной квартиры въ Киссингенѣ увѣдомленіе, что Его Величество прибудетъ въ Вильну 7-го ввечеру, а 8-го рано по утру изволитъ смотрѣть войска и затѣмъ отправится далѣе. Немедленно начались приготовленія во дворцѣ генералъ-губернатора. Для Его Величества очищенъ былъ весь нижній этажъ, т. е. жилыя комнаты. Все семейство генералъ-губертора выѣхало на эти дни. Дворцовый дворъ и садъ были убраны гирляндами и разноцвѣтными фонарями; комендантомъ дворца и завѣдующимъ пріемомъ назначенъ былъ состоящій при управленіи генералъ Абрамовичъ. На Замковой горѣ приготовляли фейерверкъ; улицы города убирались флагами, вензелями и т. п. Къ сожалѣнію, въ день

пріѣзда съ полудня начался дождь, не перестававшій лить цѣлый день. Часовъ въ 8 вечера начальникъ края со всѣмъ своимъ штабомъ и высшими военными и гражданскими чиновниками отправился на станцію желѣзной дороги.

Императоръ Александръ II прибылъ поздно, около 10-ти часовъ вечера. Городъ весь былъ залитъ огнемъ иллюминаціи, не смотря на безпрерывный дождь. Вдали ударили въ колоколъ, на крѣпости выстрѣлили изъ пушки, началась пальба, загудѣли колокола на всѣхъ церквахъ и костелахъ. Громкіе «ура» слились въ отдаленіи въ неясный гулъ; но вотъ шумъ все ближе, восклицанія отчетливѣе; за дворцовыми воротами проскакалъ одинъ казакъ, другой, промчался полиціймейстеръ—и затѣмъ, при слабомъ освѣщеніи разноцвѣтныхъ фонарей, показалась въ воротахъ коляска на бѣлыхъ коняхъ. Водворилось молчаніе. Изъ экипажа вышелъ Государь Императоръ въ сопровожденіи генерала Муравьева. Поздоровавшись съ карауломъ, Его Величество быстро обошелъ ряды и, ставъ подъ балкономъ, приказалъ пропустить роту по отдѣленіямъ мимо себя. Его Величество окружали: генер. Муравьевъ, шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, намѣстникъ Царства Польскаго графъ Бергъ (прибывшій съ Государемъ изъ Эйдкунена на прусской границѣ, куда онъ выѣхалъ за два дня на встрѣчу),

генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ 2-й, командиръ л.-гв. Литовскаго полка, нѣкоторые другіе генералы и флигель-адъютантъ Рылѣевъ. Осмотрѣвъ войска, Его Величество направился во дворецъ и пригласилъ къ себѣ начальника края. Докладъ продолжался около часа. Его Величество отправилъ въ Красное Село собственноручную телеграмму къ Великому Князю Александру Александровичу съ извѣщеніемъ о прибытіи въ Вильну. Между тѣмъ на верху П. В. Муравьева принимала графа Адлерберга, князя Долгорукова и намѣстника Царства. Министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ, тоже прибывшій вмѣстѣ съ Государемъ, посѣтилъ начальника края на другой день въ 7-мъ часу утра.

На слѣдующій день, рано по утру, Государь Императоръ принималъ на дворцовомъ дворѣ различныя депутаціи отъ крестьянскихъ обществъ, собравшихся къ этому дню въ Вильну, чтобъ выразить своему благодѣтелю безпредѣльную любовь и благодарность. Затѣмъ въ 8-мъ часу утра, вмѣстѣ съ начальникомъ края, Его Величество отправился въ Свято-Духовъ монастырь, гдѣ собралось все виленское духовенство и гражданскіе чиновники. Митрополитъ Іосифъ съ крестомъ въ рукахъ встрѣтилъ Государя на паперти и привѣтствовалъ краткою рѣчью.

Изъ собора Его Величество черезъ весь городъ проѣхалъ за рѣку Вилію, гдѣ на обширномъ полѣ ожидали его войска. Сѣвъ на коня, Государь почти шагомъ объѣзжалъ ряды для того, повидимому, чтобы начальникъ края могъ за нимъ слѣдовать тоже на конѣ. Когда окончился церемоніальный маршъ, Государь Императоръ, подъѣхавъ къ Пермскому 101-му пѣхотному полку, приказалъ взять на караулъ и, лично дѣлая салютъ, поздравилъ Михаила Николаевича шефомъ полка. Михаилъ Николаевичъ былъ такъ взволнованъ, что до самого отъѣзда Его Величества не могъ хорошенько понять въ чемъ дѣло и лишь черезъ нѣсколько дней онъ убѣдился въ своемъ назначеніи шефомъ, прочитавъ о томъ въ приказѣ.

Въ 11-мъ часу утра, Государь Императоръ, прослѣдовавъ снова черезъ весь городъ въ сопровожденіи начальника края и помянутыхъ мною лицъ, а равно многочисленнаго конвоя, отправился по желѣзной дорогѣ въ Динабургъ, гдѣ тоже произвелъ смотръ, остался всѣмъ доволенъ и приказалъ телеграфировать о томъ начальнику края въ Вильну. Напрасно виленское римско-католическое духовенство въ полномъ облаченіи и съ хоругвями вышло на встрѣчу Его Величества подъ портикъ кафедральнаго собора. Государь проѣхалъ мимо.

По случаю Высочайшаго посѣщенія Вильны на-

чальникъ края испросилъ многимъ чиновникамъ значительныя награды, въ особенности же членамъ губернскихъ присутствій, повѣрочныхъ коммиссій и мировымъ посредникамъ.

Немедленно по отданіи въ приказѣ о назначеніи генерала Муравьева шефомъ Пермскаго полка, всѣ офицеры этого полка явились представиться своему шефу. Черезъ нѣсколько дней весь полкъ былъ приглашенъ своимъ шефомъ на праздникъ во дворецъ. Въ огромной залѣ былъ накрытъ столъ для офицеровъ, а внутренній дворъ былъ уставленъ столами и скамьями для солдатъ, убранъ березками, зеленью и флагами. Посрединѣ двора на возвышеніи, окруженномъ зеленью, помѣстился хоръ музыки. Во дворцѣ происходилъ торжественный пиръ, а вечеромъ начальникъ края съ многочисленной свитой отправился въ Закретскій лагерь и провелъ нѣсколько часовъ въ кругу офицеровъ, слушая пѣсенниковъ и любуясь солдатскою пляскою.

Вообще это было время, когда Михаилъ Николаевичъ достигъ апогея; край былъ усмиренъ, Государь былъ видимо къ нему милостивъ. Изо всей Россіи къ нему слали привѣты и адресы, а въ краѣ онъ былъ благотворимъ всѣми русскими. Повсюду сельскія общества ставили въ церквахъ иконы съ надписями въ память славнаго его управленія.

Въ іюлѣ же мѣсяцѣ прибыла изъ пограничныхъ съ Сѣверо-Западнымъ краемъ уѣздовъ Смоленской губерніи депутація, состоявшая изъ 8—10 почетнѣйшихъ крестьянъ, чтобы представить виленскому генералъ-губернатору икону Смоленской Божіей Матери въ благодарность за спасеніе ихъ отъ угрожавшаго имъ вторженія мятежниковъ. Драгоцѣнная икона эта была осыпана жемчугомъ и каменьями и вокругъ нея была вычеканена благодарственная надпись.

Начальникъ края былъ глубоко тронутъ этимъ привѣтомъ простыхъ русскихъ людей, изъ коихъ многіе были свидѣтелями отечественной войны 1812 года. Старшины и головы въ парадныхъ кафтанахъ, обшитыхъ золотыми галунами и кистями, собрались въ большую гостинную и, поднеся икону начальнику края, присоединили къ ней безхитростную благодарственную рѣчь. Сцена этого пріема была въ то же время срисована находившимся въ то время въ Вильнѣ художникомъ Тихобразовымъ, а съ депутатовъ снята фотографическая группа, которая и хранится въ семьѣ Михаила Николаевича Муравьева.

Жандармскому офицеру Медвѣдеву было поручено показать православнымъ гостямъ всѣ святыни и достопримѣчательности въ Вильнѣ. Черезъ нѣсколько дней депутаты отправились къ себѣ.

Михаилъ Николаевичъ не остался передъ ними въ долгу, и въ началѣ 1865 г. отправилъ въ смоленскій соборъ отысканные въ землѣ въ одномъ изъ уѣздовъ Августовской губерніи остатки древняго напрестольнаго креста и серебряной чаши, принадлежавшіе, судя по надписи, уцѣлѣвшей на чашѣ, смоленскому храму Пресвятой Богородицы и захваченные во время польскаго нашествія въ 1612 году.

Еще до отъѣзда изъ Петербурга, Михаилъ Николаевичъ, чувствуя необходимость лѣченія, испросилъ Высочайшее соизволеніе на 2-хъ мѣсячную отлучку въ деревню въ томъ предположеніи, что генералъ Потаповъ въ скоромъ времени прибудетъ въ Вильну. Генералъ Потаповъ освободился однако лишь въ концѣ іюля и немедленно пріѣхалъ въ Вильну; но такъ какъ нужно было еще нѣкоторое время, чтобы ознакомиться съ дѣлами, то начальникъ края, отмѣнивъ свою поѣздку, рѣшился пить воды въ Вильнѣ въ теченіе августа; тѣмъ временемъ и полковникъ Черевинъ постоянно просился, тоже для лѣченія, за границу, но отпускъ его былъ откладываемъ до прибытія генерала Потапова.

На слѣдующій день по прибытіи генерала Потапова, всѣ гражданскіе чины ему представлялись. На слѣдующій, кажется, день былъ большой прі-

емъ во дворцѣ, по случаю дня рожденія Государыни Императрицы (27 іюля).

Въ тотъ же день я распечаталъ всю приходящую почту и отправился вечеромъ съ докладомъ. По отъѣздѣ полковника Черевина, мнѣ довелось исправлять его обязанности.

Я ходилъ съ докладомъ, какъ и полковникъ Черевинъ, рано утромъ и вечеромъ въ концѣ 8-го часа. Вечерній докладъ, обыкновенно самый продолжительный, сталъ съ этого времени еще болѣе затягиваться, такъ какъ генералъ Потаповъ при немъ присутствовалъ, и иногда продолжался съ 1/2 8-го до 11-ти часовъ, но за то онъ сдѣлался чрезвычайно интересенъ; М. Н. Муравьевъ, знакомя своего новаго помощника съ дѣлами, останавливался почти надъ каждой бумагой, объясняя ему весь предшествовавшій ходъ дѣла, не говоря о множествѣ замѣчаній, мыслей и мнѣній, высказывавшихся по этому случаю и которыхъ я бы никогда не услыхалъ при иныхъ условіяхъ.

Ген. Потаповъ съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ начальника края и лишь съ осторожностью дѣлалъ свои замѣчанія; но уже по этимъ осторожнымъ возраженіямъ не трудно было въ скоромъ времени замѣтить, что между М. Н. Муравьевымъ и А. Л. Потаповымъ не можетъ быть общаго ни въ основныхъ воззрѣніяхъ на дѣло, ни

въ пріемахъ. Гдѣ нужно было дѣйствіе, тамъ его прежде всего занимали бюрократическія формальности и подробности.

Вся текущая переписка по общей канцеляріи, сношенія съ губернаторами и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ министрами, а также по крестьянской коммисіи и политическому отдѣленію была возложена на генерала Потапова; но всѣ вступавшія бумаги, даже и на его имя, по прежнему докладывались генералъ-губернатору, который и клалъ на нихъ свои резолюціи,—такъ что генералъ Потаповъ только подписывалъ часть бумагъ, исполняемыхъ по резолюціямъ генералъ - губернатора, которыя я разсылалъ по разнымъ канцеляріямъ. Потапову ужасно не нравилось, что я пишу резолюціи и онъ неоднократно, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, выдергивалъ у меня доложенныя уже бумаги и дѣлалъ самъ отмѣтки въ слѣдующемъ родѣ: такъ, напримѣръ, гдѣ я коротко писалъ: его высокоп—ство прик. отказать, онъ писалъ очень аккуратно: его высокопревосходительство не изволилъ признать возможнымъ удовлетворить означенное представленіе такого-то губернатора,—можно по этому судить сколько у него пропадало напрасно времени за этимъ занятіемъ. Я охотно уступалъ ему свои права, хотя Михаилъ Николаевичъ искоса поглядывалъ на такое нару-

шеніе принятаго уже порядка; но когда вернулся полковникъ Черевинъ, то онъ рѣшительно изъ-за этого не поладилъ съ Потаповымъ.

Во второй половинѣ августа долженъ былъ снова прослѣдовать чрезъ Вильну обратно за границу Государь Императоръ. За день до прибытія его пріѣхалъ въ Вильну намѣстникъ Царства Польскаго, графъ Бергъ. Въ тотъ же день онъ обмѣнялся визитомъ съ генералъ-губернаторомъ.

На слѣдующее утро свита намѣстника представилась начальнику края.

Графу Бергу и его свитѣ былъ данъ начальникомъ края обѣдъ въ семействѣ; а вечеромъ они отправились на дебаркадеръ для встрѣчи Государя. На этотъ разъ Его Величество пробылъ на станціи лишь около получасу, милостиво принялъ начальника края, а графъ Бергъ отправился вмѣстѣ съ нимъ до границы.

Въ этотъ разъ между графомъ Бергомъ и генераломъ Муравьевымъ состоялось предварительное соглашеніе о возвращеніи Августовской губерніи въ управленіе Царства Польскаго, и всеподданнѣйшій объ этомъ докладъ генерала Муравьева, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами, былъ переданъ графу Адлербергу для поднесенія во время пути и, черезъ нѣсколько дней, состоялось объ этомъ высочайшее повелѣніе. Въ первой части

я говорилъ о томъ, какъ жители Августовской губерніи, особенно крестьянское населеніе, сожалѣли, разставаясь съ временнымъ управленіемъ Виленскаго генералъ-губернатора. Дѣйствительно, много было получено имъ оттуда благодарственныхъ заявленій.

Къ этому времени относится весьма знаменательный эпизодъ обрѣтенія древней плащаницы, принесенной три столѣтія тому назадъ въ даръ монахинями московскаго Новодѣвичьяго монастыря (незадолго передъ тѣмъ основаннаго) смоленскому епископу Гурію, похищенной изъ Смоленска во время польскаго нашествія 1612 года и, вмѣстѣ со многими драгоцѣнностями, подаренной королемъ польскимъ бывшему въ Вильнѣ Базиліанскому монастырю.

Открытіе это произошло по слѣдующимъ указаніямъ.

Священникъ Антоній Пщолко, ревностный сотрудникъ начальника края въ дѣлѣ возстановленія православной святыни, отыскалъ въ одномъ археологическомъ журналѣ, издававшемся въ Вильнѣ въ 1820-хъ годахъ настоящаго столѣтія, описаніе и изображеніе этой плащаницы, составленное однимъ монахомъ по случаю того, что орденъ незадолго передъ тѣмъ поднесъ плащаницу эту, въ

видѣ презента, знаменитому Адаму Чарторыжскому для коллекціи древностей его Пулавскаго музея.

Начальникъ края, разсмотрѣвъ это описаніе, твердо рѣшился отыскать святыню, замѣчательную и по изяществу работы и по своимъ историческимъ странствованіямъ. Немедленно сообщилъ онъ всѣ необходимыя указанія намѣстнику Царства, который поручилъ разысканіе плащаницы бывшему тогда генералъ-полиціймейстеру Трепову.

Не мало было труда отыскать ее. Пулавскій музей въ 1831 г. былъ разграбленъ. До возстанія драгоцѣннѣйшіе предметы были вывезены оттуда въ Галицію и частію къ графамъ Замойскимъ, родственникамъ Чарторыжскихъ.

Офицеръ, которому поручено было разслѣдованіе, наводилъ самыя точныя справки въ Клеменсовскомъ замкѣ Замойскихъ въ Люблинской губерніи; но тамъ ему объявили, что когда въ 1850 году Замойскіе отстроили свой варшавскій палацъ, то лучшія вещи изъ Клеменсова были ими перевезены туда; палацъ же этотъ былъ конфискованъ и разграбленъ послѣ покушенія, сдѣланнаго изъ него на жизнь графа Берга.

Но это не остановило дѣятельнаго офицера. Въ разысканіяхъ своихъ онъ напалъ на одного стараго слугу, натиравшаго въ замкѣ 30 лѣтъ сряду полы. Старикъ этотъ припомнилъ, что дѣйствительно ви-

дѣлъ въ прежнее время огромное шитое золотомъ и шелками изображеніе лежащаго во гробѣ Спасителя, но драгоцѣнныхъ камней на немъ уже не было и гдѣ оно теперь—сказать не могъ.

Упомянутый офицеръ неоднократно осматривалъ клеменсовскія рѣдкости и постоянно наводилъ рѣчь на знаменитую шелковую картину. Старшій дворецкій все уклонялся. Но однажды, пригласивъ съ собою всѣ мѣстныя власти и обязавъ дворецкаго явиться съ ключами отъ всѣхъ тайныхъ складовъ, нашъ археологъ рѣшился на послѣднюю попытку. Все было осмотрѣно, даже старые флигеля съ библіотекой и старыми картинами; но за библіотекою хранились еще два тайные склада, отворяемые лишь весьма рѣдко, когда пріѣзжали въ замокъ члены семейства Замойскаго и когда при нихъ провѣтривали старинныя вещи. Въ первомъ складѣ нашли какія-то картины, японскій фарфоръ, старыя люстры, туалетныя принадлежности и всякій хламъ; но когда вошли во 2-й складъ, то увидали тамъ множество знаменъ, ковровъ, турецкихъ палатокъ и попонъ—трофеи предковъ Замойскихъ. Между ними одинъ коверъ съ блестящими углами, тщательно согнутый, висѣлъ на перекладинѣ, и, когда офицеръ подошелъ къ нему, старый слуга, шедшій за нимъ, тихо сказалъ: это онъ.

Радостно бросились искатели на указанный пред-

меть и, бережно развернувъ его, увидали передъ собою шитое золотомъ и шелками изображеніе лежащаго во гробѣ Спасителя и учениковъ Его, преклонившихся надъ Нимъ. Лишь одинъ уголъ каймы съ надписью былъ оторванъ, а вся плащаница была невредима, хотя и безъ драгоцѣнныхъ камней.

Графъ Бергъ прислалъ эту драгоцѣнность генералу Муравьеву и когда на слѣдующій затѣмъ день она положена была въ пріемной на двухъ большихъ столахъ и отецъ Антоній явился съ рисункомъ, который послужилъ къ ея отысканію — всѣ были удивлены: снимокъ былъ сдѣланъ совершенно сходно; на немъ были ясны всѣ надписи, нѣсколько потускнѣвшія въ подлинникѣ.

Немедленно же, при трогательномъ письмѣ, начальникъ края препроводилъ священную плащаницу эту съ особымъ чиновникомъ къ московскому митрополиту для торжественнаго возвращенія въ ту обитель, гдѣ за 300 лѣтъ передъ тѣмъ надъ нею трудились инокини.

Поставленная сначала въ Успенскомъ соборѣ, плащаница, по вторичномъ освященіи, была въ слѣдующее же воскресеніе торжественно отнесена при крестномъ ходѣ въ Новодѣвичій монастырь, откуда вышли ей на встрѣчу священнослужители и монахини съ крестомъ и хоругвями.

Черезъ годъ обитель эта отблагодарила ревно-

стнаго поборника православія, которому обязана была возвращеніемъ этой святыни, отправивъ ему въ Петербургъ, по увольненіи его отъ управленія краемъ, драгоцѣнную икону Смоленской Божіей Матери, риза которой была вышита жемчугами, въ свидѣтельство того, что и въ наши дни искусство шить жемчугомъ также процвѣтаетъ въ этой древней обители.

II.

Реформы въ учебномъ вѣдомствѣ Виленскаго округа. — Лица, стоявшія во главѣ управленія православною церковью въ Сѣверо-Западномъ краѣ.—Упраздненіе католическихъ монастырей въ краѣ.—Василій Өедоровичъ Ратчъ и его труды по составленію описанія мятежа въ Сѣверо-Западномъ краѣ.—Развитіе общественной жизни въ Вильнѣ.—Театръ.—Посѣщеніе Вильны сенаторомъ гр. Дм. Андр. Толстымъ.

Въ теченіе всего августа 1864 года Михаилъ Николаевичъ пилъ воды и старался менѣе заниматься, пользуясь помощью генерала Потапова. Съ сентября онъ бросилъ лѣченіе, которое однако значительно ему помогло, и снова сталъ засиживаться за дѣлами далеко за полночь. Къ этому времени возвратился изъ заграницы полковникъ Черевинъ, вступившій въ отправленіе прежнихъ своихъ обязанностей.

Сдавъ ему дѣла, я моіъ болѣе предаться общественной жизни Вильны того времени. Въ это

время общество было уже весьма многочисленное; ко многимъ пріѣхали жены, дамы лучшаго круга; Катерина Васильевна Потапова собирала у себя часто по вечерамъ избранный кружокъ, гдѣ по временамъ встрѣчалось и нѣсколько лицъ изъ высшаго польскаго общества. Въ проѣздъ его высочества принца Ольденбургскаго въ домѣ ея былъ данъ концертъ, для чего приглашены были какія-то мѣстныя знаменитости. Въ русскомъ клубѣ стали еженедѣльно давать семейные вечера; съ Рождества появились неизбѣжные маскарады, завязывались интрижки, устраивались поѣздки на тройкахъ и вообще все стало походить на обыкновенную жизнь.

Въ это же время я имѣлъ случай сблизиться со всею учебною частью Виленскаго округа, вслѣдствіе расположенія ко мнѣ попечителя. У Ив. Петр. Корнилова очень часто собирались на обѣды его сотрудники со всѣхъ концовъ края, и эти собранія носили характеръ совершенно исключительный. Здѣсь говорилось единственно объ учебномъ дѣлѣ, о распространеніи образованія въ народѣ, о пресѣченіи польской пропаганды и т. п.

Я выше сказалъ уже, что переломъ въ дѣятельности Виленскаго округа совершился по возвращеніи начальника края изъ Петербурга, гдѣ были

утверждены многія изъ его предположеній но этой части. Къ осени стали поступать изъ Петербурга и приводиться въ исполненіе окончательныя высочайшія повелѣнія. Многія гимназіи и прогимназіи, имѣвшія до того польскій характеръ, упразднены и замѣнены двухкласными народными училищами. Положено основаніе образованію народа, въ широкомъ смыслѣ слова. Сколько школъ открыто, сколько учителей и семинаристовъ выписано изъ Россіи! Учреждена въ м. Молодечнѣ, Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи, учительская семинарія; увеличены учебныя средства; учреждены стипендіи,—много пожертвовано было на учебное дѣло и, можно сказать, что едва-ли не болѣе всего сдѣлано было для обрусенія края этимъ вѣрнѣйшимъ путемъ.

На постройку церквей были отпущены новыя суммы. Сколько мнѣ помнится—во всемъ краѣ, до конца 1864 года, было ассигновано свыше 700,000 рубл. на разныя церковныя постройки. Академики Резановъ и Чагинъ не успѣвали разсматривать проекты, поступавшіе изъ уѣздовъ. Была рѣчь въ то время объ учрежденіи въ Вильнѣ духовной академіи; но дѣло это, къ сожалѣнію, осталось безъ послѣдствій, хотя отъ него ожидали большой пользы.

Во главѣ управленія православною церковью

стояли тогда нѣкоторыя весьма замѣчательныя лица. Литовская епархія заключаетъ въ себѣ три губерніи: Виленскую, Гродненскую и Ковенскую. Въ первой изъ этихъ губерній православныхъ до 200,000, въ Гродненской свыше 400,000, на Жмуди же считаютъ ихъ едва 20,000 при милліонномъ католическомъ населеніи *).

Литовскій митрополитъ Іосифъ управлялъ епархіею и имѣлъ двухъ викаріевъ: брестскаго—Игнатія, живущаго въ Гроднѣ, и ковенскаго—Александра, постоянно пребывавшаго въ Вильнѣ и непосредственно участвовавшаго въ дѣлахъ управленія. Онъ былъ тогда человѣкъ еще молодой, весьма живого ума.

Изъ членовъ консисторіи выдавался болѣе всѣхъ молодой, энергичный и чрезвычайно просвѣщенный отецъ Антоній Пщолко, всею душою преданный новымъ стремленіямъ, благодатно повѣявшимъ на православную церковь въ Западномъ краѣ. Мы всѣ его любили и уважали, и онъ помогалъ начальнику края въ разъясненіи разныхъ вопросовъ, касавшихся нуждъ православнаго духовенства въ краѣ.

Въ Минской губерніи, составлявшей отдѣльную епархію, былъ тогда архіепископомъ Михаилъ, также прежній уніатъ, получившій вскорѣ послѣ

*) Цифры—1866 г. Нынѣ число это удвоилось.

возсоединенія санъ епископа, а въ 1840-хъ годахъ Минскую епархію съ 800,000 бѣдныхъ православныхъ бѣлоруссовъ.

Осенью 1864 года было приступлено къ исполненію Высочайшаго повелѣнія объ упраздненіи католическихъ монастырей. Ближайшее распоряженіе въ этомъ дѣлѣ было предоставлено генералъ-губернатору. Ему разрѣшено было тѣ католическіе монастыри, которые принимали какимъ бы то ни было образомъ участіе въ мятежѣ или содѣйствовали ему, закрывать, принимая мѣры къ распредѣленію монашествующихъ.

Въ то время въ Сѣверо-Западномъ краѣ было всего 40 монастырей штатныхъ и 6 заштатныхъ; послѣдніе сами собою должны были упраздниться, когда число монаховъ уменьшится до 8-ми. Поэтому дѣло шло о 40 штатныхъ монастыряхъ, изъ коихъ 10 было женскихъ. Больше всего ихъ было въ самой Вильнѣ, на Жмуди и въ юго-западной части Минской губерніи (уѣзды Слуцкій, Новогрудскій и Минскій).

Къ сожалѣнію, въ этомъ дѣлѣ произошла ошибка. Такъ какъ собиравшіяся о монастыряхъ свѣдѣнія касательно участія ихъ въ мятежѣ, а равно и о числѣ и составѣ монашествующихъ, поступали неодновременно, то и закрытіе монастырей продолжалось болѣе года, что естественно поддерживало

броженіе умовъ и возбуждало ропотъ. Къ сожалѣнію, нельзя было заранѣе рѣшить сколько монастырей упразднить и сколько оставить, куда и какъ распредѣлить монашествующихъ и т. п. Такимъ образомъ, нѣкоторые монахи раза по три совершали путешествіе, переѣзжая безъ нужды изъ одного упраздненнаго монастыря въ другой.

Мнѣ помнится, что до весны 1865 года было закрыто всего 24 штатныхъ монастыря и 3 заштатныхъ; но извѣстно, что упраздненіе ихъ, хотя не въ тѣхъ уже размѣрахъ, продолжалось и въ управленіе генерала Кауфмана *).

Въ числѣ мѣръ, одобренныхъ въ маѣ мѣсяцѣ 1864 г. въ Петербургѣ, заключался переводъ самогитской католической епархіи изъ м. Ворни въ г. Ковно. Только по упраздненіи въ этомъ городѣ нѣкоторыхъ монастырей и по приспособленіи ихъ подъ помѣщеніе епископа Волончевскаго и его капитула, совершилось это перемѣщеніе, не вызвавшее ничего, кромѣ сожалѣнія и досады въ членахъ капитула, вынужденныхъ покинуть свой земной рай, свое маленькое царство. Народъ остался довольно безучастенъ къ этому дѣлу.

*) Въ настоящее время всѣхъ римско-католическихъ монастырей въ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ осталось: два мужскихъ и четыре женскихъ.

Всѣ ворненскія запустѣвшія зданія остались собственностью римско-католическаго духовенства.

Только съ перемѣщеніемъ епископа въ Ковно уменьшилось его вредное противодѣйствіе. Здѣсь онъ былъ постоянно на виду и значеніе его естественно ослабѣло отъ совмѣстнаго пребыванія съ сильною свѣтскою властью.

Въ Минской губерніи дѣлу закрытія монастырей противодѣйствовалъ епископъ Войткевичъ, посылавшій однако начальнику края, при каждомъ торжественномъ случаѣ, письменное поздравленіе, почерпнутое, по большей части, изъ стариннаго письмовника. Для устраненія его вліянія, въ Минскую губернію посланы были дѣйствительный статскій совѣтникъ Стороженко и адъютантъ В. Ѳ. Самаринъ. Первый изъ нихъ, г. Стороженко, извѣстный въ нашей литературѣ, по возвращеніи оттуда составилъ нѣсколько краснорѣчивыхъ описаній этого довольно дикаго, болотистаго и своеобразнаго края, представилъ отчетъ о состояніи православныхъ храмовъ и древнихъ монастырей и написалъ, напечатанное впослѣдствіи, сочиненіе: Сонъ въ Несвижѣ.

Несвижъ — богатое мѣстечко Слуцкаго уѣзда, древняя резиденціи фамиліи Радзивилловъ. Тамъ донынѣ сохранился старинный замокъ, гдѣ жили причудливые владѣльцы Несвижа и княжествъ

Слуцкаго, Мира и Олыки. Подъ впечатлѣніемъ старины, авторъ засыпаетъ въ древнемъ замкѣ, гдѣ ему отвели помѣщеніе, и переносится во время сна въ минувшее. Изображенные на стѣнахъ Радзивиллы выходятъ изъ портретныхъ рамокъ и подымаютъ страшный шумъ. Они распоряжаются въ своемъ замкѣ, но никто не является на ихъ зовъ, кромѣ стараго дворецкаго; они требуютъ отцовъ бернардиновъ—имъ отвѣчаетъ дворецкій, что ихъ разослали по другимъ монастырямъ; они собираются идти къ королю въ Варшаву; имъ говорятъ, что его уже нѣтъ; хотятъ въ изступленіи взяться за оружіе—имъ напоминаютъ, что Муравьевъ въ Вильнѣ; и скорбные Радзивиллы уходятъ къ угру въ свои рамки.

Г. Стороженко читалъ свое сочиненіе въ разныхъ кружкахъ и вездѣ оно было встрѣчено съ любопытствомъ и участіемъ, такъ какъ въ немъ довольно живо изображены польское чванство и прошлое польское величіе въ сравненіи съ печальной дѣйствительностью.

Около того же времени начальникъ края поручилъ генералу Василію Ѳедоровичу Ратчу (извѣстному въ нашей литературѣ статьями объ историческомъ развитіи артиллеріи въ Россіи и объ Аракчеевѣ) составить описаніе послѣдняго мятежа въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Съ этой цѣлью

ему открыты были всѣ сокровища политическаго отдѣленія генералъ-губернаторской канцеляріи, ему разрѣшено было присутствовать во всѣхъ слѣдственныхъ коммисіяхъ при допросахъ, бесѣдовать со всѣми политическими преступниками, особенно же съ осужденными, объ ихъ взглядѣ на мятежъ и получать отъ нихъ разныя указанія.

Самые богатые матеріалы были въ рукахъ генерала Ратча. Онъ былъ снабженъ денежными средствами, получилъ въ помощь артиллерійскаго офицера капитана Гоголя для собиранія, по его указанію, разныхъ данныхъ и былъ освобожденъ отъ большей части лежавшихъ на немъ прямыхъ обязанностей. Сочиненіе должно было быть написано по заранѣе одобренному плану. Размѣры его были самые широкіе и почтенный Ратчъ напечаталъ въ теченіе нѣскольких лѣтъ свое капитальное изслѣдованіе, переведенное на французскій языкъ графомъ Ожаровскимъ.

Генералъ Ратчъ присутствовалъ въ слѣдственныхъ коммисіяхъ. Дѣйствительно, въ это время онѣ представляли высокій интересъ. Въ нихъ допрашивались не дюжинные повстанцы, а члены революціонной организаціи края—крупные вліятельные помѣщики, высшія должностныя лица. Не мало тутъ было людей весьма образованныхъ,

слово которыхъ много имѣло значенія для уразумѣнія истины.

Сѣть все болѣе и болѣе распутывалась. Тайная работа, ведущаяся съ давнихъ лѣтъ, выходила наружу; но только въ началѣ 1865 года было обнаружено положительное участіе петербургскихъ дѣятелей и извѣстнаго Огрызко въ дѣлѣ послѣдняго мятежа.

Особенный интересъ возбудило открытіе организаціи новогрудскаго уѣзда, Минской губерніи. Одинъ изъ задержанныхъ помѣщиковъ, человѣкъ богатый, предпочитавшій свое спокойствіе всему на свѣтѣ, выдалъ всѣхъ своихъ прежнихъ сообщниковъ, сборщиковъ народной офяры, изъ коихъ многіе уже успѣли перейти на сторону правительства, какъ ни въ чемъ ни бывало, и, до нѣкоторой степени, пріобрѣсти общее наше довѣріе. Досада ихъ была жестокая; но по большей части они поплатились краткимъ арестомъ и тройнымъ взысканіемъ того, что было ими пожертвовано въ пользу мятежа.

Позднею осенью 1864 г., когда русское общество стало пополняться нрибывающими изъ уѣздовъ членами повѣрочныхъ коммисій, общественная жизнь замѣтно оживилась.

Къ нашему временному обществу стали примыкать и мѣстные русскіе, долго недовѣрчиво дер-

жавшіеся въ сторонѣ—и подъ конецъ довольно сблизившіеся.

Постоянно неутомимо трудясь надъ упроченіемъ русскаго значенія въ краѣ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ всѣми силами старался соединить русское общество и поддержать общественную жизнь въ Вильнѣ. За Вильною послѣдовали Ковно и Гродно, гдѣ, говорятъ, жили дѣйствительно весело и непринужденно, какъ всегда бываетъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ слишкомъ сильной власти. Виленцы постоянно ѣздили въ гости къ своимъ ковенскимъ и гродненскимъ друзьямъ, благодаря желѣзной дорогѣ.

Виленскій театръ былъ въ то время въ полномъ блескѣ. Изъ Петербурга и изъ Москвы нѣкоторые второстепенные актеры переселились въ Вильну. Изъ польскихъ актеровъ остались только лучшіе, хорошо знавшіе по русски; кромѣ того, на всю зиму былъ приглашенъ за весьма приличное вознагражденіе г. Васильевъ 2, имѣвшій незадолго передъ тѣмъ непріятности съ петербургской дирекціей. Подъ его руководствомъ устроились два весьма порядочные спектакля любителей въ пользу пріютовъ.

8-го ноября повторились почти въ такомъ же видѣ, какъ и въ прошломъ году, заявленія и демонстраціи въ честь Михаила Николаевича Мура-

вьева. Въ этотъ же вечеръ была назначена свадьба одного изъ его адъютантовъ, Павлова, съ дочерью виленскаго губернатора. Весь городъ собрался по этому случаю въ дворцовую церковь, а оттуда въ домъ С. Ѳ. Панютина. Начальникъ края провелъ едва ли не единственный этотъ вечеръ въ гостяхъ.

Въ концѣ года генералъ Потаповъ отправился въ объѣздъ губерній: Витебской, Могилевской и Минской. Полковникъ Черевинъ снова уѣхалъ въ отпускъ и я вновь остался одинъ при генералъ-губернаторѣ. Въ это время вечерніе доклады были уже не столь продолжительны. Иногда случалось даже, что въ 11-мъ часу всѣ занятія кончались и тогда начальникъ края слушалъ чтеніе «Исторіи польскаго возстанія 1831 года» Смита, обращая особенное вниманіе на событія въ Литвѣ, Самогитіи и въ юго-западныхъ губерніяхъ и сравнивая ихъ съ событіями послѣдняго мятежа.

Въ декабрѣ 1864 г. посѣтилъ Вильну сенаторъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой *). Извѣстное сочиненіе его «Le catholicisme Romain en Russie» незадолго предъ тѣмъ произвело большое впечатлѣніе и было признано однимъ изъ самыхъ серьезнѣйшихъ сочиненій въ этомъ родѣ. Графъ Д. А.

---

*) Впослѣдствіи Министръ Народнаго Просвѣщенія, а затѣмъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

Толстой провелъ въ Вильнѣ два или три дня, осмотрѣлъ всѣ возникавшія и обновляемыя православныя святыни и сообщилъ много интересныхъ данныхъ о католическихъ монастыряхъ и чтимыхъ католиками святыняхъ въ Западномъ краѣ.

Такъ кончался 1864 годъ. Казалось, все благопріятствовало начальнику края продолжать начатое имъ дѣло. Вѣсти изъ Петербурга, къ которымъ такъ чувствительны во всѣхъ генералъ-губернаторствахъ, были самыя удовлетворительныя.

Между тѣмъ мы всѣ уже совершенно освоились съ Вильной, и никакъ не предполагали, что наше тамъ пребываніе приходило къ концу.

III.

Костюмированный балъ въ Вильнѣ.—Дѣло Іосафата Огрызки.—Отправленіе за границу виленскихъ монахинь-визитантинокъ.—Печатные списки лицамъ, высланнымъ изъ края.

Новый годъ начался рядомъ праздниковъ и вечеровъ. Общее вниманіе въ то время было поглощено готовившимся 6-го января въ залахъ клуба костюмированнымъ баломъ въ огромныхъ размѣрахъ, на который должно было съѣхаться гродненское и ковенское общество.

Цѣны за входъ были высокія. Ужинъ былъ приготовленъ на 250 человѣкъ, а всего явилось къ вечеру до 400 лицъ. Мужчины преобладали на этомъ праздникѣ; но между ними мало было костюмированныхъ. Дамы же, за исключеніемъ пожилыхъ, явившихся въ домино, всѣ были въ довольно изящныхъ костюмахъ; тутъ были и амуры со стрѣлами, и ночь, и солнце, и Мари-Антуанетъ; но,

какъ и слѣдовало ожидать, преобладалъ русскій сарафанъ.

Начальникъ края желалъ, чтобы всѣ его окружающіе были на этомъ маскарадѣ и провелъ вечеръ въ своемъ дворцѣ одинъ-одинехонекъ.

Вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ высшемъ государственномъ управленіи *), Михаилъ Николаевичъ хотѣлъ немедленно ѣхать въ Петербургъ, чтобъ убѣдиться можетъ ли онъ оставаться на своемъ мѣстѣ; но назначенный съ 15-го января рекрутскій наборъ и ожидавшіеся при этомъ безпорядки и волненія задержали его мѣсяца на два. Наборъ обошелся совершенно благополучно; предназначенные по жребію къ сдачѣ были распущены по домамъ и явились всѣ къ сборнымъ пунктамъ въ назначенный срокъ. Въ народѣ не ходило никакихъ толковъ и только на Жмуди произошло два или три случая побѣга.

Предвидя петербургскую поѣздку, мы старались, по направленію даваемому дѣламъ, уловить мысль начальника края и опредѣлить: намѣренъ-ли онъ оставаться, или нѣтъ. По всему видно было, что онъ не предполагалъ такъ скоро совсѣмъ покинуть Вильну: онъ постоянно возбуждалъ новые вопро-

*) Назначеніе Великаго Князя Константина Николаевича, неблаговолившаго къ М. Н. Муравьеву, предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

сы, предпринималъ разныя преобразованія, требующія времени; противъ обыкновенія, откладывалъ нѣкоторыя распоряженія до возвращенія изъ столицы и вообще не спѣшилъ ничѣмъ.

Въ это время въ Петербургѣ надѣлало много шуму дѣло Огрызки. Онъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ (акцизъ) и завѣдывалъ нѣсколькими отдѣленіями на правахъ вице-директора. Управляя въ прежнее время дѣлами г-жи Карамзиной (мать г. Демидова) и дѣлая крупные обороты, онъ пріобрѣлъ значительныя связи. Постоянный ходатай за поляковъ въ петербургскомъ обществѣ, онъ устроилъ на деньги г-жи Карамзиной (взятыя для поправленія своихъ дѣлъ) польскую типографію и отпечаталъ новымъ изданіемъ «Volumina Legum»—полное собраніе польскихъ законовъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ одинъ только разъ Огрызко скомпрометировалъ себя, издавая въ Петербургѣ польскую газету «Słowo», которая была закрыта по распоряженію правительства. Передъ началомъ мятежа, по случаю учрежденія акцизныхъ управленій, онъ своимъ вліяніемъ опредѣлилъ многихъ единомышленниковъ на должности по акцизу въ западныхъ губерніяхъ и въ Россіи, гдѣ это было нужно и удобно.

Еще въ самомъ началѣ управленія Михаила Ни-

колаевича Муравьева было найдено при одномъ изъ обысковъ письмо, которое кидало на Огрызко тѣнь сомнѣнія. Все письмо было загадочное, хотя въ сущности въ немъ заключалась лишь рекомендація одного чиновника нѣкоему Оскеркѣ, который впослѣдствіи оказался однимъ изъ главныхъ дѣятелей мятежа. Тогда же было сообщено объ этомъ въ Петербургъ; но оттуда полученъ сухой отзывъ, что Огрызко находится не въ томъ департаментѣ, какъ пишетъ генералъ Муравьевъ, и признается, по словамъ начальства, однимъ изъ благонадежнѣйшихъ чиновниковъ.

Въ концѣ 1864 года, во время раскрытія революціонной организаціи, имя Огрызко стало появляться чаще и чаще въ разныхъ видахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживались и нѣкоторые другіе петербургскіе пособники мятежа. Начальникъ края только и ждалъ этого и сталъ энергически требовать задержанія Огрызко и доставленія его въ Вильну. Неоднократно петербургскія власти отклоняли это его намѣреніе; но наконецъ, уже въ началѣ 1865 года, онъ настоялъ на своемъ, хотя проволочка эта дала возможность Огрызко уничтожить передъ арестомъ всѣ бумаги. Привезенный въ Вильну, Огрызко долго упорно молчалъ; но одинъ изъ членовъ слѣдственной коммисіи, капитанъ Гоголь (написавшій впослѣдствіи прекрасную

брошюру: «Іосафатъ Огрызко и петербургскій жондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа») съумѣлъ исторгнуть изъ него своею обходительностью нѣкоторыя весьма важныя признанія.

Процессъ этотъ тянулся довольно долго, едва-ли не цѣлый годъ и при всемъ томъ Огрызко, сознаваясь лично, не дѣлалъ никакихъ стороннихъ указаній. Только при генералѣ Кауфманѣ онъ былъ осужденъ къ смертной казни; но сосланъ на 20 лѣтъ въ каторжную работу.

Въ Петербургѣ многіе были скандализированы дерзкимъ арестомъ высшаго должностного лица. У нѣкоторыхъ была душа не на мѣстѣ передъ пріѣздомъ въ столицу генерала Муравьева. Другіе же радовались обнаруженію петербургскаго содѣйствія мятежу и ожидали новыхъ важныхъ открытій и арестовъ между петербургскими поляками-чиновниками.

Въ бюрократическихъ сферахъ были увѣрены, что Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ погорячился и если ничто не откроется, то онъ себя окончательно скомпрометируетъ.

Послѣдствія извѣстны: оказалось, что Іосафатъ Огрызко съ давнихъ поръ тайно содѣйствовалъ польскимъ повстанцамъ и во время мятежа стоялъ во главѣ петербургскаго революціоннаго отдѣла, пользуясь значительною властью надъ дѣйствіями

мятежниковъ въ краѣ. Онъ олицетворялъ въ себѣ одновременное служеніе двумъ противоположнымъ началамъ и стремленіямъ: законному правительству и вооруженному мятежу.

Незадолго до поѣздки нашей въ Петербургъ, именно 5-го марта 1865 г., совершилось отправленіе виленскихъ монахинь-визитантинокъ заграницу — во Францію.

Виленскій монастырь этого ордена былъ единственнный въ Россіи. Правила монашествующихъ отличались нѣкоторыми особенностями и вообще большою строгостью. Посторонніе вовсе не допускались въ монастырь. Бесѣдовать съ родственниками монахини могли лишь чрезъ двойную рѣшетку; также присутствовали онѣ и при богослуженіи, невидимыя для стоящихъ въ храмѣ. Настоятельница ежегодно избиралась ими самими и по окончаніи срока служенія и по избраніи другой исполняла самыя тяжкія обязанности новиціатки.

Не смотря на столь строгія правила, въ монастырь этотъ поступали почти исключительно вдовы и дѣвицы изъ лучшихъ фамилій, съ наибольшимъ образованіемъ и религіозною ревностью. По большей части онѣ дѣлали значительные вклады и сохраняли свои капиталы до смерти за собою. Рядомъ съ этимъ монастыремъ, находящимся на краю города, былъ домъ престарѣлой графини Чапской,

съ самымъ большимъ и роскошнымъ садомъ въ Вильнѣ. Любимая дочь ея была въ монастырѣ и сама графиня почиталась какъ бы его покровительницею. Когда впослѣдствіи я осматривалъ это дотолѣ сокрытое отъ нашихъ глазъ зданіе, то увидалъ крытый монастырскій ходъ, ведущій къ внутренней оградѣ сада, и въ концѣ его калитку. Графиня Чапская пользовалась одна привиллегіею посѣщать инокинь.

При всей строгости монастырскихъ правилъ, съ началомъ мятежа городскіе обыватели стали усиленно посѣщать монастырскую аудиторію. Визитантинки сдѣлались оракуломъ. Онѣ предвѣщали побѣды, увѣщевали быть стойкими въ борьбѣ съ врагами церкви и т. п.

Въ началѣ 1865 года, когда уже упразднили многіе монастыри, визитантинки, опасаясь, чтобъ и ихъ не постигла такая же участь, вступили въ переписку со своими заграничными друзьями, съ главнымъ монастыремъ того же ордена во Франціи — въ Аннеси. На этотъ призывъ къ помощи отозвалось французское духовенство. Изъ нѣсколькихъ монастырей ордена визитантинокъ къ нимъ посланы приглашенія. Равнымъ образомъ архіепископы Орлеанскій — Дюпанлу и Ліонскій — кардиналъ де-Бональ собственноручными письмами обѣщали виленскимъ визитантинкамъ пріютъ и покровительство.

Всѣ эти письма были задержаны на почтѣ и доставлены главному начальнику края.

Весьма вѣроятно, что визитантинки были бы оставлены въ покоѣ, такъ какъ не было законнаго основанія упразднять ихъ монастырь; но, войдя въ сношенія съ иностранными правительственными лицами, онѣ подали поводъ къ недовѣрію. При всемъ томъ имъ не было сдѣлано никакихъ стѣсненій со стороны мѣстныхъ властей; сами визитантинки были напуганы и хотѣли оставить Россію. Въ Парижѣ, повидимому, приняли въ ихъ дѣлѣ живое участіе и папскій нунцій при французскомъ дворѣ просилъ содѣйствія посла нашего г. Будберга къ спокойному и безпрепятственному удаленію визитантинокъ за границу.

Ходатайство это не осталось безъ послѣдствій. Немедленно было поручено губернатору объявить затворницамъ, что со стороны правительства нѣтъ препятствія къ ихъ удаленію, и всѣ онѣ единогласно изъявили желаніе выѣхать за границу. Имъ дозволено было взять съ собою всѣ ихъ частные капиталы и все движимое имущество *). На отправ-

*) Въ очень занимательной повѣсти г. Кояловича «Отставка Диктатора» совершенно фантастически описано выселеніе визитантинокъ. Тамъ М. Н. Муравьевъ является ночью въ монастырь, чего никогда не было и не могло быть. Правительство захватываетъ ихъ сокровища. Никакихъ сокровищъ тамъ не было, а еслибъ и были, то правительство ихъ не касалось и даже не приводило въ извѣстность.

ку и шитье одежды дано было довольно времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждой изъ нихъ было выдано по 50 руб. сер. деньгами на путевыя издержки, а до границы онѣ были отвезены безвозмездно въ двухъ особыхъ вагонахъ.

Заграничный поѣздъ отходилъ тогда рано утромъ, часовъ въ 6½. Поэтому назначена была въ 4 часа ранняя обѣдня (тихая мша), послѣ которой онѣ должны были отправиться на путевой дворъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими чиновниками генералъ-губернатора, я, по желанію Михаила Николаевича, присутствовалъ при этомъ трогательномъ прощаніи визитантинокъ съ родиной. По окончаніи обѣдни, когда было еще темно, мы вошли чрезъ сѣни въ галлерею, гдѣ всѣ онѣ собрались. Теплыя одежды ихъ были подъ платьемъ и онѣ отправлялись въ путь въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ съ деревяннымъ распятіемъ поперекъ груди. У самого входа въ корридоръ одна высокая монахиня въ большомъ бѣломъ чепцѣ держала въ поднятой рукѣ плоскій ночникъ, обдававшій слабымъ мерцаніемъ догоравшей свѣчи группу печальныхъ женщинъ и рабочихъ, выносившихъ ихъ домашній скарбъ. Когда все было сложено на телѣги, началось прощанье. Прислуга, состоявшая изъ нѣсколькихъ старушекъ, горько заливалась слезами; но ни одного вздоха не вырвалось у визитантинокъ. Молча цѣловали

онѣ порогъ своего жилища, покидая его. Онѣ держали себя спокойно, съ необыкновеннымъ достоинствомъ. Мы разсадили ихъ по каретамъ, приготовленнымъ на дворѣ—и поѣздъ тронулся. Ѣхать было скользко, въ гору, по гололедицѣ, лошади спотыкались. Солнце еще не проглянуло. Кое-гдѣ мерцали фонари.

На желѣзной дорогѣ ждали монахинь губернаторъ и прелатъ Немѣкша, назначенный сопутствовать имъ до границы. Нѣкоторыя изъ нихъ, не выходившія изъ обители болѣе 20-ти лѣтъ, были изумлены при видѣ вагоновъ и съ любопытствомъ насъ о нихъ распрашивали.

Офицеръ, сопровождавшій ихъ до границы, разсказывалъ, что въ Эйдкуненѣ нѣмцы обступили ихъ, привели женъ и дѣтей и, нисколько не стѣсняясь, курили сигары и смѣялись надъ бѣдными путницами.

Хотя съ точки зрѣнія государственной пользы и необходимости ослабленія католицизма въ краѣ и можно оправдать удаленіе этихъ отшельницъ, но этимъ въ то время не удовольствовались и во что бы то ни стало старались представить ихъ руководительницами мятежа.

Въ мартѣ были окончены печатаніемъ подробные списки лицамъ, высланнымъ изъ края. Въ спискахъ этихъ сосланные раздѣлялись на слѣдующія категоріи: 1) лица, сосланныя безъ суда

и слѣдствія по распоряженію главнаго начальника края,—такихъ было всего до 270 человѣкъ; 2) лица, сосланныя административнымъ же порядкомъ на жительство во внутреннія и отдаленныя губерніи, но по окончаніи суда или слѣдствія, когда не представлялось юридическихъ доказательствъ къ ихъ обвиненію, но тѣмъ не менѣе имѣлись данныя относительно ихъ содѣйствія мятежу; лицъ этихъ двухъ категорій было до 1,260, и, наконецъ, 3), лица осужденныя военными судами и приговоренныя къ наказаніямъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ правъ состоянія и съ конфискованіемъ имѣнія; такихъ лицъ вмѣстѣ съ Августовской губерніей было до 2,000 и въ томъ числѣ казненныхъ въ 6-ти губерніяхъ сѣверо-западнаго края 127 человѣкъ, а въ Августовской губерніи около 50 *).

Печатные списки эти были разосланы во всѣ присутственныя мѣста и въ уѣзды, какъ для точнаго конфискованія имѣній, которыя были внесены въ списки, такъ и для наблюденія за наложеніемъ секвестра на имѣнія лицъ, сосланныхъ административнымъ порядкомъ. Эти-то послѣднія лица, указомъ 10-го декабря 1865 года, и были обязаны

*) Вотъ несомнѣнныя данныя о числѣ понесшихъ наказаніе не только за свои заблужденія, осужденныя исторіей, но и за кровавыя дѣйствія надъ невинными и беззащитными.

продать свои имѣнія русскимъ. Кромѣ помянутыхъ лицъ, вошедшихъ въ печатные списки, была еще категорія высланныхъ, и самая многочисленная,— это переселенцы изъ шляхетскихъ околицъ, отправленные для водворенія за Ураломъ. Ихъ насчитывалось всего свыше 5,000 человѣкъ обоего пола.

Передъ поѣздкой въ Петербургъ всѣ эти числовыя свѣдѣнія были сообщены чрезъ военнаго министра для всеподданнѣйшаго доклада.

IV.

Отъѣздъ ген. Муравьева въ Петербургъ. — Аудіенція его у Императора Александра II. — Генералъ Кауфманъ. — Высочайшій рескриптъ объ увольненіи ген. Муравьева отъ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ и о возведеніи его въ графское достоинство. — Отъѣздъ въ Вильну новаго ген.-губернатора Сѣверо-Западнаго края — ген. К. П. Кауфмана.

Отъѣздъ генералъ-губернатора въ столицу былъ назначенъ на 18-е марта въ четвергъ на 5-й недѣлѣ великаго поста. Подобно какъ въ 1864 году, были сдѣланы на время его отсутствія письменныя распоряженія объ управленіи краемъ, на этотъ разъ болѣе сложныя, такъ какъ часть гражданскихъ дѣлъ ввѣрялась генералу Потапову, вмѣстѣ съ правомъ конфирмаціи по слѣдственнымъ и военно-суднымъ дѣламъ; но важнѣйшія отрасли управленія остались въ рукахъ начальника края, не смотря на его отъѣздъ. Генералъ Хрущовъ дол-

женъ былъ вступить по закону во временное командованіе войсками округа.

Утромъ въ день отъѣзда, во дворецъ собрались всѣ власти и начальникъ края передавалъ имъ приказанія. Съ генералъ-губернаторомъ отправились почти тѣ же лица, за исключеніемъ адъютанта и ординардца, которые на этотъ разъ были другіе. Поѣздъ тронулся въ 5 часовъ и снова провожая генералъ-губернатора толпа чиновъ кричала ему: «до свиданья!», но на этотъ разъ они его уже не дождались.

Въ Вильнѣ никто не предполагалъ, что Михаилъ Николаевичъ оставитъ управленіе краемъ и думали, что онъ вернется недѣли черезъ три съ новыми полномочіями. По домашнимъ распоряженіямъ, сдѣланнымъ во дворцѣ, можно было предполагать, что и самъ генералъ-губернаторъ думалъ возвратиться въ край.

Въ Петербургѣ на этотъ разъ онъ былъ встрѣченъ только близкими знакомыми и безъ всякихъ заявленій. Къ тому же отъ дороги онъ совершенно расхворался. Когда на слѣдующій день мы всѣ явились къ генералъ-губернатору, онъ сидѣлъ въ углу кабинета на мягкомъ креслѣ, совсѣмъ больной и разстроенный, сильно кашлялъ и отпустилъ насъ всѣхъ по домамъ. Нѣсколько дней не могъ онъ почти ничѣмъ заниматься; чаще другихъ его

посѣщали въ это время министры: государственныхъ имуществъ, ген.-адъют. Зеленый, и военный — Д. А. Милютинъ.

Первую аудіенцію у Государя генералъ Муравьевъ имѣлъ лишь черезъ недѣлю по пріѣздѣ и вынужденъ былъ тогда же отказаться отъ управленія краемъ. Государь просилъ его повременить немного для пріисканія ему преемника. Въ то же время рѣшено было отправить на мѣста, для устраненія разныхъ недоразумѣній и собранія свидѣній о настроеніи умовъ, директора канцеляріи военнаго министерства генералъ-адъютанта Кауфмана, который неоднакратно въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ былъ посылаемъ въ Вильну, Варшаву и Ригу, какъ для соглашенія между собою тамошнихъ главныхъ начальниковъ, такъ и по устройству военно-укружного управленія.

Между тѣмъ наступала 4-го апрѣля Пасха и уже былъ заготовленъ приказъ объ увольненіи генерала Муравьева съ возведеніемъ въ графское достоинство; но въ страстную субботу къ вечеру пріѣхалъ изъ Вильны генералъ Кауфманъ, доложилъ Государю о положеніи дѣлъ и вручилъ письмо отъ генерала Потапова съ просьбою разрѣшить ему пріѣздъ въ столицу. Поэтому ожидаемыя перемѣны были отложены, а генералу Потапову разрѣшено было пріѣхать.

Генералъ Потаповъ пріѣхалъ ввечеру въ самый Свѣтлый праздникъ и на слѣдующій день происходило у Государя Императора совѣщаніе по дѣламъ Западнаго края.

Въ то же самое утро, т. е. въ понедѣльникъ на Святой, 5-го апрѣля, часа за два до съѣзда, происходившаго во дворцѣ, имѣлъ свой послѣдній всеподданнѣйшій докладъ въ качествѣ генералъ-губернатора Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Онъ представилъ лишь о награжденіи незначительнаго числа самыхъ близкихъ своихъ чиновниковъ и записку о томъ, какія мѣры считаетъ онъ необходимыми для упроченія въ Западномъ краѣ нашего могущества. Это была его лебединая пѣснь.

Въ это утро ничто еще не было рѣшено; но въ 2 часа получена была Государемъ телеграмма изъ Ниццы съ извѣщеніемъ о безнадежномъ почти состояніи здоровья Государя Наслѣдника Цесаревича. Его Величество назначилъ, вслѣдствіе этого, отъѣздъ свой въ тотъ же вечеръ и, предназначивъ на мѣсто Михаила Николаевича Муравьева—генерала Кауфмана, призвалъ его въ тотъ же день и приказалъ ему поѣхать къ генералу Муравьеву объявить о предстоящемъ его назначеніи, которое должно было послѣдовать изъ Ниццы.

Я описываю въ самомъ сокращенномъ видѣ это весьма интересное время потому, что всѣ эти со-

бытія происходившія въ сферахъ правительственныхъ, весьма подробно описаны въ оставшихся послѣ графа Муравьева запискахъ *).

Здѣсь я позволю себѣ однако сдѣлать маленькую оговорку; въ запискахъ своихъ покойный графъ старается дать понять, что назначеніе генерала Кауфмана состоялось по его представленію; можно думать, что въ этомъ отношеніи онъ ошибался или заблуждался. Я положительно помню, что Михаилъ Николаевичъ никакъ не ожидалъ этого назначенія, которое въ первое время ему было даже почему-то непріятно; но онъ, скрѣпя сердце и изъ необходимости поддержать солидарность свою съ генераломъ Кауфманомъ и дабы не оттолкнуть его отъ своей системы, радостно привѣтствовалъ его назначеніе и былъ до конца постояннымъ оффиціальнымъ его защитникомъ. Можно полагать, что Д. А. Милютинъ, въ виду возникшихъ затрудненій, и старался узнать мнѣніе графа о Кауфманѣ передъ тѣмъ, чтобъ реко-

*) Записки графа Михаила Николаевича Муравьева напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., томъ XXXVI, ноябрь и декабрь, стр. 387—432 и 623—644 и въ изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь и февраль, стр. 131—166, 291—304.

Записки М. Н. Муравьева напечатаны съ небольшими пропусками особенно рѣзкихъ строкъ въ отзывахъ его о государственныхъ дѣятеляхъ Россіи.

мендовать его Государю, и что Его Величество тоже спрашивалъ о немъ генерала Муравьева, въ отвѣтъ на его представленіе о Хрущовѣ; но Михаилъ Николаевичъ не придавалъ этому особаго значенія, хотя, конечно, хорошо отозвался о личности Кауфмана на запросъ Государя.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ назначенія преемника Муравьеву голосъ Милютина имѣлъ перевѣсъ. Сознавая что такъ будетъ, Д. А. Милютинъ развлекалъ въ то же время вниманіе Михаила Николаевича проектомъ устройства изъ упраздненныхъ въ Ковенской губерніи монастырей постоянныхъ казармъ въ центральныхъ пунктахъ для наблюденія за краемъ въ политическомъ отношеніи.

Имѣя постоянною цѣлью, какъ онъ выражался, распластать Жмудь, Михаилъ Николаевичъ совершенно увлекся этимъ проектомъ, составилъ всѣ соображенія и постоянно бесѣдовалъ объ этомъ съ Д. А. Милютинымъ, который былъ занятъ главнымъ образомъ мыслію о генералѣ Кауфманѣ.

Такъ какъ приказъ объ увольненіи графа Муравьева состоялся въ Ниццѣ 17-го апрѣля и былъ опубликованъ въ Петербургѣ лишь 25-го, то Михаилъ Николаевичъ еще 3 недѣли управлялъ краемъ; но въ дѣйствительности онъ уже ко всему относился равнодушно, какъ бы нехотя занимался и ждалъ только поскорѣе развязки.

Увольненіе его состоялось почти незамѣтно, ибо въ этотъ промежутокъ времени, 12-го апрѣля, скончался въ Ниццѣ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ— и событіе это, поразившее всю Россію, изгладило впечатлѣніе рескрипта, даннаго графу Муравьеву.

Рескриптъ этотъ былъ полученъ съ фельдъегеремъ изъ Ниццы, 24-го апрѣля 1865 г. ввечеру, и генералъ-адъютантъ Д. А. Милютинъ поспѣшилъ лично доставить его нововозведенному графу.

Рескриптъ былъ въ высшей степени важный и величавый; въ немъ описывались не служебныя только дѣла, а великіе гражданскіе подвиги и въ концѣ сказано было, что генералъ Муравьевъ возводится въ графское достоинство, въ увѣковѣченіе памяти о заслугахъ его предъ престоломъ и отечествомъ.

Не смотря на то, что награда эта была уже задолго передъ тѣмъ оглашена, радость въ семействѣ графа Муравьева была общая. Въ тотъ же день, какъ рескриптъ появился въ газетахъ, т. е. 25-го утромъ, всѣ близкіе графу лица и прежніе многочисленные его сослуживцы посѣтили его. Нѣкоторые изъ близкихъ его чиновниковъ, невѣрившіе его увольненію, не смотря на всю очевидность этого, были сильно огорчены и бродили какъ тѣни. На другой день къ нему собра-

лись всѣ офицеры Преображенскаго полка, который былъ особенно обласканъ и отличенъ графомъ во время усмиренія мятежа. Трогательно было видѣть этого старца, быстро перешедшаго отъ самой оживленной государственной дѣятельности къ жизни частнаго человѣка, окруженнаго семьею своихъ бывшихъ сотрудниковъ. Управленіе было такъ ему сродно, что, казалось, будто у него отняли что-то ему принадлежащее. Онъ былъ ласковъ и веселъ, окруженный людьми доброжелательными; но какая-то грусть въ немъ просвѣчивала. Подчасъ онъ забывался и съ нѣкоторыми изъ приходящихъ начиналъ вдаваться въ проекты и давать рѣшенія по дѣламъ, отъ него уже болѣе не зависившимъ. Лица эти дѣлали видъ совершенной покорности, щадя старика, въ которомъ при всей его казавшейся суровости, была какая-то притягательная сила добродушія и ума.

Можно себѣ представить какое впечатлѣніе произвела въ Вильнѣ и во всемъ краѣ вѣсть о его увольненіи. Свершилось наконецъ то, чему многіе не хотѣли вѣрить. Друзья его и недруги сознали въ одинъ мигъ все значеніе этого необыкновеннаго человѣка; адресы, письма и телеграммы самаго трогательнаго содержанія какъ отъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и отъ обществъ буквально посыпались изъ

всѣхъ концовъ края. Многіе хотѣли оставить край, но графъ ихъ удерживалъ отъ этого, объясняя имъ, что теперь-то они и должны выказать свое мужество, продолжая съ постоянствомъ поддерживать и проводить принятую въ краѣ систему.

Можно безошибочно сказать, что только съ увольненіемъ его окончательно восторжествовала какъ въ жизни края, такъ и во взглядахъ правительства его идея: — западный край Россіи долженъ сдѣлаться оплотомъ русской силы и разсадникомъ русскихъ государственныхъ началъ; тѣ, которые желаютъ оставаться въ немъ поляками и служить отвлеченной польской идеѣ, должны чувствовать себя въ немъ временно терпимыми, но нежелательными иностранцами.

Графъ Михаилъ Николаевичъ успокаивалъ всѣхъ русскихъ Сѣверо-Западнаго края, испуганныхъ нѣмецкою фамиліею новаго генералъ-губернатора, и имѣлъ съ нимъ довольно частыя бесѣды. Дня черезъ два послѣ увольненія своего, графъ представилъ у себя на квартирѣ генералу Кауфману всѣхъ находившихся при немъ въ столицѣ чиновниковъ и военныхъ, которые пожелали возвратиться въ край. Въ семействѣ графа было дано два обѣда, и на первомъ изъ нихъ былъ также генералъ К. П. Кауфманъ.

1-го мая 1865 года, ровно черезъ два года послѣ

назначенія Михаила Николаевича Муравьева Виленскимъ генералъ-губернаторомъ, новый начальникъ края отправился въ Вильну. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами и я оставилъ въ то время Сѣверо-Западный край.

Послѣдній годъ жизни Графа М. Н. Муравьева.

Покидая дѣло, обращавшее на себя вниманіе всей Россіи, графъ М. Н. Муравьевъ понималъ, что въ его лѣта и въ его исключительныхъ условіяхъ, возвратъ къ широкой государственной дѣятельности невозможенъ; но ему казалось, что миссія его еще не кончена; онъ опасался забвенія, легкомыслія и возврата къ той правительственной системѣ управленія окраинами, которая причинила намъ столько вреда и къ искорененію которой онъ приложилъ столько усилій. Ему представлялось, что во время кипучей работы въ Вильнѣ онъ недостаточно освѣтилъ въ общемъ сознаніи необходимость всего имъ совершеннаго, начатаго и задуманнаго.

Съ этою цѣлью онъ предположилъ составить на досугѣ обширный трудъ въ видѣ отчета по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ и, доложивъ объ этомъ Государю при послѣднемъ свиданіи, получилъ соизволеніе Его Величества.

Не скоро однако затихли коллективныя привѣтствія и выраженія сочувствія, вызванныя патріотическою дѣятельностью графа въ Вильнѣ. До половины мая производилась разборка адресовъ, писемъ и сочувственныхъ телеграммъ не только изъ покинутаго края, но и изъ разныхъ концовъ Россіи. Нѣкоторые отвѣты требовали особой обдуманности и обработки, и время уходило. Лѣто рѣшено было провести въ любимомъ родовомъ имѣніи, с. Сырцѣ, въ 10 верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи Луги, С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги. Такъ какъ уже два лѣта подрядъ тамъ не жили, то потребовались нѣкоторыя усиленныя приготовленія и въ 20-хъ числахъ графъ Михаилъ Николаевичъ переселился со всею семьею въ Сырецъ до конца Августа.

Получивъ приглашеніе прибыть туда черезъ нѣкоторое время, когда управлюсь со своими дѣлами, я засталъ графа въ половинѣ іюня нѣсколько посвѣжѣвшимъ и отдохнувшимъ и привезъ съ собою всѣ матеріалы — сборники циркуляровъ, черновыя бумаги, мои личныя замѣтки, номера газетъ, разныя числовыя таблицы и т. п. — чтобы на досугѣ разобраться и составить, какъ мы предполагали, планъ будущаго сочиненія. Большая часть этого оказалась впослѣдствіи излишнею, такъ какъ графъ сохранилъ такую свѣжесть памяти, что и черезъ

полгода, когда онъ дѣйствительно приступилъ къ составленію своихъ записокъ, мнѣ весьма рѣдко приходилось напоминать ему о послѣдовательности событій. Между тѣмъ жизнь въ Сырцѣ потекла тихо и довольно однообразно.

Мѣстность, на которой расположена усадьба, ровная, открытая; лѣсъ довольно отдаленъ, постройки всѣ деревянныя, тянутся вдоль проѣзжей дороги и отдѣлены отъ нея молодыми посадками съ изгородью. Главный домъ передѣланъ изъ стараго съ небольшими и невысокими комнатами. Къ нему была сдѣлана Михаиломъ Николаевичемъ пристройка сбоку, состоявшая изъ прихожей съ довольно красивой башней, изъ большой столовой, небольшихъ кабинета и спальни и двухъ балконовъ, а верхній этажъ стараго дома былъ устроенъ въ видѣ мансардъ, отчего подъ желѣзною крышей и въ знойные дни становилось очень жарко. Въ этомъ домѣ помѣщались графъ и графиня и все семейство Шереметевыхъ съ ихъ англичанкой.

Въ противоположную отъ дороги сторону домъ выходилъ въ старый тѣнистый садъ, спускавшійся къ небольшому озеру версты въ двѣ длиною, которое и составляло всю прелесть мѣстоположенія.

Невдалекѣ отъ главнаго дома и также на линіи сада былъ большой флигель, въ которомъ помѣщались второй сынъ Михаила Николаевича, графъ

Леонидъ Михайловичъ (въ то время герольдмейстеръ), съ женою и многочисленными дѣтьми. Далѣе за этимъ флигелемъ была заложена деревянная церковь, которую предположено было закончить и освятить къ слѣдующемъ году.

Противъ бокового парадняго подъѣзда большого дома былъ другой, низкій и длинный флигель для пріѣзжающихъ, въ которомъ помѣщались: приглашенный на все лѣто врачъ Варенуха, я и наѣзжавшіе гости. Далѣе шли служебныя постройки. Обѣдъ носили черезъ дворъ.

Во обоихъ домахъ хозяйство было отдѣльное, хотя видѣлись ежедневно и по много разъ. Иногда графъ Леонидъ Михайловичъ обѣдывалъ съ женою у стариковъ, иногда всѣ ходили пить чай къ нимъ на балконъ.

День начинался не рано, около 9 часовъ общимъ чаемъ и кофе, къ которому графъ Михаилъ Николаевичъ не выходилъ. Онъ откашливался цѣлое утро у себя или, въ хорошую погоду, на своемъ маленькомъ балконѣ и покуривалъ, сидя въ кителѣ, трубку. Каждое утро его навѣщалъ докторъ, а потомъ Леонидъ Михайловичъ и они засиживались вдвоемъ. До обѣда я заходилъ къ графу лишь изрѣдка.

Обѣдъ былъ ранній и Михаилъ Николаевичъ, по обыкновенію, уходилъ къ себѣ послѣ обѣда от-

дохнуть, а потомъ пилъ чай съ трубкой на большомъ балконѣ, а въ ненастную погоду въ залѣ. Графиня не дозволяла куренія въ своихъ комнатахъ и графъ безропотно этому подчинялся. Въ Вильнѣ онъ выкуривалъ одну трубку послѣ обѣда въ первой гостинной; въ Петербургѣ же ему дозволялось курить только у себя въ кабинетѣ и утромъ въ крошечной спальной.

Когда, послѣ прогулки, всѣ собирались къ раннему ужину съ ягодами или простоквашей, графъ всегда садился поблизости въ сторонѣ въ большое кресло и наблюдалъ издали, не принимая участія. Передъ этимъ приносили газеты и всѣ жадно на нихъ накидывались. Графъ могъ читать лишь съ большимъ трудомъ по слабости зрѣнія, а потому интересовавшія статьи и новости читались вслухъ мною или графомъ Леонидомъ. Послѣ чтенія шли сужденія, и разговоръ затягивался иногда часовъ до 11-ти. Попрежнему «Московскія Вѣдомости» были любимою газетой.

Однажды въ нихъ былъ затронутъ впервые вопросъ объ остзейскомъ сепаратизмѣ. Графъ задумчиво остановился и, перейдя къ воспоминаніямъ 40-хъ годовъ, говорилъ о патріотической дѣятельности генерала Головина въ этомъ краѣ, о несчастномъ удаленіи изъ Риги преосвященнаго Иринарха и находилъ, что правительству

еще предстоитъ не мало усилій, чтобы перестроить весь этотъ край въ смыслѣ русскихъ государственныхъ началъ: онъ замѣчалъ, что, по счастію, проявленія сепаратизма совпали съ пробужденіемъ нашего національнаго сознанія и что отнынѣ, отчасти по его почину, это сознаніе никогда не ослабѣетъ и сдѣлается доминирующею нотой во всѣхъ проявленіяхъ государственной жизни. Рѣчь его была, какъ всегда, ясна, выразительна, своеобразна и полна глубокаго чувства. Время вполнѣ оправдало всѣ его предвидѣнія.

Со второй половины іюня наступили такія нестерпимыя жары, продолжавшіяся около двухъ недѣль, что всякія прогулки сдѣлались невозможны. Общество собиралось къ обѣду черезъ силу. Люди ходили кругомъ какъ сонныя мухи. Даже вечеромъ чтеніе сдѣлалось вялое. Графъ любилъ грѣться на солнцѣ, но и онъ страдалъ наравнѣ съ другими.

Съ прекращеніемъ жаровъ, жизнь въ Сырцѣ оживилась послѣдовательнымъ пріѣздомъ двухъ депутацій изъ Сѣверо-Западной Россіи: во главѣ первой находился В. Д. Левшинъ *) съ нѣсколькими выдающимися дѣятелями по устройству быта крестьянъ; вторая отъ Виленскаго учебнаго округа—

*) Впослѣдствіи уфимскій и ярославскій губернаторъ. Скончался въ 80-хъ годахъ.

подъ руководствомъ Попечителя Округа, Ивана Петровича Корнилова, одного изъ самыхъ горячихъ и вѣрныхъ поклонниковъ графа Муравьева. Обѣ депутаціи представили адресы въ роскошныхъ альбомахъ съ портретами многочисленныхъ сотрудниковъ графа.

Пріемъ депутацій былъ обставляемъ возможною для деревни торжественностью. Графъ отвѣчалъ на привѣтствія съ большимъ волненіемъ. Затѣмъ слѣдовали обѣды съ тостами, а остальное время проводили въ задушевной бесѣдѣ, въ прогулкахъ и другихъ видахъ сельскаго гостепріимства.

Въ это же время Россію постигло бѣдствіе пожаровъ, разразившихся преимущественно въ Поволжьѣ. Пожаръ Симбирска произвелъ потрясающее дѣйствіе на умы и графъ Михаилъ Николаевичъ, со свойственною ему чуткостью, вспомнилъ все имъ писанное по поводу разселенія изгнанныхъ изъ края поляковъ и увидалъ въ этихъ событіяхъ руку, мстящую за подавленіе мятежа. Въ этомъ смыслѣ онъ набросалъ, диктуя мнѣ, замѣтку, которая и была помѣщена въ одной изъ газетъ. Этимъ собственно и ограничились всѣ наши работы за лѣто.

Приближалась осень, а съ нею и возвращеніе въ городъ, гдѣ ожидались новыя депутаціи изъ

Вильны для представленія адресовъ и альбомовъ. Въ началѣ августа я ранѣе всѣхъ покинулъ Сырецъ и возвратился изъ имѣнія въ Петербургъ къ половинѣ сентября, когда было назначено представленіе изготовленной Сазиковымъ изъ серебра модели виленскаго дворца съ фотографіями всѣхъ ближайшихъ сотрудниковъ графа.

Это поднесеніе было однимъ изъ самыхъ пріятныхъ какъ по оригинальности предмета, такъ и по составу подносителей, и Михаилъ Николаевичъ чувствовалъ себя снова какъ въ Вильнѣ окруженнымъ своими вѣрными.

Съ переѣздомъ въ городъ здоровье графа значительно ухудшилось. Съ наступленіемъ холода и сырости усилились припадки удушливаго кашля. Докторъ Варенуха являлся чаще, иногда пріѣзжалъ и лейбъ-медикъ Цыцуринъ, давнишній консультантъ и пріятель графа, рекомендовавшій для ближайшаго надзора своего подчиненнаго Варенуху. Графъ почти не выѣзжалъ до наступленія зимы. По понедѣльникамъ—день общаго собранія государственнаго совѣта—часто посылалась записка о невозможности, по болѣзни, прибыть въ засѣданіе.

Не задолго до назначенія своего въ Вильну и передъ увольненіемъ отъ должности предсѣдателя

Департамента Удѣловъ *) Михаилъ Николаевичъ продалъ почти третью часть всемилостивѣйше пожалованной ему въ Самарской губерніи земли и на эти деньги купилъ, съ переводомъ долга кредитному обществу, большой недавно отстроенный архитекторомъ Кольманомъ трехъ-этажный домъ на Сергіевской, близъ Воскресенскаго проспекта. Всѣ три этажа въ этомъ домѣ почти одинаковой высоты и одинаково разбиты и отдѣланы. Весь домъ дѣлится пополамъ широкою лѣстницею и въ каждомъ этажѣ по двѣ барскія квартиры. Въ нижнемъ этажѣ отъ входа налѣво поселились графъ и графиня, направо семья Шереметевыхъ, а надъ ними въ третьемъ этажѣ семейство графа Леонида. Такимъ образомъ, половина дома была занята графомъ Муравьевымъ съ его потомствомъ.

Въ эту же осень прибылъ изъ-за границы, по окончаніи образованія, и поселился у нихъ въ отдѣльной квартирѣ со двора старшій изъ внуковъ, сынъ Ковенскаго губернатора, графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ младшій, который и поступилъ тогда же, по желанію дѣда, въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ **). Хотя въ каждой семьѣ ве-

*) По увольненіи отъ должности Министра Государственныхъ Имуществъ генералъ Муравьевъ сохранилъ почти въ теченіи года означенную должность.

**) Нынѣ министръ иностранныхъ дѣлъ.

лось свое хозяйство, тѣмъ не менѣе за столомъ у Муравьевыхъ всегда было человѣкъ 8, въ праздники и болѣе. Почти ежедневно кромѣ своихъ обѣдалъ кто-нибудь изъ пріѣзжихъ, чаще всего изъ Вильны, или родственники и знакомые.

Порядокъ въ домѣ и въ семьѣ держала графиня, такъ что графъ Михаилъ Николаевичъ казался лишь почетнымъ жильцомъ и во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ подчинялся графинѣ, довольно взыскательной, но всегда милой и безгранично преданной своему долгу.

Утреннія занятія графа ограничивались за это время большею частью пріемомъ разныхъ государственныхъ людей, отвѣтами на многочисленныя письма, а иногда и чтеніемъ. Однажды я засталъ его въ первой отъ входа комнатѣ, гдѣ стоялъ низкій библіотечный шкафъ, роющимся въ книгахъ на полу и помогъ ему отыскать сочиненія Веніамина Франклина во французскомъ переводѣ. Нѣкоторое время мы наслаждались этимъ чтеніемъ, а по окончаніи графъ подарилъ мнѣ на память творенія своего любимца. Вечеромъ всѣ поочередно читали ему газеты—«Московскія Вѣдомости» и «Русскій Инвалидъ». Нѣсколько вечеровъ онъ провелъ въ эту зиму за шахматами съ сосѣдомъ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ и съ извѣстнымъ въ свое время шахматистомъ Шумовымъ.

Съ половины ноября пріѣздъ въ Петербургъ генерала Кауфмана съ проектомъ объ обязательной въ два года продажѣ секвестрованныхъ имѣній и о воспрещеніи лицамъ польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать имѣнія въ 9-ти западныхъ губерніяхъ всякимъ инымъ путемъ, кромѣ наслѣдства по закону, внесъ нѣкоторое оживленіе и въ жизнь графа Муравьева. Онъ сильно интересовался этимъ вопросомъ, знакомился съ подробностями записки и проекта, видя въ немъ осуществленіе своей завѣтной мечты, и когда 10 декабря 1865 г., послѣ бурныхъ засѣданій, проектъ получилъ утвержденіе, графъ искренно радовался и съ этихъ поръ окончательно полюбилъ К. П. фонъ-Кауфмана.

Приближался новый годъ, а работа по составленію записокъ о Западномъ краѣ не начиналась. Въ семьѣ Муравьевыхъ было обыкновеніе передъ встрѣчею новаго года въ половинѣ 12 часа служить молебенъ. Подойдя, по окончаніи молебна, къ графу съ бокаломъ въ рукѣ для привѣтствія, я сталъ настоятельно просить его, въ виду примѣтнаго улучшенія въ его здоровьи, рѣшительно приняться съ новаго года за работу. Графъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, графиня и домашніе меня поддержали и тутъ же было рѣшено, что начиная со 2-го января ежедневно съ 11-ти часовъ мы будемъ заниматься, сколько силы позволятъ.

Графъ исполнилъ обѣщаніе и въ условленный день началъ диктовать свои записки, придерживаясь заранѣе набросанной программы. Сначала усидчивая работа требовала отъ графа большого напряженія и бывали дни перерыва не отъ важныхъ только посѣтителей, но единственно по нездоровью. Заставъ однажды доктора Варенуху одного въ пріемной, я подробно распросилъ его относительно состоянія организма графа и онъ, не обинуясь, объяснилъ мнѣ, что хотя у него сонъ и питаніе удовлетворительные по его лѣтамъ, но такъ какъ онъ давно не дѣлаетъ движенія, то дѣятельность сердца на столько слаба и ожирѣніе грудной клѣтки такъ велико, что можно во всякое время, даже безъ особаго потрясенія или напряженія, ожидать его кончины, которая по всей вѣроятности послѣдуетъ внезапно.

Послѣ такого объясненія, совпадавшаго и съ моими печальными наблюденіями, необходимо было еще внимательнѣе слѣдить за графомъ во время занятій и, при малѣйшемъ признакѣ утомленія, искать предлога для прекращенія.

Все, набросанное карандашемъ въ теченіи двухъ или трехъ дней, я приводилъ въ порядокъ и переписывалъ чернилами, держа въ тоже время особаго переписчика, который уже съ моей рукописи переписывалъ набѣло экземпляръ лично для меня.

Изготовленное такимъ образомъ прочитывалось графу, для освѣженія въ памяти и на случай какихъ нибудь дополненій. Такъ дѣло шло въ теченіи трехъ мѣсяцевъ съ небольшими перерывами. Замѣчательно, что 4 апрѣля 1866 года утромъ графъ кончилъ диктовать третью послѣднюю часть своихъ записокъ, названную имъ «ретроспективный обзоръ» и даже намѣтилъ тѣ документы, которые слѣдуетъ подобрать въ видѣ оправдательныхъ приложеній. Въ этотъ же день въ 4-мъ часу раздался у Лѣтняго сада роковой выстрѣлъ Каракозова, направленный въ Императора Александра II.

Вечеромъ я засталъ графа очень встревоженнымъ, не спавшимъ послѣ обѣда, и мнѣ подумалось, что съ этой минуты его спокойной жизни настанетъ конецъ.

Такъ и случилось. 8-го утромъ ко мнѣ зашелъ Петръ Александровичъ Черевинъ обмѣняться мыслями по поводу ходившихъ уже въ городѣ толковъ, указывающихъ на графа Муравьева, какъ на единственнаго человѣка, способнаго разобраться въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Черезъ два дня графъ былъ приглашенъ къ Государю, а 12 появилось въ газетахъ извѣстіе о назначеніи его предсѣдателемъ особой слѣдственной коммиссіи по событію 4 апрѣля.

Графъ М. Н. Муравьевъ не остановился передъ

трудностью задачи и для близкихъ его не было сомнѣнія, что онъ приметъ сдѣланное ему предложеніе. Графъ какъ-бы по мановенію волшебства сразу преобразился. Еще наканунѣ онъ съ трудомъ могъ продиктовать нѣсколько страницъ своихъ воспоминаній; теперь съ утра до ночи вокругъ него все кипѣло. Это было послѣднее напряженіе души, жаждавшей подвига.

Вслѣдъ за событіемъ 4 апрѣля шефъ жандармовъ, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, сознавая важность лежавшей на немъ отвѣтственности, покинулъ свой постъ. Послѣ назначенія графа Муравьева, покинули свои мѣста: министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ и Петербургскій военный генералъ-губернаторъ князь А. А. Суворовъ, главный хулитель Муравьева. Должность генералъ-губернатора упразднена, а петербургскимъ оберъ-полицiймейстеромъ, по указанію графа, былъ назначенъ изъ Варшавы генералъ Треповъ. Не безъ его же вліянія на мѣсто Головнина былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой, съ оставленіемъ въ должности оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Въ распоряженіе графа были назначены: полковникъ П. А. Черевинъ и гвардіи полковники: Преображенскаго полка графъ Клейнмихель и Панютинъ, Семеновскаго—А. Н. Никифораки, Измай-

ловскаго—А. С. Васильковскій. Каждое утро у графа былъ пріемъ. Нерѣдко онъ ѣздилъ во дворецъ, а по вечерамъ въ коммисію, по мѣрѣ доставленія изъ разныхъ мѣстъ единомышленниковъ Каракозова. Многочисленныя депутаціи, представлявшіяся Государю, считали долгомъ явиться и къ графу Муравьеву.

Личность преступника была скоро обнаружена; но соумышленники его оказались, по большей части, въ Москвѣ и за Москвою, и это обстоятельство усложняло открытіе заговора. Это былъ кружокъ молодыхъ людей, зараженныхъ ученіемъ Чернышевскаго и неясными анархическими и соціальными идеями. Явленіе было новое у насъ, сложное и причины его лежали глубоко въ томъ соціальномъ потрясеніи, которое наше общество стало переживать по окончаніи Крымской войны.

Вскорѣ послѣ назначенія графа М. Н. Муравьева, Англійскій клубъ пожелалъ почтить его самоотверженную и полезную дѣятельность торжественнымъ обѣдомъ. Графъ принялъ предложеніе и, въ отвѣтъ на обращенное къ нему привѣтствіе, отвѣчалъ, между прочимъ, что ляжетъ костьми, но откроетъ корни зла. На этомъ же обѣдѣ поэтъ Некрасовъ прочелъ стихотвореніе, сочиненное имъ въ честь графа.

Нельзя было не изумляться въ это время жиз-

ненной его энергіи. Графъ забывалъ о своихъ недугахъ и, вникая все глубже въ смыслъ печальнаго явленія, выяснить которое онъ былъ призванъ, онъ приходилъ къ заключенію въ необходимости начать лѣченіе болѣзни сверху, съ высшихъ правительственныхъ сферъ, гдѣ почти безраздѣльно царствовалъ духъ подражательнаго либерализма во всѣхъ видахъ и проявленіяхъ.

Графъ не обольщалъ себя мыслью, что его совѣты и указанія будутъ приняты. Онъ понималъ, что вновь назначенный шефъ жандармовъ графъ П. А. Шуваловъ, при всѣхъ его способностяхъ, не изъ его единомышленниковъ. Онъ зналъ, что главные совѣтники Государя не на его сторонѣ, что его предложенія будутъ принимаемы, какъ ворчаніе властолюбиваго старика; но онъ сознавалъ выше всего свой долгъ передъ Государемъ и отечествомъ и не скрывалъ отъ себя опасностей близкаго будущаго.

Дѣло усложнялось, наступало лѣто. Ѣхать въ Сырецъ было невозможно, и графу было отведено лѣтнее помѣщеніе отъ Двора въ оранжерейномъ флигелѣ, ближайшемъ къ Елагинскому дворцу. Комнаты были маленькія, ихъ было мало, такъ что столовую пришлось устроить въ видѣ палатки въ самой оранжереѣ, откуда растенія были выставлены.

Здѣсь графъ М. Н. Муравьевъ провелъ іюнь, іюль и половину августа. Здѣсь, независимо отъ текущей работы, требовавшей его нерѣдкихъ отлучекъ въ городъ, онъ диктовалъ для представленія Государю записки по разнымъ вопросамъ государственнаго управленія, принятыя довольно холодно. Многія изъ заключающихся въ нихъ мыслей были однако осуществлены въ слѣдующее царствованіе.

Къ августу слѣдственное дѣло приходило къ концу и составлялась записка для передачи въ Верховный Уголовный судъ о 35 лицахъ, такъ или иначе причастныхъ къ дѣлу. Въ это время одно обстоятельство особенно огорчило графа. Онъ желалъ, чтобы М. Н. Катковъ въ рядѣ статей выяснилъ связь печальнаго событія 4 апрѣля съ нашими внутренними нестроеніями и указалъ на угрожающую для общества опасность въ будущемъ. Графъ поддерживалъ, чрезъ близкихъ людей, постоянныя сношенія съ Катковымъ и очень дорожилъ мнѣніемъ «Московскихъ вѣдомостей». Между тѣмъ Катковъ прислалъ графу корректурный листъ большой и блестяще написанной статьи, въ которой очень искусно проводилась мысль, что событіе 4 апрѣля есть ухищреніе запада, польщизны и т. п., постоянно опутывающихъ своими сѣтями

Россію и измышляющихъ способы къ ея ослабленію.

Статья эта крайне непріятно подѣйствовала на графа, который дважды ее перечитывалъ. Онъ находилъ, что это блестящая софистика, удобная для отвода глазъ и для сваливанія съ больной головы на здоровую. Онъ рѣшительно не понималъ зачѣмъ закрывать глаза на внутреннее, домашнее зло, пустившее глубокіе корни, и собирался вступить въ полемику съ Катковымъ, въ надеждѣ его переубѣдить.

Разномысліе это не имѣло однако никакихъ послѣдствій, только графъ вообще за это время сталъ нервенъ и раздражителенъ. Будучи всегда сдержанъ въ выраженіяхъ, ровенъ и деликатенъ, онъ не измѣнялъ себѣ никогда, но въ голосѣ и движеніяхъ его замѣчалось какое то безпокойство, надорванность, чего никогда не было даже въ самые трудные дни виленской дѣятельности.

Графъ спѣшилъ окончаніемъ дѣла, чтобы провести послѣдніе дни августа въ Сырцѣ, гдѣ назначено было на 29-е, день, когда православная церковь вспоминаетъ всѣхъ воиновъ, «животъ свой на полѣ брани положившихъ», освященіе заложеной въ минувшемъ году церкви. На слѣдующій день предполагалось возвратиться на зимнее пребываніе въ городъ, такъ какъ 30-го ожидался царскій ре-

скрипть, послѣ котораго надлежало благодарить и откланяться.

Переѣздъ въ городъ послѣдовалъ за нѣсколько дней до отъѣзда въ Сырецъ. Такъ какъ неотложныя семейныя дѣла требовали моего присутствія въ имѣніи, то я, къ сожалѣнію, не могъ послѣдовать въ Сырецъ на предстоявшее торжество. Зная это, графъ, по возвращеніи въ городъ, спросилъ меня какъ-то о запискахъ, о которыхъ ни разу не вспомнилъ во все лѣто. Заявивъ ему, что онѣ пересмотрѣны и приведены въ полный порядокъ, я на другой день принесъ ихъ ему, и онъ былъ очень доволенъ. Дня за два до его отъѣзда въ Сырецъ, я провелъ у него послѣдній вечеръ и засталъ его въ самомъ веселомъ настроеніи. Онъ собирался зимою снова писать, просилъ скорѣе возвращаться и трогательно прощался, отпуская въ дальній путь. Не думалось мнѣ, что я его никогда уже не увижу.

Въ концѣ августа погода стояла превосходная и все семейство Графа Михаила Николаевича собралось въ Сырцѣ. Туда же пріѣхалъ наканунѣ 29-го П. А. Черевинъ.

Графъ бодро вынесъ церковную службу и слѣдовавшій за нею обѣдъ. Весь день былъ веселъ и разговорчивъ, а вечеромъ, когда устроились даже танцы, любовался и засидѣлся до часу ночи. Про-

щаясь ласково со всѣми, предупреждалъ, что надо всѣмъ рано вставать и собираться въ дорогу.

Когда, на слѣдующее утро, старый слуга графа, не слыша его обычнаго утренняго кашля, вошелъ въ его комнату и, поднимая стору, началъ окликать графа, онъ оказался бездыханнымъ, похолодѣвшимъ, въ позѣ мирно спящаго на правомъ боку съ головою, подпертой рукою. Плодотворная жизнь его пресѣклась во время сна, согласно предвидѣнію наблюдавшаго за нимъ врача.

Впослѣдствіи были пущены слухи объ отравленіи; но обстановка графа въ кругу семьи и вѣрныхъ людей исключаетъ всякое предположеніе въ этомъ смыслѣ. Господь послалъ ему тихую безболѣзненную кончину.

Въ это же утро въ городскомъ домѣ графа фельдъегерь ожидалъ его возвращенія изъ деревни, для передачи Царскаго рескрипта съ приложеніемъ бриліантовыхъ знаковъ ордена Св. Андрея Первозваннаго; но прибывшій съ поѣзда зять графа, С. С. Шереметевъ, сообщилъ печальную вѣсть о его кончинѣ.

Тѣло графа М. Н. Муравьева было черезъ два дня перевезено въ Петербургъ и, въ присутствіи Императора Александра II предано землѣ съ подобающими почестями на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ надъ его могилою высится часовня, точный въ уменьшенномъ видѣ снимокъ

съ часовни, сооруженной въ Вильнѣ въ память русскихъ воиновъ, павшихъ при подавленіи мятежа 1863 года. Въ склепъ этой же часовни черезъ полтора года было опущено тѣло вѣрной подруги графа, графини Пелагеи Васильевны, которая напрасно старалась пересилить свою скорбь молитвою и добрыми дѣлами.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Высочайшій рескриптъ данный на имя генерала отъ инфантеріи графа Муравьева 2-го.

Графъ Михаилъ Николаевичъ. Я призвалъ васъ къ управленію Сѣверо-Западными губерніями въ то трудное время, когда вѣроломный мятежъ, вспыхнувшій въ Царствѣ Польскомъ, распространялся въ ихъ предѣлахъ и уже успѣлъ поколебать въ нихъ основныя начала правительства и гражданскаго порядка.

Не смотря на разстройство вашего здоровья, вслѣдствіе котораго, незадолго предъ тѣмъ, я долженъ былъ снизойти на просьбу вашу объ увольненіи васъ отъ одновременнаго управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ, департаментомъ удѣловъ и межевымъ корпусомъ, вы съ примѣрнымъ самоотверженіемъ приняли на себя ввѣряемыя мною вамъ новыя обязанности, и при

исполненіи ихъ оправдали, въ полной мѣрѣ, Мои ожиданія.

Мятежъ подавленъ; сила правительственной власти возстановлена; общественное спокойствіе водворено и обезпечено рядомъ мѣръ, принятыхъ съ свойственными вамъ неутомимою дѣятельностью, распорядительностью, знаніемъ мѣстныхъ условій и непоколебимою твердостью. Вы обратили вниманіе на всѣ отрасли управленія во ввѣренномъ вамъ краѣ. Вы осуществили и упрочили предначертанное мною преобразованіе быта крестьянскаго населенія, въ огромномъ большинствѣ вѣрнаго своему долгу и нынѣ снова ознаменовавшаго глубокое сознаніе древняго и неразрывнаго единства Западнаго края съ Россіей. Вы озаботились улучшеніемъ быта православнаго духовенства, возстановили въ народной памяти вѣковыя святыни православія, содѣйствовали устройству и украшенію православныхъ храмовъ и, вмѣстѣ съ умноженіемъ числа народныхъ училищъ, положили начала преобразованія ихъ въ духѣ православія и русской народности. Подвиги ваши вполнѣ мною оцѣнены и пріобрѣли вамъ то всеобщее сочувствіе, которое столько разъ и съ разныхъ сторонъ вамъ было засвидѣтельствовано.

Къ крайнему моему прискорбію, ваши непрерывныя и усиленныя занятія еще болѣе разстроили

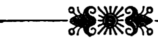
здоровье ваше, и вы снова заявили мнѣ о невозможности долѣе исполнять лежащія на васъ многотрудныя обязанности.

Снисходя къ желанію вашему и съ сожалѣніемъ увольняя васъ отъ занимаемыхъ вами должностей и званій, кромѣ званія члена государственнаго совѣта, Я вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ознаменованіе Моей къ вамъ признательности и въ увѣковѣчіе памяти о заслугахъ вашихъ предъ престоломъ и отечествомъ, указомъ, сего числа правительствующему сенату даннымъ, возвелъ васъ, съ нисходящимъ потомствомъ, въ графское Россійской имперіи достоинство.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Величества рукою написано: «Искренно вамъ благодарный Александръ».

Ницца.
17-го (29-го) апрѣля 1865 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.